

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Г. Л. Нахрчёва

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале шурышкарского диалекта)**

Монография

Ханты-Мансийск
2016

УДК 811.511.142
ББК 81.2-Хант-2
Н34

Рецензенты:

доктор филологических наук А. А. Бурькин,
кандидат филологических наук Л. Т. Спирякова

Нахрачева, Г. Л.

Н34 Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта): монография / Г. Л. Нахрачева ; отв. ред. В. Н. Соловар ; Деп. образования и молодежной политики ХМАО-Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2016. – 167 с.

ISBN 978-5-9907703-8-6

Монография посвящена изучению лексико-семантических групп деструктивных глаголов, описанию их лексической и синтаксической семантики, классификации деструктивных глаголов, анализу основных моделей элементарных простых предложений с предикатами, выраженными глаголами деструктивного действия на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка.

УДК 811.511.142
ББК 81.2-Хант-2

ISBN 978-5-9907703-8-6

© Нахрачёва Г. Л., 2016
© БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 2016
© Оформление. ООО «Югорский формат», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
Введение	5
Глава I. Лексическая семантика глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта).....	11
1.1. Деструктивность как предмет лингвистического исследования	11
1.2. Типы лексической сочетаемости глаголов деструкции...28	
1.3. Лексико-семантическая классификация глаголов деструктивного действия хантыйского языка	36
1.3.1. Глаголы химической (биологической) деструкции..37	
1.3.2. Глаголы температурной деструкции.....43	
1.3.3. Глаголы механической деструкции	43
Глава II. Синтаксическая семантика глаголов деструктивного действия хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта).....	71
2.1. История формирования теории моделирования предложения	71
2.2. Семантические компоненты глаголов деструкции	78
2.3. Роль превербов в формировании семантики деструктивных глаголов	86
2.4. Элементарные простые предложения хантыйского языка, формируемые деструктивными глаголами.....	97
2.4.1. Система акциональных моделей, формируемых глаголами деструкции	98
2.4.2. Система стальных моделей, описывающих глаголы деструкции.....	105
Выводы.....	114
Заключение	116
Список литературы.....	123

Список источников.....	143
Приложение	145
1. Словарь деструктивных глаголов шурышкарского диалекта хантыйского языка	145
Глаголы химической (биологической) деструкции	156
2. Словарь деструктивных глаголов казымского диалекта хантыйского языка	159
3. Структурные схемы и соответствующие им модели ЭПП хантыйского языка, формируемых глаголами деструктивного действия	161
4. Список информантов	163
Список условных обозначений	164
Список сокращений текстовых источников	165
Inhaltsangabe	166

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография посвящена изучению лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) глаголов деструктивного действия (далее – ГДД), описанию их лексической и синтаксической семантики и классификации деструктивных глаголов шурышкарского диалекта хантыйского языка.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена отсутствием работ по изучению лексической семантики глаголов хантыйского языка, и, в частности, исследований, посвященных выявлению и семантической классификации ЛСГ ГДД; отсутствием работ, посвященных системному структурно-семантическому анализу элементарных простых предложений (далее – ЭПП), в которых глаголы деструкции функционируют в качестве предиката; необходимостью комплексного исследования семантики избранной группы глаголов.

Глаголы со значением деструкции составляют большую группу широкоупотребительных единиц хантыйского языка. В нашем случае задача осложнена еще и тем, что до сих пор остаются неразработанными вопросы лексической семантики, в том числе многозначности глагола, отсутствуют работы по описанию семантической классификации ЛСГ глагола. В полном объеме не определены группы единиц, связанные с понятием деструкции, не выявлен статус семантического компонента «деструкции» в семной структуре слова. Исследование в таком направлении затруднено также в связи с отсутствием словарей даже среднего объема, отсутствием текстов различного жанра. В работе предпринят анализ лексико-семантической группы глаголов деструкции, показана связь между лексическим значением и функционированием глаголов в составе элементарных простых предложений. Полученные результаты восполняют отсутствие работ по лексической семантике в хантыйском языке.

Объектом исследования послужили глаголы, обозначающие деструктивное воздействие на объект, а также саморазрушение субъекта, в результате которого происходит качественное

изменение предмета, тотальное или частичное нарушение его целостности, модификация его признаков и свойств.

Отбор лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) деструктивных глаголов шурышкарского диалекта хантыйского языка, составивших объект исследования, производился в несколько этапов. На первом этапе были выявлены единицы, выражающие понятие деструкции. На следующем этапе были выявлены ЛСГ данных глаголов. В состав периферийной части подгруппы со значением деструкции предмета вошли при этом ряды единиц, которые могут быть включены в смежные по значению группы глаголов – например, ЛСГ глаголов со значением уничтожения и повреждения предмета.

Предметом исследования является семантика и функционирование деструктивных глаголов шурышкарского диалекта в хантыйском языке в плане выявления их структурно-семантических и синтаксических особенностей.

Новизна работы определяется тем, что впервые очерчены границы класса деструктивных глаголов на материале одного из малоисследованных хантыйских диалектов – шурышкарского. В данной работе впервые осуществляется лексико-семантический анализ глаголов деструкции хантыйского языка на материале шурышкарского диалекта с привлечением материалов близкого родственного казымского, впервые выявляются глаголы деструкции (далее – ГД), которые отличаются функциональной значимостью и широкой употребительностью в речи, дается семантическая классификация данных глаголов и описываются структурно-семантические типы ЭПП, которые они формируют.

На материале хантыйского языка по ЛСГ глаголов есть лишь отдельные статьи, на которых мы подробнее остановимся в теоретической главе.

Целью нашей работы является выявление и описание ЛСГ ГДД и моделей элементарных простых предложений, которые они формируют на материале шурышкарского диалекта хантый-

ского языка. В соответствии с намеченной целью ставятся следующие **задачи**:

- 1) выявление глаголов деструкции, определение набора семантических признаков исследуемых глаголов, составление списка глаголов деструкции;
- 2) определение содержания и объема понятия «разрушение» и выделение состава ЛСГ глаголов деструкции, характеристика смыслового взаимодействия между ее членами, установление семной структуры значения ЛСВ, входящих в каждую подгруппу;
- 3) описание ЭПП хантыйского языка с предикатами деструкции; установление системных отношений между структурами данного класса;
- 4) установление характера типового лексического наполнения синтаксических позиций изучаемых конструкций, описание роли превербов в формировании глагольной валентности, структуры и семантики модели предложения;
- 5) установление конечного инвентаря ЭПП хантыйского языка с предикатами деструкции.

Методы исследования. Исходя из общей цели и задач исследования, в работе использовались следующие методы:

- описательный метод (сопоставление, анализ и синтез, сравнение и обобщение);
- метод контекстного (дистрибутивного) анализа, позволяющий выявить различные значения и оттенки значений исследуемых глаголов;
- экспериментальный анализ, связанный с работой информантов, при помощи которых проводилось уточнение значений глаголов;
- элементы сравнительно-сопоставительного метода;
- метод компонентного анализа;
- метод моделирования.

Материалом исследования послужила составленная автором картотека объемом около 4000 единиц, собранная путем

сплошной выборки из художественных произведений, публицистики, словарей, учебных и научных изданий, устного народного творчества, записи устной речи, а также анкетирования информантов. Нами зафиксировано 415 деструктивных глаголов хантыйского языка на материале шурышкарского диалекта. Анализ структурно-семантического строения позволил нам выявить классификацию данных глаголов по ЛСГ. Глаголы деструкции мы разделили на три подгруппы:

- 1) глаголы механической деструкции – 351 глаголов;
- 2) глаголы химической (биологической) деструкции – 60 глаголов;
- 3) глаголы температурной деструкции – 4 глагола.

Для предоставления более полной картины лексико-семантических особенностей шурышкарского диалекта в работе вводятся примеры из близкого казымского диалекта хантыйского языка. Мы приводим примеры из казымского диалекта, которые не встретились в шурышкарском диалекте, именно такие образцы позволяют говорить об особенностях исследуемого диалекта. Поэтому в настоящей работе языковой материал представлен на шурышкарском диалекте, распространенном на территории Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа, а также на казымском диалекте, который охватывает территорию Белоярского района и восточную окраинную часть соседнего Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа.

Транскрипция. В работе все примеры даны в финно-угорской транскрипции.

Теоретической и методологической базой нашего исследования послужили труды отечественных ученых по семантике глаголов в языках разного типа, а также исследования, посвященные моделированию структуры и семантики предложения: Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, А. А. Бурькина, Н. Ю. Шведовой, В. А. Белашапковой, Л. М. Васильева, Г. А. Золотовой, Т. П. Ломтева, Д. В. Цыганкина, Е. В. Падучевой, М. И. Черемин

синой, А. Д. Каксина, Н. Б. Кошкаревой, М. В. Мосина, Е. С. Кубряковой, Э. В. Кузнецовой, Е. В. Разовой, Т. А. Потапенко, В. Н. Соловар, А. П. Султановой, Э. Х. Сувановой, Ф. Г. Фаткуллиной и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее основные положения и методика предпринятого исследования могут быть использованы при исследовании различных групп глаголов хантыйского, а также близкородственного мансийского языка. Результаты работы вносят вклад в системное изучение словарного состава обско-угорских языков. В работе описана лексическая и синтаксическая семантика глаголов деструкции. Это позволит в дальнейшем глубже изучить синтаксическую полисемию. Применение подходов, выработанных при описании семантики глаголов деструктивного воздействия шурышкарского диалекта хантыйского языка, может быть использовано по отношению к другим диалектам хантыйского языка и близкородственному мансийскому языку. Результаты исследования могут быть использованы также для проведения типологических и сравнительно-сопоставительных исследований языков разных систем.

Богатый языковой материал работы вносит определенный вклад в исследование семантики и синтаксиса хантыйского языка. В научный оборот вводятся новые материалы, полученные от информантов.

Практическая значимость работы обуславливается возможностью использования результатов и фактического материала при составлении словарей разного типа, при подготовке словарных статей в лексикографических изданиях, составлении учебных пособий по курсам лексикологии и грамматики современного хантыйского языка, при сравнительном и сопоставительном изучении языков разных структур. Она может быть использована как справочный материал по исчезающему хантыйскому языку.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю – доктору филологических наук, доценту В. Н. Соловар, доктору филологических наук Н. Б. Кошкарёвой за ценные замечания, советы, которые они давали на протяжении всей работы, а также благодарит своих рецензентов – доктора филологических наук А. А. Бурыкина и кандидата филологических наук Л. Т. Спирякову.

ГЛАВА I. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

Данная глава посвящена исследованию лексической семантики глаголов со значением деструктивного воздействия. В главе рассматриваются содержание и объем понятия «разрушение», описывается семная структура единиц, входящих в ЛСГ ГДД, отношения между данными единицами, устанавливается структура исследуемой ЛСГ.

1.1. Деструктивность как предмет лингвистического исследования

Исследование семантики глаголов со значением разрушения целесообразно начать с раскрытия понятия разрушения.

Понятие «деструкция», «деструктивность» предполагает негативные, разрушительные явления действительности. Словари различных типов определяют данное явление как «нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо». Это понятие предполагает, что нормальный ход вещей, развитие какого-либо процесса могут быть нарушены, связи, обеспечивающие устойчивость той или иной системы, могут быть разорваны, жизнь остановлена.

Деструкция, деструктивность (от лат. *Destructio* – разрушение) – в широком смысле – разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо; уничтожение [Клиническая психология, 2006: 125].

Деструкция – «разрушение, разламывание» структуры (чего-л.) как «взаиморасположения и связи составных частей» (из лат. *structura* ‘строение, сооружение; расположение, порядок’) [Дворецкий, 1976: 958].

Большой энциклопедический словарь толкует это понятие следующим образом: «деструкция (лат. *destructio*) – нарушение или разрушение нормальной структуры чего-либо» [БЭС, 1998].

Сходное определение явления находим в Словаре иностранных слов: «деструкция – разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо» [СИС, 1993].

«Словарь иноязычных выражений и слов» под редакцией А. М. Бабкина и В. В. Шендецова определяет деструкцию как «разрушение» [Словарь иноязычных выражений и слов, 1981: 334], а «Краткий словарь современных понятий и терминов» дает следующее определение прилагательного *деструктивный*: «разрушительный, нарушающий установленный порядок, сложившиеся нормы» [Краткий словарь современных понятий и терминов, 1993: 110].

Сведения, извлеченные из словарных дефиниций, посвященных деструкции, дают основание выделить следующие существенные признаки деструкции:

- 1) членение, разрушение, изменение, деформация каких-либо объектов и, как результат деструкции, уничтожение;
- 2) любое изменение структуры чего-либо под воздействием различных сил (механических, физических и т. п.) и невозможность выполнения объектом ранее присущих ему функций;
- 3) разрушение объекта под воздействием температуры, химических элементов, микробиологических объектов, природных явлений, амортизации и т. д., воспринимаемое как его саморазрушение [Фаткуллина, 2010: 40].

Согласно З. Фрейду, деструктивность свойственна всем человеческим существам. Он выделял проблему деструкции как наиболее актуальную [Фрейд, 2010: 57].

Деструктивная деятельность является неизбежной для человечества в объективной реальности и характерной не только для человека – такой вид деятельности в человеческом понимании свойственен абсолютно всем одушевленным и неодушевленным предметам, которые способны воздействовать на какой-либо объект, изменяя его качественные и количественные характеристики [Султанова, 2008: 11].

Деструкция, охватывая практически все сущее в мире, выделяет вещь на основании всех ее характеристик. Так, индивидуальными отличительными признаками деструкции являются расчленение, разрушение, нарушение структуры предмета на макро- и микроуровне. Но деструкция также объединяет различные сущности на основе других характеристик (признаков) повреждения, уничтожения отделения, разделения и т. п. С точки зрения когнитивного взгляда на категорию деструктивности можно заключить, что данная семантическая категория – это совокупность декларативных знаний, специфическим образом отражающих представления и понятия об объектах, и процедурных знаний – знаний об использовании первых в коммуникативном акте. Языковые знания о деструкции – это отражение, в знаках специфических дискретных единиц, представляющих собой взаимодействующие структуры, а их совокупность есть фрагмент «конечной картины мира» (фрейм) [Фаткуллина, 2002: 26].

Анализ философско-эстетической, психологической, социальной и лингвистической литературы позволяет интерпретировать деструктивность не только как целенаправленное/нецеленаправленное (намеренное или случайное) действие, обращённое на человека или предмет, результатом которого наносится вред (материальный или нематериальный), сущность которого заключается в нарушении свойств и функций данного предмета или в недееспособности человека (физической или умственной), но и как процесс, в котором предмет/человек (под воздействием внешних или внутренних условий) становится плохим, непригодным для дальнейшего использования или не может существовать.

Вслед за Ф. Г. Фаткуллиной мы делаем вывод о том, что деструкция – это процесс, направленный в сторону превращения сложной структуры в простую, от многообразия к единообразию, от жизни к смерти, аннигиляции [Фаткуллина, 2010: 58].

В своем исследовании мы опираемся на работы, выполненные по данной теме в отечественном языкознании.

В лингвистической литературе много внимания уделяется изучению и описанию, прежде всего глагольной лексики.

При изучении лексико-семантических отношений деструктивной группы глаголов мы опираемся на работы, выполненные на материале других языков, это поможет нам глубже освещать основные вопросы исследования глаголов разрушительной деятельности в хантыйском языке.

Для изучения формирования лексического значения данной группы глаголов ученые использовали различные подходы.

Анализ литературы, посвященной исследованию глагольной лексики (в частности некоторых классов деструктивной семантики) показал, что отсутствует единая, строгая их концепция. Если говорить в общем виде, существует два подхода в изучении деструктивной лексики. К первому относятся работы, посвященные описанию всей глагольной лексики, включая и деструктивные глаголы: В. В. Прокопов [1945], Ю. Д. Апресян [1974], Э. В. Кузнецова [1974], Л. В. Васильев [1981], И. И. Мещанинов [1982], Л. Г. Бабенко [1999]. Указанные авторы исходили из разных принципов определения сходства и различий между значениями русских глаголов, поэтому и количество семантических групп, и их состав у них различны.

Авторы других исследований изучают отдельные ЛСГ в составе рассматриваемой нами категории: С. В. Слюсарева [1974], Т. А. Потапенко [1978], Н. Г. Арзуманова [1979], Т. Я. Золотова [1979], Т. А. Кильдибекова [1983], И. В. Ивлиев [1999], Е. В. Падучева [1992], Е. С. Кубрякова [1996], Т. Г. Скребцова [1996], Ф. Г. Фаткуллина [2002], А. П. Султанова [2008], Ф. К. Бураихи [2011].

Первоначальный этап исследования был связан с именем В. В. Прокопова. Деструктивные глаголы (глаголы разрушения, по В. В. Прокопову) включаются в самую широкую группу *verba actionis* (переходные глаголы действия). Его классификация носила в основном прикладной характер и строилась на ограниченном материале словаря [Прокопов, 1945]. В последую-

щие годы предпринимались попытки классифицировать глаголы деструкции, однако объём группы глаголов деструкции у разных исследователей оказывался различным, круг глаголов, относимых к ней, неодинаковым.

Следующий этап исследования глагольной лексики относится к 70–90 гг. Классификации, содержащиеся в данных исследованиях, являются наиболее обоснованными и перспективными для семантического анализа глаголов. В них авторы предлагают классифицировать глаголы (в том числе и деструктивные) по семантическим признакам, на основе синтаксических признаков.

Известны работы, которые освещают частные подгруппы ЛСГ глаголов деструкции, например, глаголы нанесения удара, лишения жизни, отделения, горения, изменения поверхности объекта, разделения [Падучева, 1992: 69–77; Султанова, 2004: 89–90].

Ряд авторов анализирует глаголы деструкции в рамках более крупных классов, например, таких как класс глаголов обработки, глаголов действия, глаголов физического воздействия на объект [Потапенко, 1983: 50–56; Бабенко, 1999; Султанова, 2008].

На материале русского языка данная ЛСГ описана достаточно основательно.

С. В. Слюсарева поставила перед собой задачу выделить общие и особенные элементы в семантике групп понятийного поля в двух неблизко родственных языках. Она рассмотрела синтаксическую сочетаемость русских глаголов, выделяя основные синтаксические модели этих глаголов и основные тематические группы имен существительных, которые могут выступать при деструктивных глаголах в качестве объекта и субъекта [Слюсарева, 1974].

Так, Т. А. Потапенко [Потапенко, 1983] применял теорию категориальной, интегральной и дифференциальной семантики признаков и метод компонентного анализа. Он выделил центр ЛСГ глаголов – глагол «разрушать», который, по его словам, воплощает семантическую тему группы – «разрушать», свойственную значениям всех членов этой группы. Ученым был сде-

лан вывод, что в одном и том же глаголе могут совмещаться противоположные значения – «разрушать» и «созидать». Т. А. Потапенко также заметил, что большинство толковых словарей ограничивает значение материального действия у глаголов указанием на процесс разрушения сооружений, но данные словарей антонимов позволяют выделить обобщенное значение разрушительного воздействия практически на все материальные объекты, как природные, так и созданные человеком.

Периферию группы составляют все приставочные глаголы, не включенные в ядро. В русском языке многие глаголы, только будучи приставочными, называют разрушительное воздействие. Нередко они принадлежат сниженным стилям речи: износить, перешибить, размолотить, рассадить и др. К периферии относятся и некоторые непроизводные глаголы, реализующие свое значение разрушительного воздействия с ограниченным числом слов: валить (стену), пороть (рубаху), трахать (молью) и др.

В своем исследовании Т. А. Потапенко пришел к выводу, что в разговорной речи глаголов со значением разрушения больше, чем в литературной из-за «приращения смысла»: мочалить, полосовать и т. п. Периферия ЛСГ глаголов количественно превосходит ядро.

Т. А. Потапенко отмечает, что глаголы разрушения многозначны: «Их полисемия отражает тесные связи с глаголами уничтожения, повреждения, созидания, восстановления, извлечения, обработки и т. д.» [Потапенко, 1983: 51].

Ф. Г. Фаткуллина определяет деструктивные глаголы как «переходные предельные глаголы со значением физического воздействия на объект, в результате которого объект изменяется, нарушается его структурная целостность на макро- или микроуровне, и он не может выполнять ранее присущие ему функции» [Фаткуллина, 1997: 64]. В своей докторской диссертации Ф. Г. Фаткуллина классифицирует русские глаголы деструкции следующим образом: 1) глаголы с общим значением разрушительного действия (*грызть, дырявить, бить*); 2) глаголы унич-

тожения (*зарезать, губить, пепелить*); 3) глаголы повреждения (*ранить, царапать, ковырять*). В ядро группы исследователь относит глаголы, которые в большинстве своем являются семантически непроизводными и служат основой для образования других деструктивных глаголов: *бить, гноить, громить, грызть, долбить, колоть, толочь, рубить* и др. Все приставочные глаголы (кроме включенных в ядро) составляют периферию группы. Исследователь считает, что многие глаголы имеют деструктивную семантику только будучи приставочными и принадлежат к сниженным стилям речи: *износить, раздергать, истребить* и др. К периферии она относит и некоторые непроизводные глаголы, реализующие значение разрушительного воздействия в сочетании с ограниченным числом слов: *валить* (стену), *пороть* (сукно), *мыть* (берег). Периферия данных глаголов, в соответствии с ее исследованиями, по количеству значительно превосходит ядро и имеет качественные особенности: она охватывает более широкую семантическую область, ее члены семантически и морфологически часто производны, более разнородны стилистически [Фаткуллина, 2002].

Так, например, Э. Х. Суванова объединяет в ЛСГ разрушения 26 русских глаголов: *бить, гнести, грызть, избить, давить, долбить, драть, душить, жать, кокать, колоть, кусать, ломать, лупить, нарушить, разить, рвать, резать, рубить, рушить, сечь, убить, ударить, уничтожить, хлестать, шинковать*. Автор выделяет глаголы деструкции наряду с другими ЛСГ в рамках классификации непроизводных глаголов в современном русском языке на основе категориально-грамматической, категориально-лексической сем, составляющих семантическую структуру данных глаголов, обуславливающих их принадлежность к данной группе ЛСГ [Суванова, 1985].

Немного в другом русле были исследованы глаголы и глагольные фразеологизмы со значением разрушения в работе Р. М. Скорняковой. Автор делает акцент на прямое и переносное значение глаголов на лексическом уровне [Скорнякова, 1987].

В диссертации Т. Г. Скребцовой рассматриваются лишь глаголы физического действия, совершаемого одушевленным предметом (чаще человеком) в отношении некоторого нематериального объекта [Скребцова, 1996]. Автор рассматривает только бесприставочные глаголы, или «акционарные предикаты», т. е. предикаты, содержащие утверждение о действии и предполагающие наличие результата. Ею выделены следующие группы глаголов: а) глаголы разделения на части: *кроить, дробить, грызть* и т. д.; б) глаголы изменения формы: *утюжить, плющить, мять, гнуть* и т. д.; в) глаголы изменения агрегатного состояния: *плавить, таять* и т. д.; г) глаголы рытья: *копать, рыть* и т. д.; д) глаголы обработки поверхности: *шлифовать, асфальтировать, дубить, строгать* и др.

Е. В. Разова характеризует глаголы порчи/повреждения как глаголы с относительно низкой степенью интенсивности разрушения и обозначающие незначительные повреждения субъекта, возникающие в результате внешних воздействий или предполагающие утрату у субъекта каких-либо качеств или нарушение функций [Разова, 2003: 72]. В группе глаголов порчи/повреждения она выделяет также две относительно самостоятельные группы: группу глаголов изнашивания и ранения [Разова, 2003].

Г. И. Кустова анализирует основной класс предикатов энергетической сферы (глаголы физического действия), который, по мнению автора, является самым представительным и по количеству, и по многозначности единиц [Кустова, 2004]. Глаголы физического действия в исходном значении описывают определенный тип изменения физического объекта в результате определенного типа воздействия. К таким типам изменений автор относит: удаление объекта, извлечение объекта, прикрепление объекта; обработка объекта – места, деформация объекта, преобразование объекта и более кардинальные изменения – создание/уничтожение объекта.

В своей работе Г. И. Кустова освещает некоторые особенности поведения каузативных глаголов и условно выделяет

«глаголы способа» и «глаголы результата». Принадлежность глаголов испачкать, испортить, улучшить/ухудшить, погубить к группе именно *глаголы результата* автор объясняет тем, что они не несут в себе никакой информации о каузаторе, а сообщают только о том, к чему эта каузация привела, т. е. содержат общую идею [Кустова, 2004: 51].

В Толковом словаре русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко [1999] глаголы деструкции описаны в составе ЛСГ «Физическое воздействие на объект», функционально-семантические особенности английских глаголов этой группы описаны О. В. Федотовой [2007], полисемию глаголов деструкции в русском и английском изучала А. П. Султанова [2008], семантика и функционирование предложений с глаголами касания на материале русского и немецкого языков была рассмотрена А. Л. Лебедевой [2009].

О. В. Валько проводит исследование английских глаголов со значением деструктивного действия с позиции когнитивной семантики и прототипической семантики, а также теории фреймов [Валько, 2005]. Исследователь анализирует глаголы деструктивного действия в количестве 726 лексических единиц как лексико-грамматическую категорию, единицы которой обнаруживают общий категориальный компонент в своей семантике. Автор выделяет глаголы деструктивного действия как отдельную категорию на основе общих семантических и грамматических признаков. К семантическим признакам она относит указание на «воздействие на структуру» и «нарушение структуры»/«уничтожение»/«негативное функциональное изменение». Грамматические признаки включают, по ее мнению, «каузативность» и «активность» для переходных глаголов, «инактивность» и «результативность» для переходных глаголов.

Научное исследование О. В. Кашкаровой посвящено изучению глагольной лексики, репрезентирующей в современном английском языке фрейм «разрушение». Изучение лексических единиц с точки зрения фреймовой семантики дает автору интер-

претировать значение представленных единиц во взаимосвязи со значением. Объединение глаголов в одну ЛСГ на основании общего концепта позволяет ей проанализировать особенности репрезентации фрейма «разрушение» глаголами через соотнесение с когнитивной структурой и помогает объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне [Кашкарова, 2006: 3–5]. Автор относит глаголы *to destroy*, *to ruin*, *to wresk*, *to collapse*, *to burn* и др. к группе «механическое разрушение, направленное на неодушевленный объект», представленный глаголами, не содержащими в значении компонент средства разрушения. Глаголы *to hurt*, *to wound*, *to injure*, *to cripple*, *to harm* и др. принадлежат к группе со значением частичного механического разрушения, направленного на одушевленный предмет, *to corrode*, *to decay*, *to rot*, *to decompose* – к группе глаголов биохимического разрушения [Кашкарова, 2006].

С. Е. Кузьмина посвятила свое исследование изучению лексической и синтаксической семантики глаголов со значением «уничтожения» в современном английском языке с позиции семантического синтаксиса. Глаголы характеризуются семантическими валентностными моделями, отображающими ситуации действия и ситуации события. На основе классификации видов уничтожения автор устанавливает семную структуру значения исследуемых единиц. Также выделяются и описываются семантические функции аргументов изучаемых предикатов [Кузьмина, 2006: 8].

Представляет интерес работа Е. В. Разовой, которая исследовала семантику глаголов со значением разрушения с позиции семантической теории валентности (720 единиц) на материале немецкого языка. Исследование глаголов проводилось с учетом тесной взаимосвязи словообразовательных, семантических и валентных особенностей глаголов. В соответствии с валентностными свойствами глаголы подразделяются на 2 типа: 1) глаголы, обозначающие изменение внутреннего состояния S и O (разрушение микроструктуры); 2) глаголы, обозначающие изменение

внешней формы S и O (разрушение макроструктуры); 3) глаголы, обозначающие исчезновение, прекращение существования S и O. Глаголы порчи/повреждения автор относит к группе субъектных и объектных глаголов, обозначающих изменение внутренней и внешней формы субъекта [Разова 2003].

А. В. Байдак выявила управление глаголов различных лексико- семантических групп в диалектах селькупского языка, классифицировала ЛСГ глаголов физического воздействия на объект, глаголов перемещения объекта, глаголов созидательной деятельности, глаголов эмоционального состояния, глаголов эмоционального отношения, глаголов восприятия, глаголов речи. Автор отметила, что глаголы физического воздействия на объект обычно обозначают ситуацию, при которой одушевленный субъект подвергает воздействию одушевленный или неодушевленный объект. В качестве зависимого компонента может быть любое имя без какого-либо ограничения, т. к. любые предметы или явления становятся объектами реальных процессов. Количество глаголов физического воздействия в селькупском языке довольно велико. По способу воздействия на объект эти глаголы укладываются в различные ЛСГ: отрицательного воздействия на объект, разрушения, нанесения удара, повреждения объекта, давления, прикосновения, очищения, отделения, присоединения. Глаголы физического воздействия часто замещают орудийную синтаксическую валентность. Управление орудно-совместным падежом обусловлено характером этих глаголов, обозначающих производимое с применением орудия воздействие: «я палец иглой уколол»; «дятел долбит своим крепким клювом дерево». Если действие распространяется не на весь объект, а лишь на его отдельную часть, отмечается двойное управление: винительным падежом и продольным падежом лично-притяжательного склонения: «я лису по хвосту ударил» [Байдак, 2001: 38].

Деструктивные глаголы хантыйского языка относятся к мало изученному семантическому классу. Отражая важную кон-

цептуальную область языка, деструктивные глаголы многочисленны и в подавляющем большинстве многозначны. Поэтому задача многоаспектного системного описания этого класса во всем его объеме продолжает оставаться весьма актуальной.

В последние годы многозначность и развитие семантики языковых единиц в финно-угорских языках изучаются активно. М. В. Мосин провел структурно-семантическое исследование многозначных слов и их эволюцию в прибалтийско-финских и мордовских языках. При исследовании мордовских и эстонских этимологий М. В. Мосин использует лексический материал, касающийся значения слова. Наряду с полисемантическими словами в категории существительных рассматриваются и глаголы [Мосин, 1971, 1979]. Г. И. Батков раскрыл сущность полисемии глаголов в мордовском языке [Батков, 1974]. В. П. Цыпкайкина детально исследовала переносные значения глагольной лексики в диалектах эрзянского языка [Цыпкайкина, 1987]. Д. В. Цыганкин, И. Н. Рябов рассматривали вопросы транспозиции на морфологическом уровне, словообразовательные отношения между частями речи [Цыганкин, 1985, 2006], [Рябов, 2000].

Н. А. Кулакова описывает полисемию общих глаголов в мокшанском и эрзянском языках и выделяет следующие многозначные глаголы деструктивной семантики: мокш., эрз. *тапамс* 'бить, разбить'; глаголы мокш. *сяземс*, эрз. *сеземс* объединены общим значением «деление вообще, отделение части от целого» [Кулакова, 2001: 142–143].

А. П. Кочеваткина при описании одушевленности-неодушевленности в мордовских и марийских языках рассматривает глаголы со значениями «повреждение объекта», «нанесения удара», «активного воздействия на объект с нанесением ему вреда» вплоть до разрушения для неодушевленного объекта и «глаголы лишения жизни» для живого существа и относит их в группу под названием «глаголы отрицательного воздействия на объект», так как все лексемы, отнесенные в эту функционально-семантическую группу, содержат в своей семантике значение от-

рицательного воздействия на объект – и моральное, и физическое, давящее на объект. Функционально-семантическая группа «глаголы повреждения объекта» подразделяется на подгруппы: глаголы повреждения неодушевленного объекта (например: мокш., эрз. *синдемс*, мар. *шалаташ*, *пудырташ* ‘ломать, сломать, испортить, бить, разбить, колоть, взломать’; мокш., эрз. *яжамс*, мар. *тугаиш*, *пужаиш* ‘сломать, поломать, разломать’; эрз. *порксамс*, мокш., эрз. *коламс*, *тапамс*, мар. *пераиш*) и глаголы повреждения тела живого существа (например: мокш. *пиксомс*, эрз. *чавомс*, мар. *кыраиш* ‘бить, побить’; мокш., эрз. *ваткамс*, мар. *почкаиш* ‘колотить’; мокш., эрз. *яжамс*, *синдемс*, мар. *тугаиш*, *пудырташ* ‘сломать (руку, ногу и др.)’) [Кочеваткина, 2004: 81].

На материале хантыйского языка ЛСГ глаголов посвящены лишь отдельные публикации о ЛСГ глаголов прекращения бытия, состояния, действия, обладания, приобретения, звучания, речи, направления, перемещения, движения, деструкции [Соловар, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011], говорения, восприятия, эмоций, потребления пищи [Каксин, Чертыкова 2005; Каксин, 2006], физиологического состояния; глаголов движения *питты*, *рйкэнты* ‘падать’; глаголов движения по воде; со значением «спускаться вниз»; глаголы со значением вертикального движения [Лельхова, 2011, 2012, 2013, 2014].

Изучению ЛСГ глаголов, близких по семантике данной ЛСГ была посвящена статья В. Н. Соловар, в которой рассматривается семантика глаголов прикосновения и формируемые им элементарные простые предложения на материале казымского диалекта хантыйского языка [Соловар, 2013: 216–220].

До сих пор данные глаголы хантыйского языка не изучались как единая, самостоятельная группа глаголов.

Часть деструктивных глаголов зафиксирована в имеющихся словарях хантыйского языка.

В диалектологическом и этимологическом словаре хантыйского языка В. Штейница зафиксировано 337 словарных статей с деструктивными глаголами [DEWOS, 1966–1991].

С. И. Вальгамова в своей работе «Глагольное словообразование хантыйского языка» выявила наличие ЛСГ деструктивных глаголов, действие которых направлено на изменение, уничтожение объекта, ЛСГ глаголов изменения состояния [Вальгамова, 2002: 75]. Автор привел 131 глагол деструктивного действия.

В словаре казымского диалекта хантыйского языка В. Н. Соловар приводится 185 деструктивных глаголов [Соловар, 2006].

В орфографическом, орфоэпическом словаре шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка Е. А. Немысовой встретилось 98 деструктивных глаголов [Немысова, 2007].

В диалектологическом словаре хантыйского языка под редакцией Н. Б. Кошкаревой зафиксированы 104 словарных статьи с деструктивными глаголами [ДСХЯ, 2011].

Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект) З. И. Рандымовой содержит 65 глаголов с деструктивной семантикой [Рандымова, 2011].

В словаре глаголов хантыйского языка Ф. М. Лельховой (шурышкарский диалект) имеется 124 глагола с деструктивной семантикой [Лельхова, 2012].

А. А. Шиянова в своей работе «Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта)» упомянула о парных глаголах разрушительного действия и о парных глаголах, обозначающих физическое состояние с общей семантикой окончания жизни. Автор вводит семь новых парных глаголов деструктивного действия и четыре парных глагола, обозначающих физическое состояние с семантикой окончания существования и жизни [Шиянова, 2015: 47–50].

Глаголы деструктивной семантики характеризуются нами в определенной последовательности. Сначала описывается общее значение данных глаголов, приводится набор сем, далее дается характеристика глагольных деструктивов, выявляются особенности полисемии данных лексем.

В лингвистическом плане основная часть глаголов деструкции относится к обширному разряду глаголов действия, или активных глаголов, которые выражают действие субъекта (деятели), направленное на объект и вызывающее в нем определенные изменения [Фаткуллина, 2002: 65].

Мы относим к данному классу также глаголы, обозначающие какие-либо изменения в структуре объекта, которые происходят под воздействием различных сил природы: тепла, огня, биологических процессов, бактерий и т. п.

К данному полю, мы относим также некоторые бытийные глаголы и глаголы становления состояния. Семы «бытийность» и «становление» являются предельно абстрактными, обозначают внутреннее развитие, внутреннее движение, становление, самодеструкцию. Иногда сема «бытийность» эксплицируется с помощью слов «стать», «становиться»: *sörma ji-* ‘умереть’ (букв.: к смерти стать), *sörma pit-* ‘умереть’ (букв.: к смерти стать), *lõxilä-* ‘умереть’ (букв.: смыться, т. е. уйти в другой мир), *jiṅka pit-* ‘утонуть’ (букв.: в воду попасть), *jištota pit-* ‘утонуть’ (букв.: в то, что пьют, попасть).

Таким образом, часть глаголов биологической (химической) и температурной деструкции, а также некоторые подгруппы глаголов уничтожения мы относим к различным классам (к глаголам действия, бытийным глаголам или к глаголам становления состояния).

Ф. Г. Фаткуллина определяет глаголы деструктивного действия как переходные глаголы со значением физического воздействия на объект, в результате которого объект изменяется, нарушается его структурная целостность на макро- или микроуровне, и он не может выполнять ранее присущие ему функции. Как семантический компонент в составе более сложного понятия сама сема деструктивности представлена на словообразовательном уровне. Другими словами, в само понятие деструкции входят компоненты «прекращения существования предмета в старом качестве» и «переход предмета в новое состояние» [Фаткуллина, 2006: 64].

В одних случаях воздействие на предмет может осуществляться некоторым лицом (или лицами), представляя собой намеренное действие данного лица (лиц). В других случаях предмет претерпевает то или иное изменение (изменение качества, расположения в пространстве и т. п.) как следствие какой-либо ситуации [Кузьмина, 2006: 17].

Виды деструктивной деятельности разнообразны, что подтверждается лексическим составом глаголов с деструктивной семантикой. В ядро изучаемой ЛСГ входят глаголы, обозначающие непосредственно разрушительное действие, но пограничными семемами этой лексики являются также семы: 'уничтожение', 'повреждение'.

Действие лица, направленное на какой-либо предмет, определяется такими компонентами как «деятельность» и «изменение» [Падучева, 1992: 70–71].

В толкование глаголов со значением физического действия, по мнению Е. В. Падучевой, входят также следующие более частные компоненты значения: каузативный компонент («изменение», которое претерпел Y, есть следствие деятельности X-a), компонент «контакт» («X и Y находятся в некоторый момент в физическом контакте друг с другом»), компонент «намеренность» («X действовал по своей воле»), компонент «единство места» («X и Y находятся в некоторый момент в одном и том же месте») и компонент «единство времени» («деятельность X-a и переход Y-a в новое состояние происходят в том же временном интервале») [Падучева, 1992: 71–72].

Приведенная схема, с некоторыми изменениями, может быть положена в основу толкования глаголов со значением деструктивного физического действия.

Несколько иное содержание мы будем вкладывать в понятие намеренности. Существенным для характеристики действия как намеренного, как и отмечает автор рассмотренной схемы толкования, является у субъекта данного действия определенной цели [Падучева, 1992: 71–72]. Поэтому перефразируем компонент «намеренность» и

применительно к исследуемым глаголам данный компонент формулируем с помощью выражения «X имел цель уничтожить Y».

Под контактом будем понимать как непосредственный физический контакт между производителем действия и предметом, так и контакт, устанавливаемый при помощи какого-либо инструмента или средства.

Семантической основой группы глаголов деструктивного действия является понятие полного или частичного разрушения, видоизменения объекта деструктивного воздействия.

Другими словами, в само понятие «деструкции» входят компоненты «прекращения существования предмета в старом качестве» и «переход предмета в новое состояние».

Следует отметить, что исследователи, анализируя глаголы деструкции, используют различную терминологию. Одни авторы предпочитают пользоваться термином «глаголы деструкции, деструктивные глаголы, глаголы с деструктивной семантикой» [Бурькин, 1980; Фаткуллина, 2002; Вальгамова, 2002; Валько, 2005; Султанова, 2008; Соловар, 2010], другие – «глаголы разрушения», «глаголы разрушительного действия» [Суванова, 1985; Бабенко, 1999; Разова, 2003; Кашкарова, 2006; Бураихи, 2011], третьи – «глаголы с общим значением разрушительного воздействия на объект», «глаголы физического преобразующего воздействия» [Потапенко, 1978; Скребцова, 1996] и др.). Мы пришли к выводу, что у данных исследователей само понятие «глаголы деструктивного действия» в основном совпадает, все исследователи, так или иначе, связывают данные лексемы с обозначением воздействия физической силы объекта, вызывающего качественное или количественное изменение предмета, изменение его состояния, либо его ликвидация. Но выделение глаголов деструктивного действия в отдельную группу является до определенной степени условным. Расхождения, проявляющиеся в несовпадении состава и границ групп обусловлены, во-первых, различными подходами и методами, разными практическими целями, которые исследователи ставят перед собой в процессе систематизации определенных групп слов;

а, во-вторых, характером самого объекта классификации, невозможностью унифицировать лексические микросистемы.

Принимая во внимание приведенные выше взгляды на данную проблему, мы вкладываем в данное понятие более широкое содержание, считая, что деструкция свойственна практически всем явлениям объективной действительности. Применительно к данному классу глаголов мы будем использовать термин «глаголы деструктивного действия». Они обозначают широкий спектр понятий от незначительного повреждения субъекта или объекта до их полного уничтожения. Семантика деструкции в хантыйском языке охватывает обширную область слов, характеризующихся большим структурным и содержательным разнообразием. К глаголам деструктивного действия мы относим глаголы со значением механического, температурного, биологического (химического) разрушения, в результате которого объект изменяется, нарушается его структура.

Таким образом, под глаголами деструктивного действия в нашей работе мы понимаем глаголы со значением саморазрушения, разрушительного воздействия на объект, в результате которого изменяется структура объекта, нарушается его целостность.

1.2. Типы лексической сочетаемости глаголов деструкции

По мнению В. Н. Соловар, глагольная лексема называет некоторую ситуацию, и глагол семантическими валентностями связан со своими аргументами – участниками этой ситуации [Соловар, 2009: 10].

Ключом к управляющим свойствам лексемы является ее семантика. По мнению Е. С. Кубряковой, глагол содержит представление о том, кто совершает действие, а также о том, на кого или на что оно направлено» [Кубрякова, 1997: 286]. Субъект и объект являются основными, наиболее значимыми среди актантов глагола. Объект деструкции и предикат деструкции находятся во взаимозависимых отношениях.

Н. Д. Арутюнова считает, что тип объекта зависит от семантики глагола. Глаголы физического действия имеют в качестве объектов конкретные предметные имена [Арутюнова, 1976: 125].

Важной грамматической особенностью группы деструктивных глаголов является обязательная направленность называемого действия или процесса на объект [Бураихи, 2011: 44].

Вопрос о конкретной лексической сочетаемости некоторых ЛСГ деструктивных глаголов рассматривался в работах О. Н. Анищевой и С. В. Слюсаревой [Слюсарева 1974; Анищева 1981]. О. Н. Анищева описывает типологию объектной лексической сочетаемости глаголов созидания в сопоставлении с глаголами разрушения, а С. В. Слюсарева подробно описывает лексическую сочетаемость глаголов механического разрушения и выделяет 27 тематических групп существительных со значением материальных предметов и 12 групп существительных с абстрактным значением, которые выступают при данных глаголах в роли субъекта или объекта.

Поскольку сочетание единиц языка обусловлено системными отношениями, лексико-грамматические разряды слов могут иметь типовую сочетаемость. Так, В. В. Степанова выделяет типовую и индивидуальную сочетаемость абстрактных существительных [Степанова, 1971], М. М. Копыленко – индивидуальную и групповую сочетаемость глаголов [Копыленко, 1965, 1973], Э. В. Кузнецова справедливо утверждает, что «глаголы одной лексико-семантической группы (ЛСГ) имеют однотипную грамматическую сочетаемость, так как это члены одного лексико-грамматического разряда..., и однотипную лексическую сочетаемость, так как они связаны общей категориально-лексической семой и типовыми дифференциальными признаками» [Кузнецова, 1989: 90]. Учитывая грамматическую и лексическую сочетаемость глаголов, входящих в одну лексико-грамматическую группу, считаем нужным выделить типовую сочетаемость данной лексико-грамматической группы.

В рамках данного исследования анализ лексической сочетаемости показал, что диапазон существительных, способных вступать в сочетание с тем или иным деструктивным глаголом, может значительно варьироваться.

При изучении глаголов действия на материале русского языка О. Н. Анищева, С. В. Слюсарева, Ф. Г. Фаткуллина, Ф. К. Бураихи выделяют три типа объектной лексической сочетаемости: свободную, полигрупповую и моногрупповую [Слюсарева, 1974; Анищева, 1981; Фаткуллина, 2002; Бураихи, 2011]. Мы придерживаемся точки зрения Ф. Г. Фаткуллиной и считаем, что для хантыйского языка характерна моногрупповая и полигрупповая лексическая сочетаемость деструктивных глаголов, в ходе анализа языковых единиц нами не было выявлено ни одного глагола, который бы имел свободную лексическую сочетаемость. В связи с этим, мы выделяем два типа лексической сочетаемости: полигрупповую и моногрупповую, в зависимости от того, какое количество лексико-семантических групп существительных входит в диапазон лексической сочетаемости деструктивного глагола.

Рассмотрим эти типы сочетаемости.

Наиболее частотной в рамках исследуемого материала является **полигрупповая** лексическая сочетаемость, при которой глагол может сочетаться с существительными **нескольких** лексико-семантических групп.

Полигрупповую сочетаемость имеют следующие глаголы деструктивного воздействия:

1. Глаголы с обобщенным значением разрушения: *losət-* ‘разбирать, ломать, крушить’, *p̄arat-* ‘убить, уничтожить’, *pawət-* ‘уронить, свалить; добыть лося’ (эвфем.), *pox-* ‘лопнуть, лопаться; трескаться, растрескаться’, *poxənt-* ‘лопнуть, лопаться (например: рыбный пузырь, глаз, нарыв, фурункул, полный мешок чего-либо); разливаться, разлиться (ручьи), вскрыться (о реке), нарушить, разрушить, рушить’, *tox-* ‘порваться (об одежде); трескаться (о коже); оборваться (в значении умереть)’.

2. Глаголы, указывающие на способ действия: *rixət-* ‘колоть, долбить, тыкать; бодать, бить рогами’, *ara mǎnšə-* ‘разорвать’, *ewət-* ‘резать, пилить’, *sewər-* ‘рубить, косить’, *šūkat-* ‘крошить; ломать, сломать, разбить; разрушить, разорять; вскопать; испортить’, *wǎńś-* ‘разрезать, рассечь, вспороть’, *xǒr-* ‘драть, ободрать, разделывать, снимать бересту, шкуру (зверя, рыбы)’ – обрабатывать (обработать) что-либо каким-либо образом, приготавливая для использования; приносить жертву, совершать обряд жертвоприношения; забивать (на мясо), *šǎk-* ‘испортится, становится кислым, протухнуть (о продуктах питания); становится плохим, портится (зрение, настроение, одежда, прибор при работе); становится слабым (лошадь, человек); о погоде’, *lij-* ‘гнить’.

Такую сочетаемость имеет, например, глагол *šǎk-* прямое значение которого ‘испортится, становится плохим, портится’.

Глагол *šǎk-* употребляется для обозначения деструктивного процесса по отношению к явлениям:

- биологической сферы (пищевые продукты, зрение, глаз): шур. *Xǔlem šǎkəs* ‘Рыба=моя испортилась’; *Semlam šǎksət* ‘Зрение=мое (досл. глаза) испортилось’.
- эмоциональной сферы (настроение, мысли, впечатление): шур. *Nǒmpsem šǎkəs* ‘Настроение испортилось (букв.: мысль=моя испортилась)’; *Lipem malǐ wǒllǐ šǎkəs* ‘Настроение=мое испортилось (букв.: душа=моя испортилась)’;
- природы (погода): шур. *Turmew šǎkəs* ‘Погода испортилась’; *Śi kǔtǎn turmew šǎktǐ pitəs* ‘В это время погода стала портиться’.

Глагол *lij-* ‘гнить’ называет биологическое разрушение. Дифференциальные семы, содержащиеся в его значении, характеризуют следующие признаки:

- а) объект определенной природы – «органического происхождения»;
- б) способ действия – «бактерии»;

в) результат действия – «изменение микроструктуры». Семантический признак способа, орудия, результата содержится в структуре значения глагола. Данный глагол называет постепенно разрушение/ уничтожение объектов.

Так, для глагола *pārat-* ‘убить, уничтожить’ очень частотной является сочетаемость с существительными, называющими людей, различающихся по возрасту, полу, а также наименование группы людей: шур. *Ńāləŋ ətən pāratsa* ‘Ножом убили человека’; *Īw xūwən pāratsa* ‘Его давно убили’; *Mūŋ ant ujtəw xota ĩw pāratsa, mattī mūwən* ‘Мы не знаем где его убили, на какой земле’; *Wewtam-ki xojat, semlī pītəm xuleŋki tata śi pāratlajəm* ‘Если плохой человек, меня – слепого человека тут же убьёт’; *Imem imi ant xulətəl, poxəl pāratmen urəŋən* ‘Женщина не слушает из-за того, что ты убил сына-её’; *Ar mir l'al porajən pāratsa* ‘Много народу в войну уничтожено’; каз. *Moś xō lupəl: “Āntō, ar kăli, ar ĩuxi pāratsən”* ‘Нет, много крови, много людей (букв.: мяса) уничтожил ты’ [Соловар, 2006: 212].

Можно уничтожить различные виды растительности: лес, деревья и т. д., что также отражается в сочетаемости: шур. *Untət, jūxləl pāratlajət, sojmijet lăp xirlajət* ‘В лесу деревья уничтожают, речки закапывают’ [ЛА, № 31, 2009];

Рассматриваемый глагол может сочетаться и с существительными, называющими различные документы: шур. *Katra rupitəm nepekləw mătī tūtən pāratəmət* ‘Старые документы по трудодням (букв.: работавшие бумаги)’, оказывается, сгорели (букв.: огнём уничтожены) [ДСХЯ, 2011: 99].

Рассмотрим глаголы, семантика которых предполагает объект разрушения: *losət-* ‘разбирать, разрушить’, *lakki losət-* ‘разобрать, разорить, развалить’, *nōx losət-* ‘разбирать’, используют, прежде всего, для обозначения процесса уничтожения:

- различного рода построек, сооружений (дом, чум, рынок, лабаз): шур. *Tām piś rīnkev nōx losətī wutśila* ‘В этом году собираются рынок разобрать’; *Et xotew nōx losətī pitsew* ‘Дальний дом стали разобрать’; *Katra lопасəl ĩw losətsəlli* ‘Разобрал он

свой старый лабаз'; *Xot nōx losətti tumpijən, neməlt änt xāsəs* 'Ничего не оставалось делать, кроме как разобрать чум';

- частей зданий и сооружений (крыша, стена, перегородка, печь): шур. *Xot loŋəl losətti* 'разобрать крышу дома';
- транспортных средств: шур. *Iket māšjājən moltitəl wertət, mašinajlat losətlət* 'Мужчины молча что-то делают, машины разбирают'.
- природных объектов (берег, лед): шур. *Kartī xor jeŋk losətəl* 'Ледокол ломает льды'.

В силу своей семантики глагол *puxəl-* используется, прежде всего, для обозначения процесса разрушения. Основное значение данного глагола 'колоть, протыкать'. Оно реализуется при сочетании глагола с конкретными и некоторыми абстрактными предметами, например: шур. *Juśən puxəllajəm* 'Меня остриём колют'; *Lūjem jintəpən puxəlməsəm* 'Палец иголкой уколола'; *Sātem puxəlla* 'Сердце=моё колит'.

В значении 'боднуть' сочетается со словом 'оŋət': шур. *Oŋətlələn puxətləl* 'Рогами бодается'.

Если в позиции объекта находится личное имя, то глагол приобретает значение: 'толкать, пихать': *Kuštajin mānem puxəllajəm* 'Костя=твой меня толкает'; *Lūw mānem puxəllali* 'Он меня толкает'; *I xujəl lūw kūnš oləŋən puxəlti pitsəlli* 'Товарища своего начал локтем пихать'.

В значении 'долбить' данный глагол сочетается с именем существительным 'pōrli': шур. *Xojatət asən jeŋk pōrtijən puxəllət* 'Люди на Оби лёд пешней долбят'; *Jeŋk pōrtijən si puxəlla* 'Лёд долбят пешней'.

Сочетаясь со словами, обозначающими названия насекомых (например: оса, комар, овод, пчела), этот глагол реализуется в значении 'укусить': *Pirətən puxəlməsajəm* 'Овод меня укусил (букв.: оводом (я) укушен)'.

Анализ хантыйских глаголов показал, что среди деструктивных глаголов, относящихся к полигрупповому типу, имеются такие, диапазон сочетаемости которых чрезвычайно широк.

Под **моногорупповой** понимается такая лексическая сочетаемость, при которой глагол способен образовывать сочетания с существительными только **одной** лексико-семантической группы, то есть сочетательный потенциал этого глагола ограничен совокупностью лексем, объединенных на основе интегрального семантического компонента. [Бураихи, 2011: 64]. Например, глаголы *wolt-*, *woŋx-*, *woŋxant-*, *wōšəm-* ‘строгать, снимать тонкие поверхностные слои дерева режущим инструментом’ сочетаются только с существительными *woltəp* и *lajəm*, объединёнными семантическим компонентом «инструменты»: шур. *Soxəllal woŋxəl* ‘Он доски тесал’; *Ši woŋxantəl* ‘Обтёсывает доски’; *Jūxlal wōšəməl* ‘Он снимает кору с дерева’; *Lajəmən ixəl pātem wōtətləm* ‘Топором обтёсываю полозья нарты’.

К моногорупповому типу лексической сочетаемости мы относим следующие глаголы деструктивного воздействия: *lōlət-* ‘растопить, плавить, делать мягким, оттаивать’, *ňāxəs-*, ‘чистить (рыбу от чешуи), скоблить’, *welək-* ‘обрубать ветки’, *ňōxər-* ‘строгать лучины’, *wolt-* ‘строгать, тесать’, *woŋxət-* ‘строгать, обтёсывать’, *woŋx-* ‘тесать’, *xārŋajət-* ‘ржаветь’, *xōr-* ‘снимать шкуру со зверя, снимать кору с дерева, сдирать кожуру; *pari-* (от прилагательного *pareŋ* ‘гнилой’) ‘гнить, трухлеть’, *xir-* ‘копать, рыть, рыхлить – делать в земле яму, углубления (лопатой или другим орудием); *woxəltə-* ‘добывать медведя’(табу), например: шур. *Lepās weləkəl* ‘Он обрубает ветки’; *Wülem nox xorsem* ‘С оленя сняли шкуру (забили на мясо)’; *Kešī loxətsəlī pa jūx šup ŋōxərtī pitəs* ‘Нож наточил и стал строгать полено’; *Potəm xūl ŋōxərtsa, potəm ŋōxi sewərsa* ‘Мёрзлую рыбу строгали, мёрзлое мясо рубили’; *Jūx šup ŋōxərsem* ‘Настрогал лучины из полена для разжигания костра, печи’; *Tontī xōrtī jāŋxsəw* ‘Ходили снимать кору березы’; *Ma xūl ŋāxəslem* ‘Я рыбу чищу’; *Xūl som eltī ŋōx ušila* ‘Рыбу отчищают от чешуи’; *Karsārən xirtī* ‘копать лопатой’; *Molxətəl mūŋ pupi woxətsəw* ‘Вчера мы добыли медведя’.

Предметом у глагола *pari-* (от прилаг. *pareŋ* ‘гнилой’) ‘гнить, трухлеть’ – становится ветхим, пористым (трухлявым),

разрушаясь в результате гниения, разложения, в отличие от глагола полигрупповой лексической сочетаемости *lij-* ‘гнить’, всегда выступает дерево или изделия из него: шур. *Xıwəp werilijəm xotət xota aŋkələl lijmel, xota sōxəllal parımel* ‘У давно построенных домов где столбы сгнили, где доски затрухлели’ *Sōxəllal xəl neş parımel* ‘Доски то все сгнили’.

К моногрупповой лексической сочетаемости примыкает также и глаголы температурной деструкции (*lōlət-* ‘растопить, плавить, делать мягким; оттаивать (растопливать), *pal-* ‘плавить, растопить, вытапливать, готовить жир’, *paləmt-* (мгнов.) ‘плавить, растопить, готовить жир’, *pallə-* ‘растопливать (о жире)’).

Глагол температурной деструкции *lōlət-* ‘растопить, плавить, делать мягким, оттаивать’ в значении разрушения сочетается только с существительными снег, лед, масло: шур. *Jeŋk lōlatı* ‘Лед растопливать в котле’; *Mis woj lōlatı* ‘Масло сливочное растопи’; *Wūli xotən jāŋxtı jox tələn loŋs lōlatət, loŋs jıŋk jıŋslət* ‘В чуме зимой снег растопливают (оттаивают), воду снежную пьют’; *Xətəl pōxnəs, xoşma jis, lōŋs lōltı pitəs* ‘Солнце вышло, стало тепло, снег стал таять’; *Woj lōlat* ‘Масло расплавляется’; *Lōltı lōŋs sem jıŋkəl posııl, eşawul wōllı lōlat* ‘Тающий снег слезинками капает, скоро совсем растает’ [ЛА, 2009]; *Loŋs – jeŋk lōlatı pitəs, xomlax, wojət, xūlət nōx lılaŋlələt* ‘Снег-лед начал таять, насекомые, звери, рыбы ожили’ [ЛА, 2006]; *Ar loŋs, ar jeŋk lōlatı pitəs* ‘Много снега, много льда стало таять’ [ЛА, 2009].

Лексическая сочетаемость глагола *xərŋajət-* ‘ржаветь’ ограничена со стороны предмета действия. Предметом при данном глаголе выступают обычно названия предметов, изготовленные из железа, например: шур. *Kärtı xərŋajətsa*; ‘Коса заржавела; *Kärtı şūklət isa xərŋajətəmət* ‘Железные детали совсем заржавели’; *Jıntpem xərŋajətəm* ‘Иголка заржавела’.

Данные глаголы, относящиеся к этому типу сочетаемости, обозначают специфичные действия, которые могут быть направлены на ограниченный круг объектов. Для них характерна

следующая закономерность: чем специфичнее процесс, тем меньшее количество объектов может быть ему подвергнуто.

Кроме того, в хантыйском языке имеются глаголы, которые отражают особенности картины мира народа ханты, есть особая специфическая табуированная лексика, связанная с культом медведя, лося. Практически у всех коренных народов Сибири был развит культ медведя. Широко распространено у хантов почитание лося. Как и медведь, лось приравнивался к человеку, о них нельзя было говорить плохо. Лося и медведя называли не собственным именем, а прибегали к описательным формулировкам, например: *Molxätäl mïŋ pupi woxältasəw* ‘Вчера мы добыли медведя’; *Mïŋ molšanəŋəl eŋxsəw* ‘Мы с «него» сняли его священный мех (малицу)’; *Towijən ašem xüləm woj pawtəs* ‘Отец мой добыл (букв.: уронил) три лося’; *Woj joša pawatsəm* ‘Лося добыл (букв.: уронил)’; *Woj pawatləw* ‘Лосей добываем (букв.: уронили)’.

Таковы особенности глаголов с моногрупповой сочетаемостью.

1.3. Лексико-семантическая классификация глаголов деструктивного действия хантыйского языка

Во многих случаях трудно провести чёткую границу между повреждением и разрушением, между разрушением и уничтожением. Например: шур. *Ma nəŋ xəšajena änt mänlem, kürŋäləm morätlem* ‘Я к тебе не пойду, ноги сломаю тут’; *Šänš löwəl moratsälli* ‘Хребет сломал’; *Nüwəl morijəs* ‘Сучок сломался’. Поэтому мы придерживаемся мнения Т. А. Потапенко, что деструктивные глаголы обозначают такое воздействие на объект, в результате которого «нарушается структурная целостность объекта на макро- или микроуровне, и он не может выполнять ранее присущих ему функций» (Потапенко, 1978: 50).

Статус группы глаголов деструктивного воздействия в аспекте их соотношения с другими ЛСГ глаголов физического воздействия определён недостаточно чётко и у разных исследователей может варьироваться.

Глаголы деструкции могут называть действие разной степени, сближаясь то с глаголами повреждения, то с глаголами

уничтожения. Анализ хантыйских глаголов показал, что значение разрушительного воздействия на объект может иметь у изучаемых глаголов следующие семантические признаки: 1) характер субъекта действия; 2) характер объекта воздействия (признаки качества и количества); 3) разные аспекты орудийности: а) способ действия, б) инструмент, в) средство; 4) целенаправленность действия; 5) результат действия; 6) интенсивность действия; 7) способ совершения действия.

Внутри ЛСГ глаголы разрушения образуют меньшие по объёму и более тесные по взаимозависимости членов объединения. Глаголы соотносятся друг с другом по каждому семантическому признаку, следовательно, их можно классифицировать на основании любого признака. В семантической структуре одних глаголов ярко выделяются значения орудия или средства действия (*й̆̀к̆̀ар-* ‘бодать’ *й̆̀х̆̀ӑ̀н̆̀с̆̀-* ‘пинаться’), в других – признак способа совершения действия (*сӗ̀нк-* ‘бить’, *вӗ̀т-* ‘убивать’, может доминировать и признак интенсивности действия (*ло̆̀с̆̀ат-* ‘разбирать, крушить’, *мо̆̀р̆̀ат-* ‘ломать’) и т. д. Кроме того, почти каждый глагол указывает на характер объекта действия, т. е. на его величину или свойства материала. Например, *ло̆̀с̆̀ат-* ‘разбирать, крушить’ можно только строение, сооружение, *мо̆̀р̆̀ат-* ‘ломать’ можно только объект с твёрдой структурой и т. д. Наиболее общим признаком, противопоставляющим все глаголы разрушения друг другу, но также и объединяющим их в подгруппы, является признак способа совершения действия.

Принято считать глаголами разрушения только глаголы механического воздействия. Но разрушение как физический процесс бывает также химическим (или биологическим) и температурным. По признаку способа совершения действия, изучаемые глаголы мы делим на три подгруппы: 1) глаголы химической (биологической), 2) температурной, 3) механической деструкции.

1.3.1. Глаголы химической (биологической) деструкции

В лексико-семантическую подгруппу глаголов химического (биологического) разрушения мы относим: *л̆̀й̆̀-* ‘гнить, протух-

нуть’, *ñǎxij-* ‘стать несвежим (рыба в тепле)’ – от лежания рыба становится мягкой, утратив свою свежесть, *serət-* ‘быть обсиженным мухой’ (о продуктах питания), *sor-* ‘сохнуть, вянуть’ – терять свежесть, увядать (о растениях), *xišīlǎ-* ‘покрыться плесенью (о продуктах питания)’, *šǎk-* ‘испортиться, становится плохим, портиться’, *xǎrñǎjǎt-* ‘ржаветь’, *parī-* (от прилаг. *parǎñ* ‘гнилой’) ‘гнить, трухлеть – становится ветхим, пористым (трухлявым), разрушаясь в результате гниения, разложения (о древесине)’:

шур. *Rǎwǎñ us, xǔllam lijǎmǎl* ‘Жарко было, рыба протухла’; *Ñǎñǎl pa xišīlǎm* ‘Хлеб тоже заплесневел’; *Xǔlem xǒltǐ lijǎs* ‘Рыба сгнила’; *Ñulǎm lijǎs* ‘Рана загноилась’; *Xǔlem ñǎxijǎmǎl* ‘Рыба стала несвежей’; *Tǒrǎñ sorǎs* ‘Сено высохло’; *Rǎw pǒrajǎñ xǔl sora ñǎxijǎl* ‘Во время жары рыба быстро теряет свежесть (становится мягкой)’; *Wǎj pǎtǎm kǔtlǎpǎñ xǒlt toxǎmǎl, lijǎmǎl, šǐ jǒttǐ mosǎl* ‘Подошва кисов посередине порвалась, сгнила, надо зашить’; *Xǔllam šǎkǎmǎl* ‘Рыба=моя испортилась’; *Sǎmñǎlǎm šǎksǎt* ‘Зрение=мое (досл. глаза) испортилось’; *Kǎrtǐ xǎrñǎjǎtsǎ* ‘Коса заржавела’; *Kǎrtǐ šǔklǎl isa xǎrñǎjǎtǎmǎl* ‘Железные детали совсем заржавели’; *Xǔwǎñ werilǎm xǒtǎt xǒtǎ ñǎkǎlǎl lijǎmǎl, xǒtǎ sǒxǎllǎl parǐmǎl* ‘У давно построенных домов то столбы сгнили, то доски затрухлели’; *Xǔlem serǎtsǎ* ‘Рыба была обсижена мухами’.

Значения глаголов химической (биологической) деструкции могут иметь признак результата действия.

В данную группу мы также включаем глаголы окончания бытия человека и животного.

Их компактное рассмотрение позволит лучше увидеть семантическую сочетаемость данных глаголов.

В работе Э. Ю. Даугатса, посвященной изучению понятий, связанных с прекращением жизни человека, глаголы со значением гибели субъекта (на материале немецкого языка) описываются в рамках семантического поля с центральным понятием «умирать». На основе общности компонентов значения автор выделяет так называемые «примарные синонимические ряды», или семантические группы глаголов.

В первую семантическую группу входят слова, выражающие отношение к смерти, суждение об умирании с точки зрения окружающих:

- смерть как прекращение дыхания;
- смерть как засыпание;
- расставание, уход из мира;
- завершение жизненного пути;
- конечный результат смерти;
- смерть как окончание борьбы, страданий;
- стилистические варианты.

Понятия второй подгруппы объединяет общее представление о внезапности, неестественности смерти, а к третьей относятся те, которым присуще религиозно-христианское содержание [Даугатс, 1973].

Л. Г. Бабенко включает данные глаголы в ЛСГ глаголов бытия, состояния, качества в подгруппу глаголов прекращения бытия [Бабенко, 1999: 458].

Жизнь и смерть – две крайние точки в существовании человека. Рождение на свет является вполне известной и определенной ситуацией, которая не контролируется приходящим в мир человеком. Другая ситуация – смерть – исход жизни. Человек не знает, что там, за чертой жизни, страшится ее, поэтому тема смерти интересует его в большей степени. Внимание человека к моменту прерывания жизни отражено в лексической структуре языка, проявляясь в большой разнообразии глаголов с семантикой смерти [Юкляева, 2008: 28–31].

Эти глаголы интересны своей развитой системой значений и частотностью употребления [Соловар, 2009: 145].

На материале казымского диалекта хантыйского языка глаголы прекращения бытия, состояния, действия, а также их сочетаемость рассматривала В. Н. Соловар. Автор разделяет данные глаголы на 2 группы: глаголы и глагольные словосочетания [Соловар, 2010: 40].

Типовая семантика данных глаголов: прекратить существование чего-либо, кого-либо, прийти к концу, прерваться в своем течении, ходе.

Мы берем за основу классификацию В. Н. Соловар, выполненную на материале казымского диалекта хантыйского языка. Предикаты окончания бытия человека и животного мы делим на 2 группы: глаголы и глагольные словосочетания.

1. Глаголы: шур. *arkəpt-* ‘умереть’ перен. (букв.: свалиться); *pār-* ‘умереть, погибнуть; *posalə-* ‘умереть, скончаться’ (букв.: ис-капаться) [Талигина, 2008: 161; DEWOS ,1966–1991: 1230]; *lōxilə-* ‘умереть’ (букв.: смыться, т. е. уйти в другой мир) [Талигина, 2008: 161], *uš-* ‘умереть’ (букв.: потеряться); *šakən-* ‘задохнуться, захлеб-нуться’, *hōla-* ‘скончаться’ (букв.: кончиться); *tomī-* ‘умереть (о животном)’, *tomij-* ‘умереть’, *tomijə-* ‘умереть’, *šawermə-* ‘скон-чаться’, *šawəs-* ‘умереть (о близком человеке, особенно о старом)’, *xurlə-* ‘гаснуть – прекращать (прекратить) горение, свечение; умереть, исходить (перен.)’, *xurlə-* ‘умереть’ (букв.: погаснуть); *xāl-* ‘сдохнуть’, *lil tox-* ‘умереть’ (букв.: оборваться), например:

шур. *Xiŋw us, wan us, imōltiŋ mōxilal pārti pitsat* ‘Долго жил, коротко жил, однажды его родственники стали умирать’ [ЛА, 2009]; *Imōltiŋ pārti šira pa si pitəs* ‘И вот однажды пришло время умирать’ [ЛА, 2009]; *Šasem xiŋwən posaləs* ‘Бабушка=моя уже давно умерла’; *Lūw ušəs* ‘Он умер’ (букв.: потерялся); *Ši ma jŋklī, lellī, tūtli, -jastal, -ši pārti wutšiləm* ‘Я без воды, без еды, без огня,- гово-рит,-уже умирать собрался’ [ЛА, № 21, 2009]; *Šiti ši pāral lellī-jŋklī* ‘Так и умрет без еды-без воды’; *Asən xoləp oməsti ānt rāxəl: šeŋk ar karī xūl enəmi kumal āntōm xolpatən xālət* ‘На Оби ставить сети нельзя: очень много маленьких стерлядей не успевают вырасти, в сетях погибают’; *Ampew xāləs* ‘Собака сдохла’; *Wūlet utən tōrən lelət, atəm tōrən, šilta pa xāllet* ‘Олени в лесу траву едят, ядовитую траву, от этого умирают’; *Šata ši xōlas* ‘Там и умер’ (букв.: скон-чался); *Asem xiŋwən xōlas* ‘Отец=мой давно скончался’; *Lilel xurləs* ‘Умер (о человеке, о животном)’ (букв.: душа=его погасла); *Šiti lital toxnəs, pārəs* ‘Так жизнь оборвалась, умер’; *Antem posaləs* ‘Ма-

ма=моя умерла»; *Lǝw xǝwǝn posalǝs* ‘Он давно скончался’; *Ma lǝxijǝm otǝm* ‘Мой умерший родственник’ (букв.: мой смывшийся предмет) [Талигина, 2008: 161]. Глагол *lǝxi-* употребляется, когда речь о погибшем близком родственнике).

2. Вторую подгруппу составляют глагольные словосочетания, объединяющие в своей семантике значение гибели и значение движения или направления, то есть отражающие представление о смерти как об удалении, исчезновении из мира, переходе в иной мир. Эти сложные глагольные словосочетания представлены двумя лексемами:

- а) имя существительное с семантикой смерти в форме дательного-направительного падежа в сочетании с глаголами *jiti* ‘стать’, *piti* ‘стать’, *jǝxǝtti* ‘прийти’: *sorma ji-* ‘умереть’ (букв.: к смерти идти); *sorma pit-* ‘умереть’ (букв.: к смерти попасть); *sorma jǝxǝt-* ‘умереть’ (букв.: к смерти прийти):

шур. *Sorma jis* ‘Он умер’ (букв.: к смерти пришёл); *Nawremem watman sorma pitǝl, pa wewtam* ‘Ребенок=мой на глазах умирает, совсем слаб (болен)’ [ЛА, 2009];

- б) отрицательное слово *ǝntǝm* в дательном-направительном падеже в сочетании с глаголом *jiti* ‘стать’: *ǝntǝma ji-* ‘умереть’ (букв.: к нет стать):

шур. *Xun ma ǝntǝma jilǝm, naŋ jǝxana mǝna, řita un, xojǝt xoraspi kew olǝl* ‘Когда меня не будет (когда я умру), ты к речке иди, там большой, похожий на человека камень лежит’; *ři neŋen tǝlǝn ǝntǝma jis* ‘Та женщина зимой умерла’; *Met jǝxǝt imel ǝntǝma jis* ‘Позже всех умерла его жена’ [ЛА, № 21, 2009].

- в) местоименное наречие *xotǝs* ‘как-то’ в сочетании с глаголом *jiti* ‘стать’: *xotǝs ji-* ‘умереть’ (букв.: как-то стать):

шур. *Lǝw numaslat, ma xotǝs jisǝm, pǝrsǝm* ‘Они думали, что со мной что-то случилось, умерла’; *Ařel xotǝs jis* ‘Отец=его умер’ (букв.: как-то стал).

- г) местоименное наречие *xoltpela* в сочетании с глаголом *lolǝmti* ‘вскочить’:

шур. *Lǝw xolt pela loləmtəs* ‘Он неожиданно умер’ (букв.: куда-то вскочил).

д) имя существительное в форме дательного-направительного падежа в сочетании с глаголом *pittǝ* ‘стать’: шур. *Poxəl jǝnka pitəs* ‘Сын=его утонул’ (букв.: в воду упал);

е) имя существительное *wew* ‘слабость, усталость’ в форме дательного-направительного падежа в сочетании с глаголом *rawət-* ‘уронить, добыть’: шур. *Kǝši-muš eltǝ imi isa wewa rawətsa* ‘От болезни женщина умерла (угасала)’.

В роли субъекта при данных предикатах выступают названия лиц, например:

шур. *Ūna pelək joxləw ši xǝlatǝ pitsət* ‘Пожилые люди=наши стали умирать’; *Ikem lalən pǝrəs* ‘Муж=мой на войне погиб’; *In imen tellǝ šitǝ pǝrəs* ‘Эта женщина так и умерла с голоду’; *Mulsər imi jǝnkən šakənməl* ‘Какая-то женщина в воде захлебнулась’.

В роли субъекта выступают также имена: *is* ‘душа’, *lǝl* ‘дыхание’:

Pitəm širəln lǝləl pa xurləs ‘Как упал он, жизнь закончилась’ (букв.: дыхание оборвалось); *Ši jupǝin isl mǝnəl* ‘После этого мужчина умирает’ (букв.: душа уходит).

Глаголы *pǝr-*, *šakən-* в позиции субъекта допускают названия лица или животных. Например: шур. *Ši iken xǝwən pǝrəs* ‘Этот мужчина давно умер’, *Jam ampem ši pǝrəs* ‘Хорошая собака=моя умерла’; *I ewel šǝx nupət ənt tǝjəl, sora pǝrəs* ‘У одной девушки совсем не было жизни, рано умерла’; *Ši neŋew nǝwrem isen pǝrəs* ‘Эта женщина умерла при родах’; *Lal pǝrajən kurtew eltǝ ar – mir pǝrəs* ‘Во время войны из нашей деревни много народу погибло’; *Kǝtəm atəm muša jis, pǝrəs* ‘Кошка=моя тяжело заболела, умерла’; *Xǝs ənt šakənsəm* ‘Чуть не задохнулся’; *Šeŋk at laŋkisiji, šakənəl* ‘Сильно не укрывай, задохнется’.

Глагол *xǝl-* имеет два значения. Семантика предиката *xǝl-* зависит от типа субъекта: *As xǝltǝ pitəs* ‘Объ осталась без кислорода, начался загар на Оби’ (букв.: сталадохнуть); *Ampew xǝləs* ‘Собака сдохла’; *Xǝllam xǝlmeł* ‘Рыбы=мои сдохли=оказывается’. Ес-

ли субъект выражен одушевленным именем или личным именем, то глагол употребляется в значении ‘сдохнуть’, при этом появляется стилистически маркированная окрашенность (грубая или оскорбительная форма), например: *In iken si xǎlmal* ‘Этот мужчина сдох’, это может быть сказано, когда говорящий очень отрицательно относится к тому, о ком говорит.

1.3.2. Глаголы температурной деструкции

Глаголы второй группы немногочисленны и составляют всего 4 глагола. В ядро ЛСГ входят два глагола температурного разрушения: шур. *lǒlǎt* – ‘растопить, плавить, делать мягким; оттаивать (растапливать) и *pal-* – ‘плавить, растопить, вытапливать, готовить жир’, каз. *лужаты* ‘таять, плавиться’, *лужты* ‘растопить, плавить’, например:

шур. *Mis wǒjen lǒlǎttǐ* ‘Масло сливочное растопи’; *Wǔlǐ xotǎn jǎŋxtǐ jox tǎlǎn lońs lǒlǎtlǎt, lońs jǐŋk jǐńslǎt* ‘В чуме зимой снег растапливают (оттаивают), снежную воду пьют’; *Jenǵ lǒlǎttǐ* ‘Лёд растапливать’; *Mis wǒjǎn lǒlǎttǐ* ‘Масло сливочное растопи’; *Wǒj pallem* ‘Жир вытапливаю’; *Wǒj palǐń sǐrǎw sǐ* ‘Так мы вытапливаем жир’; каз. *Вуйем ци лужас* ‘Жир расплавился’.

Данные глаголы содержат следующие семантические признаки: а) способ действия – нагрев; б) результат – жидкость; в) цель – изменение микроструктуры объекта.

Деструктивное значение у глаголов температурной деструкции не включает семы орудия или средства действия. Эти действия всегда производятся один и тем же способом – нагреванием. Деструктивное значение включает сему, обозначающую характер объекта. Обозначаемые объекты по величине могут быть разными, но по качеству это в основном снег, лёд, вода, жир, масло.

В результате температурного воздействия получается газообразное или жидкое вещество (жидкость, газ либо пар).

1.3.3. Глаголы механической деструкции

Наиболее распространённый тип разрушения называют глаголы механического воздействия на объект. Это значение может

включать все семь отмеченных признаков. Анализ выделенных единиц показал, что механическая деструкция может быть реализована в трёх основных понятиях:

- 1) **повреждение** объекта: повреждать, то есть нарушать целостность объекта, воздействуя на поверхностную микроструктуру (например: *ńăxəs-*, *tatəl-*, *wolt-* и т. д.);
- 2) **разрушение**, то есть нарушение целостности объекта посредством воздействия на его макроструктуру, например: (например: *sewər-*, *welək-*, *šuməl-*, *losət-* и т. д.);
- 3) **уничтожение**, то есть прекращение существования субъекта, например: *wel-*, *părat-*, *xđl pela tŭ-*, *xđtəs wer-* и т. д.

Глаголы разрушения могут называть действие разной степени, сближаясь то с глаголами повреждения, то с глаголами уничтожения.

Рассмотрим подробнее объем каждого из этих понятий.

Эти глаголы выделяются на основе интегрального признака «физическим воздействием изменить структуру объекта, нарушая ее целостность».

Глаголы механического повреждения, объединённые семей «деструктивное воздействие», образуют в лексической системе хантыйского языка лексико-семантическое поле, которое мы делим на 4 подгруппы:

I. Повреждение объекта: повреждать, то есть нарушать целостность объекта, воздействуя на поверхностную микроструктуру (например: *ńăxəs-* ‘снять, снимать чешую, обтесывать бревно’, *tatəl-* ‘мять, выделывать шкуру’, *wolt-* ‘строгать рубанком’ и т. д.).

II. Разрушительное воздействие на объект: разрушать, то есть нарушать целостность объекта, воздействуя на его макроструктуру (например: *sewər-* ‘рубить, косить’, *welək-* ‘освободить дерево от веток, обрубить сучья на дереве’, *šuməl-* ‘делать поперечные надрезы на рыбе’ и т. д.).

III. Уничтожение объекта (*wel-* ‘убить, добыть’, *părat-* ‘уничтожить, убить’ и т. д.).

IV. Самопроизвольный процесс разрушения субъекта (*tij-* ‘гнить’, *tox-* ‘рваться, порваться’, *ñaxij-* ‘стать несвежим от долго лежания (рыба в тепле’).

Глаголы разрушения вместе с глаголами уничтожения (губить, жечь, расстреливать) и глаголами повреждения (ранить, царапать, ковырять) выявляют одну семантическую область – разрушающее воздействие на предмет. Каждая из этих групп относительно самостоятельна, хотя границы между ними зыбки и условны. В основе этих различий, вероятно, лежит категория меры. Если предмет разрушен частично и его можно восстановить – это повреждение. Если деструктивное воздействие сопровождается изменением структуры объекта – это разрушение. Если в результате деструктивного воздействия объект перестаёт существовать – это уничтожение.

Итак, опишем подробнее выделенные лексико-семантические группы.

I. Повреждение объекта

Семантической основой глаголов повреждения является понятие полного или частичного повреждения структуры, формы объекта (живого или неживого).

Глаголы с семой «очищение, обработка объекта»

Способ совершения действия (как?)

- с помощью трения: *ner-* ‘тереть, мазать, красить’; *loxət-* ‘точить, наточить, шлифовать – обрабатывать с помощью трения обо что-либо режущую или колющую часть чего-либо, тем самым делать ее острой’, *tātət-* ‘разминать кожу при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять’, *leptam-* ‘мять, размять’, *tātłəs-* ‘заниматься разминанием шкуры’, *tātłə-* ‘выделять’, *tāñər-* ‘мять’: шур. *Pōxen molśaŋ sōxlal tātəlsajət* ‘Шкуры для шитья малицы для твоего сына помяли (обработали)’; *Kālaŋ sōx leptamlət* ‘Оленьи шкуры мнут’; *Ma tātłəsləm* ‘Я занимаюсь разминанием шкуры’; *Keplem tātəllem*

- ‘Шкуру мну (обрабатываю)’; *Керәт хурәт җәма тәтләмәт* ‘Лапы (камусы оленя) хорошо выделаны’; *Та, кеплем, омәстен каша, тәңри* ‘На, пока сидишь, шкурку с лап оленя мни’;
- сжимая: *һөрәт-* ‘давить, с силой нажимать, налегать всей массой’, *минлә-* ‘гнутья, погнутья’, *пәсәр-* ‘давить, выдавливать (руками)’ – жать с силой, налегая тяжестью на кого-, что-либо (обычно о действии, имеющем одностороннюю направленность, исполнителем которого является целостный предмет, какое-либо живое существо): шур. *In хит хижән ин мисәл wanttәтi pitsәл па шанш palatija rәxәnlәт – хулам хижән ел pelak елтi тәллә, хулам хижән җөлта елли һөрәтлә* ‘Шесть человек стали вести корову и она до колен проваливается – трое мужчин тянут спереди, трое мужчин сзади подгоняют (букв.: давят)’ (фольк.); *Lüw mәнem һөрәтсәлли* ‘Он меня придалил’; *Imel таңремәсли-пәсәрмәсли, сәпа понсалли* ‘Жену=свою сжал-скомкал, в карман положил (фольк.)’; *Pätәrox karti kel kentән minllәт* ‘Медная проволока легко гнётся’.
  - очищая – удаляя верхний слой объекта или продукта питания (кожуру с овощей, фруктов, чешую с рыбы, оперение с птиц) приготавливая их для переработки или употребления в пищу: *suxәт-* ‘дергать, выдергивать, ощипать’; *һәхәс-* ‘чистить (рыбу от чешуи, овощи от кожуры), скоблить’; *хөр-* ‘драть, ободрать, разделять, снимать бересту, шкуру (зверя, рыбы)’ – обрабатывать (обработать) что-либо каким-либо образом, приготавливая для использования; приносить жертву, совершать обряд жертвоприношения’; забивать (на мясо): шур. *Wasi suxәтtem* ‘Утку ощипываю от перьев’; *Ma хит һәхәстем* ‘Я рыбу чищу’; *Kutәp jajәт хотхәрән һухәс хөрман омәсәл* ‘Средний из братьев, сидя на полу, снимает шкуру с соболя’; *Җәм wulet һөхија хөрсәјәт* ‘Хороших оленей на мясо забивают’;
  - сцарапывая, отскребая: *пөх хопит-* ‘соскабливать’, *пөх ушi-* ‘соскоблить, очистить’, *вөшәт-* ‘снимать кору, соскабливать, скрести, отскребать’, *хәхәртә-* (мгнов.) ‘скоблить, скрести, хәхәрт- ‘скоблить, скрести: шур. *Хит som елтi пөх усила* ‘Рыбу

отчищают от чешуи»; *Jenjk uxəl eltī nōx xopitsem* ‘Лёд от саней соскоблил’; *Jūxlən wōšəməl* ‘Он снимает (букв.: скоблит) кору с деревьев’;

- выравнивая поверхность: *wōjx-* ‘тесать’, *wōjxət-* ‘строгать, обтёсывать’, *wolt-* ‘строгать, тесать’: шур. *Jūxlən wōšəməl* ‘Он снимает (букв.: скоблит) кору с деревьев’; *Soxəlat wōjxəl* ‘Он доски тесал’; *Ši wōjxantəl* ‘Обтёсывает доски’.

Объект действия (что?)

- точить нож: шур. *Kešem loxətlem* ‘Точу нож=мой’; *Keši loxatsəi pa jūx šur nōxərti pitəs* ‘Нож наточил и стал строгать полено’;
- чистить рыбу, птицу: шур. *Ma xūt nāxəslem* ‘Я рыбу чищу’; *Wasī suxətəl* ‘Ощипывает утку’;
- снимать шкуру зверя, кору дерева, совершать жертвоприношение: шур. *Tontī xōrlem* ‘Бересту снимаю с березы’; *Woj sōx xōre!* ‘Сними шкуру у животного!’; *Šita kūl sūmtət lojlat, jām tontī xōrti rāxəl* ‘Там толстые березы стоят, хорошую бересту можно снять’; *Torəm ašel ūlti kum mijmał saxət, arat wojət-xūtəl saxət – jir xōrlet* ‘Приносят жертву Богу для того, чтобы жилось хорошо, чтобы зверей-рыб было в достатке’; *Un xojatləw ōx pōnlat, jir xōrlət* ‘Старшие люди молятся, делают жертвоприношение (букв.: режут жертву)’.

Средство осуществления действия (чем?)

Действия, обозначаемые глаголами очищения, удаления и обработки объекта выполняются человеком с помощью специальных орудий.

Всегда предполагается использование какого-либо инструмента, в основном это:

- топор: *Jūxlən wōšəməl* ‘Он снимает кору с деревьев’; *Lepəs weləkl* ‘Он рубает ветки’;
- рубанок: *Soxəlat wōjxəl* ‘Он доски тесал’; *Ši wōjxantəl* ‘Обтёсывает доски’;

- напильник: *Kešem loxätlem* ‘Точу нож=свой’; *Keši loxätsälī pa jūx šup nõxärtī pitäs* ‘Нож наточил напильником и стал строгать полено’; *Lajäm loxättī omsäs* ‘Он сел точить топор’;

Воздействие квазиинструментом (т. е. воздействие не с помощью орудий человеческого труда, а мнимых инструментов, к которым относят части тела человека или животного):

- руки человека: *tätäl-* ‘разминать кожу при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять’, *päsär-* ‘давить’: *Imel tañremäslī-pasärmäslī, šepa ponsälī* ‘Жену мял-сдавил, в карман положил’; *Pöxen molsaṅ söxlal tätälsajät* ‘У сына=твоего шкуры на малицу обработали (букв.: помяли)’.

Исходя из приведенных выше примеров, относящихся к группе глаголов с семой «очищение, удаление, обработка объекта» можно сделать вывод о том, что субъектом действия всегда выступает человек.

Глаголы со значением «нанесение удара»

Особую группу образуют глаголы, объединенные значением «нанесение удара». Глаголы «удара» предполагают одушевленный субъект, наносящий удар; человека, животное или вещь, испытывающие удар, а также орудие (инструмент) для нанесения удара.

Типовая семантика данной группы «наносить удары, бить, ударять чем-либо, кого-, что-либо, по чему-либо, обо что-либо».

Базовые глаголы, относящиеся к этой ЛСГ: *reska-* ‘ударить – произвести удар по кому-либо, занося руку, палку или какое-либо другое орудие и опуская его с размаху на кого-либо, что-либо’, *xätsä-* ‘ударять (ударить) кого-либо, что-либо’, *löskä-* ‘шлёпать – ударить (ударять) с шумом ладонью или чем-либо мягким, гибким’, *senk-* ‘бить, стучать’, *xälit-* ‘раскалывать’, *sewär-* ‘рубить (дрова, мясо, рыбу), косить (сено)’, *tūwemä-* ‘вести удар, рассекать’, *iykär-* ‘бодать – бить кого-, что-либо рогами (обычно о крупном рогатом скоте)’, *šyñx-* ‘пинать, лягать’ – ударять (ударить) кого-либо, что-либо, толкая, пихая ногой (ногами) (обычно о копытных животных), *mijli-* ‘давать; ударить’, *kütär-* ‘врезать’-ударить сильно с размаху.

Субъектом действий, обозначаемых основными ЛСВ глаголов физического действия, преимущественно является человек и его части тела. В тех случаях, когда выполнение действия не требует применения инструмента, в качестве субъекта может выступать животное: *Xor misən ūnkərsajm* ‘Бык меня забодал’; *Lōw šuŋxaiśəl* ‘Лошадь лягается’.

Субъект производит какие-либо повторяющиеся действия (например, заносит руку, палку, другое орудие и опускает на кого-, что-либо), воздействует тем самым на объект и обнаруживает свою силу. Воздействие субъекта часто является для объекта негативным, в результате неодушевленный объект разрушается, приходит в негодность, а одушевленный объект испытывает физические и/или моральные страдания.

Для некоторых глаголов со значением нанесения удара типичны признаки повторяемости и многократности действий, которые присутствуют почти во всех его значениях, например: *seŋk-* ‘бить, заколотить, стучать, хлопать, аплодировать’ (скорее всего длительный процесс): *Ōawrəmət seŋk takan jōšpət seŋksət* ‘Дети очень сильно хлопали в ладоши (аплодировали)’ [ЛА, 2005]; *In kew aŋklət il seŋklajət* ‘Сейчас каменные столбы забивают вниз’ [ЛА, 2006]; *Mitjoxlat kašəŋ xətl seŋkləli* ‘Слуг своих каждый день бьет’; *Xōt lōŋəl sōxlət eltī tūntiin laklajt pa eltī sōxəln seŋklajət* ‘Крышу дома поверх досок берестой покрывают и затем опять заколачивают досками’ [ЛА, 2003]; *Mūŋ kuśaew ši xorpi atām, mūŋew seŋkman, šuŋkiman tajlallī: seŋkman-uwman nox kirlajuw, šuŋkiman-puxalman xoś esallajuw* ‘Наш хозяин такой плохой: нас бьет, тыкает, бьет-кричит, когда запрягает, тыкает-толкает, когда распрягает’.

Глагол *mijli-* переводится как ‘надавать; ударить’ – побить кого-либо, многократно нанося удары, словно дав, предоставив кому-либо что-либо в большом количестве, например: *Kāmətsa puš mijlāsa* ‘Несколько раз ударили’.

В глаголе *sewər-* ‘рубить, косить’ со значением ‘нанести удар’ (‘разделять что-либо на части’), каз. *лоухитты* ‘раскалывать’ содержится признак периодичности действия, проявляю-

щийся в характере объекта, воздействовать на объект, обнаруживая свою силу, с целью изменения, деформации объекта, например: *Põxem tõrən sewərəl* ‘Мальчик косит сено’; *Mā sōrəm jūx sewərłəm* ‘Я сухие дрова рублю’; *Łəpət oxpi meŋk iki oxłəl ätətt sewərsəjət* ‘Семи голового Менка головы отрубили’; *Turma xojti noxər jūxwurat il sewərłəjət* ‘До неба достающие кедровые гривы срубают’; *Potəm xūl nõxərsa, potəm nõxi sewərsa* ‘Мёрзлое рыбу строгали, мёрзлое мясо рубили’ [ЛА, 2009]; *Tūt jūx sewərti šāsēs* ‘Слышно было как он рубил дрова’ [ЛА, 2009]; *Pasan tel sewərsa nar nõxiin, put mōlsa* ‘Стол полон нарубленным сырым мясом, котел поставили варить’ [ЛА, 2009]; каз. *Jūxem ši loŋxijəs* ‘Полено наконец раскололось’; *Tūtjūx loŋxita* ‘Наруби дров’; *Łūw tūtjūx loŋxitl* ‘Он дрова колет’; *Jūxem loŋxeməs* ‘Палка раскололась’ [Соловар, 2006: 125].

Глагол *seŋk-* в следующем значении может относиться и к глаголам звучания, то есть передает значение «стучать», производить звук с какой-то целью – ударяя, производить звуки, многократно стучать по одному и тому же месту (дверь, окно), коротким отрывистым звуком, выражая этим просьбу впустить кого-либо куда-либо, например: *Atələn, ma xəti xulsem, išnel seŋkəm ši šāsəs* ‘Ночью, я же слышала, (кто-то) в его окно стучал’ (букв.: Слышно было в окно=его стучали).

Признак активности субъекта и направленность его усилий на повреждение объекта представлен в значениях глагола с семой «нанесения удара», в том числе и в ЛСВ, обозначаемых ситуацию «бить противника», например: *seŋkañs-* ‘сражаться, биться, драться, отбиваться’ – противодействовать кому-либо, в кулачном бою, защищаясь, *kūtərmə-* ‘сражаться, драться, бороться’ – биться с противником, например:

Seŋkañšit pal kew wura mānsəŋən ‘Сражаться пошли на высокую каменную гору’ [ЛА, 2006]; *Meŋk iki pilaŋ kūtərməti mānləm* ‘С Менком иду сражаться’; *Xūw ešaśsaŋən, xūw kerathisəŋən, xūw kūtərməsəŋən* ‘Долго придирались друг к другу, долго валялись, долго боролись’.

Результативный характер действия, воспринимаемого слухом, обнаруживается в ряде ЛСВ звучания: *seŋk-* ‘стучать’ – ударяя, производить звуки, многократно по одному и тому же месту (в дверь, окно) коротким, отрывистым звуком, выражая этим просьбу впустить кого-либо куда-либо: *Atəln, ma xəŋi xulsem, išnel seŋkəm ši šasəs* ‘Ночью, я же слышала, (кто-то) в окно стучал’.

Деривацию значений глагола *il xətsə-* ‘сбить’ также определяет результативный компонент: ‘в результате удара сдвинуть, переместить объект’, например: *Lūw lijam sumat aŋkəl kūrən il xətsəsli* ‘Он гнилой березовый пень ногой сбил’.

Глаголы нанесения удара, в семантической структуре которых имеется дифференциальная сема ‘однократность действия’ предполагает один быстрый удар, например:

Глагол *reskə-* означает ‘ударять кого-либо, что-либо чем-либо с силой, обычно неожиданно’ (разг.- сниж.). Этот глагол подразумевает приложение большой физической силы, как правило, в большинстве случаев под воздействием эмоций, выражающих недовольство, злость, раздражение в ходе ссоры, например:

Pirās iki nōxər jūx jūxšūrn reskəšli, nōxrət lij saxatət il rakənlət ‘Старик поленом ударил по кедру, шишки сами собой вниз падали’; *Aršiel lōnemamał, un jajəl xətsəsli, un aŋxel reskəšli, kütər jajəl xətsəsli, kütər aŋxel reskəšli* ‘Братишка забежал, старшего брата ударил, среднего брата ударил, старшую сноху ударил, младшую сноху ударил’ (фольк.) [ЛИА, 2007]; *Naŋk jūxa reskəšli* ‘Об лиственницу ударил’ (фольк.) [ЛИА, 2009].

Глагол *xətsə-* ‘ударять (ударить) кого-либо чем-либо’ – занося руку, палку или какое-либо другое орудие и опуская его на кого-либо, что-либо, нанося удары, например: *Šalta manəm jūxən xətsəsli* ‘Потом меня палкой ударил’; *Jōxi loŋti xūjn wet jūm jūx šōjtn wet puš at xətsəla* ‘Человека, который зайдет в дом, пусть черемуховыми шестами пять раз ударят’ (фольк.) [ЛИА, 2006]; *Kūjpal xətsəlli* ‘Он в бубен забил’.

Глагол *l’ōskə-* подразумевает удар плоским предметом, например, раскрытой ладонью. Этот глагол переводится ‘шлёпать,

дать пощечину’ – ударить (ударять) с шумом раскрытой ладонью или чем-либо мягким, гибким, например: *Weš pūḡəln lōškāshlī* ‘Ударил меня по щеке’.

Глагол *kūtərt-* переводится как ‘врезать’ (разгов.) – ударить сильно с размаху, например: *Ox pāt eltī kūtərsallī* ‘Ударил его по голове’.

Рассмотренные выше производные от глагола «ударить» характеризуются наличием четко выраженных связей между значениями. Например, значение глагола *il xātsə-* ‘сбить’ представляет перемещение объекта в результате удара, значение глаголов *seḡk-*, *reska-*, *xātsə-*, *lōškə-*, *kūtərt-* – физическое воздействие на объект с нанесением ему вреда вплоть до разрушения, *xālit-*, *sewər-* – нарушение целостности объекта.

Объект понятийной ситуации, связанной с осуществлением конкретного физического воздействия, может быть определен как пассивная субстанция, на которую направлено воздействие и которая в результате него претерпевает определенные качественные изменения. В качестве объектов, на которые направлены данные действия, могут выступать:

- 1) неодушевленные предметы (различные вещи и предметы окружающей действительности), физическое воздействие на которые, соизмеримо с возможностями человека, т. е. обычно объект является относительно небольшим по размеру, способным в результате длительного негативного воздействия на него прийти в негодность, сломаться, испортиться и так далее, например:

In kew aḡklat il seḡklajət ‘Сейчас каменные столбы забивают вниз’ [ЛА, 2006]; *Xōt lōḡəl sōxlət eltī tontijən laklajt pa eltī sōxəln seḡklajət* ‘Крышу дома поверх досок берестой покрывают и затем опять заколачивают досками’ [ЛА, 2003]; *Pānne tīramat raxəl moxələn tīralltija, moxəl tīrama tewalla pa mōrta seḡkla* ‘Желудок налима можно печенью наполнить, печень в желудок положить и немного побить’ [ЛА, 2007];

2) одушевленные существа – люди и животные (в сочетаниях с глаголом *seŋk-* ‘бить’), физическое воздействие приносит им физические и моральные страдания, например:

Nopsaŋ, tǔmǎjy jasəŋ jastəmen pǎtiin seŋksajəŋ ‘Может быть, из-за твоих умных слов тебя побили’ [ЛА, 2006]; *Mitjǒxlal kašəŋ xǎtəl seŋklalǐ* ‘Слуг своих каждый день бьет’; *Pirəs imi jǔx šǔp aləmtəs, ikel seŋktǐ pitsəllǐ* ‘Старушка полено взяла, мужа бить стала’; *Ma nǒx weremimem, manem wenš eltǐ seŋklalǐ* ‘Я очнулась, меня бьет по щекам’ [ЛА, 2009]; *Mǔŋ kuśawwəw śi xorpi atəm, tǔŋew seŋkman, šunkiman tajlǎllǐ: seŋkman-uwman nox kirlajəw, šunkiman-puxalman xoś esallajəw* ‘Наш хозяин такой плохой: нас бьёт, тыкает, бьёт-кричит, когда запрягает, тыкает-толкает, когда распрягает’; *Meŋk ikel seŋktǐ-weltǐ śi pitsəllǐ* ‘Менка стал бить-убивать’.

Кроме того, в хантыйском языке есть глаголы с включенным актантом инструменталиса. Под инструментом в настоящем исследовании понимаются как специально созданные человеком орудия труда, так и (в случае отсутствия последних) части тела субъекта, с помощью которых он совершает непосредственное воздействие на объект: в качестве орудий используются конечности человека (и нижние, и верхние), животных (рога, копыта), палки и другие инструменты. Указание в тексте на инструмент воздействия имеет факультативный характер. Если информация об инструменте содержится в глаголе, указание на инструмент в тексте приводит к семантическому дублированию, поэтому инструментальная валентность у таких глаголов обычно оказывается нереализованной [Скребцова, 1996: 67]. Это близкие к рассматриваемой группе глаголы с идентифицирующими значениями ‘трогать, толкать (рукой); лягать (копытами, задними конечностями парнокопытных животных)’, пинать (ударить ногой), бодать (ударить лбом, рогами), шлепать (ударить ладонью). Так, например, при глаголах *šǔŋx-* ‘пинать, лягать, брыкать’ – ударять (ударить) кого-либо, что-либо, толкая, пихая ногой (ногами) (обычно о копытных животных, реже человек), *šǔŋxahś-* ‘пинаться, лягаться’ – бить, ударять кого-

либо, что-либо ногами, ногами, копытами и т. п. (обычно о копытных животных), *ǰŋkər-* ‘бодать’ – бить кого-, что-либо лбом, рогами (обычно о рогатом скоте), *lǝskə-* ‘шлёпать’ – ударить (ударять) с шумом раскрытой ладонью или чем-либо мягким, гибким; в их основных ЛСВ нет указания на инструмент, с помощью которого осуществляется действие, оно содержится в самом глаголе, например:

Misl tiel-toxel šunxəl ‘Корова её туда-сюда ногами брыкает’; *Low šunxańśəl* ‘Лошадь лягается’; *Lowən šǰŋxsejəm* ‘Лошадь пнула меня’; *Ŋawrem peŋk lekkar xośa at laŋxalla mǎntǐ, kunśaśman-šunxańśman joxi ersal* ‘Ребёнок к зубному врачу не хочет идти, царапаясь-пинаясь, упирается’; *Misem šǰŋxańśel* ‘Корова=моя лягается’; *Xor misn ǰŋkərsajm* ‘Бык меня забодал’; *Weś pǰŋəln lǝskǎslǐ* ‘Шлёпнул меня по щеке’.

С другой стороны, в тех случаях, когда действие может выполняться с помощью различных орудий, указание в тексте на инструмент служит для уточнения характера осуществления действия: глагол *tǰwemə-* ‘вести удар, рассекать’ подразумевает прицельный удар, *pǝtkə-* ‘толкать, пихать’, *šupi sewər-* ‘разрубить пополам’, например:

Jajəm kartǐ lǰp ńǎrəməs, lǝlmǎm jǝślal eltǐ kamatsa pǝś tǰwemǎslǐ ‘Брат=мой железное весло схватил, по ворованным рукам=его несколько раз ударил’; *In śaxa sapallǰw lajəmən šuppi sewǎrlajt xǝliewa!* ‘Нас всех обезглавят (букв.: потом наши головы (букв. шеи=наши) напополам разрубят!)’; *Lǰw kešijən pǝtkəssa* ‘Его ножом ударили’.

В тексте инструмент действия обозначается существительным в местно-творительном падеже.

Нанесение удара (ударов) живому существу сопровождается причинением боли, нанесением увечий. Удары по своей силе и характеру могут быть при этих глаголах достаточно сильными (*xǎtsǎ-, seŋk-, reska-*), а также лёгкими (*lǝskə-* ‘шлёпать’).

Иными словами, глаголы нанесения удара предполагают трёх участников обозначаемой им ситуации: производителя действия, предмет, подвергающийся воздействию, и инструмент.

Таким образом, в производных глаголах со значением «удара» обнаруживаются такие признаки, как результативность, повторяемость, многократность, однократность, характер объекта, но значения этих глаголов трансформируются, во-первых, благодаря семантике превербов, вносящих новые семантические компоненты, а во-вторых, влиянием контекста, уточняющего характер субъекта, объекта и инструмента.

Глаголы данной группы в некоторых своих значениях могут быть отнесены и к группе разрушения, что логично с точки зрения их семантики, т. к. разрушение может быть следствием нанесения удара.

Таким образом, по данным картотеки, собранной нами, зафиксировано 30 глаголов со значением нанесения удара, некоторые глаголы имеют ЛСВ. Значения данных глаголов относятся к разным лексико-семантическим подгруппам: 8 ЛСВ входят в подгруппу разделения объекта, 1 ЛСВ – в подгруппу лишения жизни, 1 ЛСВ – в группу звучания, 10 ЛСВ – в подгруппу нанесения удара. Многие глаголы нанесения ударов во вторичных значениях могут также относиться и к глаголам звучания, то есть передают значение «стучать, производить звук с какой-то целью».

Глаголы с семой «давление на объект»

Типовая семантика глаголов: давить, налегая с тяжестью, силой на кого-, что-либо или жать (сжимать) какой-либо объект со всех или разных сторон, прилагая усилия.

Базовыми глаголами являются следующие: *ner-* ‘тереть, смазывать’, *ńorət-* ‘давить, с силой нажимать, налегать всей массой’, *ńosət-* ‘растирать, тереть, мазать’, *ńańerlə-* ‘искривиться (стул, нарта)’, *ńańerlĭj-* ‘искривляться’, *păšərt-* ‘давить, выдавливать (руками), жать с силой’, *šomər-* ‘сжать, сжимать’, *tăjər-* ‘сжать, давить’.

Глаголы давления представлены следующими синонимическими рядами:

- синонимический ряд, объединяющий глаголы деструкции при помощи давления, с дифференциальной семой ‘действовать с силой, своей тяжестью’: *ner-* ‘тереть, давить с тяжестью’, *tāṇər-*, ‘сжать, давить’, *ḥorət-* ‘давить, с силой нажимать, налегать всей массой’, *minlə-* ‘гнутья, погнутья, согнутья’: *Manem tāṇərsalī* ‘Меня сдавил’; *Kürem tāṇərļa* ‘Ногу давит’; *Patərox kartī kel kentən minləl* ‘Медная проволока легко гнётся’.
- микрогруппа глаголов деструкции при помощи давления, с дифференциальной семой ‘делать объект мятым, неровным’: *ḥaḥərlə-* ‘искривиться’, *ḥaḥərlīj-* ‘искривляться’: *Ulasem jira ḥaḥərlījmal* ‘Стул мой набок искривился’; *Ij ixəl xōṭṭ ḥaḥərləmal, katra āl kūš xōrasəṇ us* ‘Одна нарта как искривилась, раньше, наверно, красивой была’.

Воздействие на объект сопровождается, обычно, большими физическими усилиями субъекта-человека. Объектом давления могут выступать самые разные предметы действительности.

В семантике глаголов данной ЛСГ имеется целевая установка, действие производится:

- 1) с целью очищения, натирания: *ner-* ‘тереть, давить с тяжестью’;
- 2) с лечебной или гигиенической целью: *ḥosət-* ‘растирать, тереть, мазать’ – касаться (коснуться) поверхности тела чем-либо (ладонью, полотенцем и т. п.), производя интенсивные движения, делая массаж либо нанося на кожу какое-либо вещество (мазь, жидкость), равномерно распределяя его и заставляя впитаться: *Mušmət tāxi ḥosəttī* ‘смазать больное место’;
- 3) с целью извлечь с помощью определённых усилий откуда-либо содержимое (жидкость, сок, влагу и т. п.): *pāsərt-* ‘давить, выдавливать (руками)’ – жать с силой, налегая тяжестью на кого-, что-либо (обычно о действии, имеющем одностороннюю направленность): *Aṅkem sox pāsərtəl* ‘Мама моя выжимает белье’;

- 4) при выражении различных эмоций (гнева, досады, обиды): *šomər-* ‘сжать (пальцы, губы, веки), сжимать – давить (сдавить) кого-, что-либо (обычно пальцами, рукой) плотно прилегая’, *tāṅər-* ‘щипать’, *šāmərmə-* (мгнов.) ‘сжать’, например: *Jōšem šāmərməslī* ‘Руку=мою сжал’; *Māšəklal šāmərtsəlī* ‘Он сжал кулаки=свои’; *Lāṅkrem muja tāṅərten, kāši* ‘Плечо почему щиплешь, больно’;
- 5) с целью размягчения: *tātəl-* ‘разминать кожу при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять’, *leptam-* ‘мять, размять’, *tātləs-* ‘заниматься разминанием шкуры’, *tātlə-* ‘выделывать’, *tāṅər-* ‘мять’ (подгруппа обработки): *Pōxen molšan sōxlal tātəlsajət* ‘Шкуры для шитья малицы для твоего сына помяли (обработали)’; *Kālaṅ sōx leptamlət* ‘Оленьи шкуры мнут’; *Ma tātləsləm* ‘Я занимаюсь разминанием шкуры’; *Kepləm tātəlleṅ* ‘Шкуру мне (обрабатываю)’; *Keṗəl xurət jāma tātləmət* ‘Кожа хорошо выделана’; *Ta, kepləm, oməsten kaša, tāṅrī* ‘На, пока сидишь, шкурку с лап оленя мни’;
- 6) с целью лишить жизни живое существо; подвергать действию тяжести, придавливая собой, своим весом (о тяжелом); умерщвлять (давить).

В результате воздействия на кого-, что-либо тяжелым предметом происходит разрушение объекта вплоть до полного уничтожения предмета или лишения жизни живого существа, например: *šix tāṅər-* ‘задушить – убивать с силой сжимая горло’ (насмерть + сжатие), *šix tal-* ‘задушить – затянуть веревкой насмерть’ (насмерть + сжатие): *Ampen šix talen muj?* ‘Что собака=свою задушишь’; *Ma nāṅen šix reskalem* ‘Я тебя убью’; *Manem xaš ši tāṅərlaslī* ‘Меня чуть не задушил’.

Таким образом, глаголы давления, реализуясь в речи, используются при передаче ситуаций: 1) давления, 2) разрушения, 3) прекращения бытия.

II. Разрушение объекта

Глаголы с семой «разделения и отделения объекта»

Глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ) разделения объединяются общей семантической темой или гиперсемой «разделять объект на части». Типовую семантику этой подгруппы можно представить следующим образом: «разделить (разделять) что-либо целое, цельное, совокупность чего-либо на отдельные части, составляющие».

Как отмечает Ф. Г. Фаткуллина, глаголы разделения в своих основных значениях несут информацию о ситуации конкретного физического действия на объект с целью каузировать нарушение его единства, целостности, разделение его на части или составные элементы [Фаткуллина, 2002: 98].

Семантическим идентификатором ЛСГ является глагол *šurij-* ‘напилить, нарезать, нарубить пополам – разделять (распилить) на части кусок дерева и т. п. (с помощью пилы, топора, ножа)’. Семантическая структура глаголов разделения обладает синтагматическими семами субъекта, объекта и инструмента действия.

Базовые глаголы, а также производные от них: *šurij-* ‘напилить, нарезать, нарубить пополам – разделять (распилить) на части кусок дерева и т. п. с помощью пилы, топора, ножа’, *ewät-* ‘резать, нарезать, порезать, пилить’, *sewər-* ‘рубить, косить’, *wańś-* ‘пластать (о рыбе), раскроить (разрезать ткань, мех, кожу), порезать, порезаться’, *xălīt-* ‘расколоть, раскалывать, разрубить’.

В состав дифференциальных сем входят семы «инструментальность» (*sewər-*, *ewät-*, *wańś-*), «результативность» (*aja nūl-* ‘дробить’), «квантитативность» (*šurij-*, *kătna sewər-*, *kătna ewät-*, *šippi ewät-*, *šippi sewər-*, *šippi xălīt-*), «квалитативность» (*nōx menəm-*).

Субъектом при данных глаголах выступает живое существо, практически во всех случаях – человек. Для базовых глаголов, содержащих в себе сему «разделения» в основных значениях ограничений на объекты нет. Объектами при глаголах этой подгруппы служат различные предметы – мягкие или твердые, вещи, поддающиеся разделению (бумага, ткань, дрова, продук-

ты питания и т. п.), а также части тела человека (порезать руку, палец). В качестве орудий, используемых при разделении, выступают какие-либо острые, режущие предметы – нож, пила, ножницы, топор, либо тяжелые, тупые предметы. Так, используются какие-либо острые, режущие инструменты при глаголах *ewət-* ‘резать, пилить’, *wańś-* ‘пластать, раскроить’.

При этом глаголы *sewər-* ‘рубить, косить’, *šupij-, xǎlit-* ‘расколоть, раскалывать’ (делить, разделить что-либо твердое на куски, обычно ударяя чем-либо острым или тяжёлым), требуют от субъекта больших физических усилий.

Сопутствующими действиями при глаголах разделения являются разрез, разрыв, нанесение ударов.

Глаголы ЛСГ разделения имеют сложную семантическую структуру, в которую, наряду с указанными синтагматическими семами, входят гиперсема «разделять», видовые семы, в соответствии с которыми глаголы ЛСГ можно разделить на следующие подгруппы:

- 1) размельчать / разрезать на несколько частей, на мелкие части: производные глаголы от *ewət-*, *sewər-*, *xǎlət-* образованные при помощи превербов *aja*, *ara*: *Panne xǔl aja ewǎtlila* ‘Налима разрезают на мелкие кусочки’; *Aŋkem ńuxǎl ara ewǎtmǎl jupijn puta punsǎlli* ‘После того, как мама моя нарезала мясо на мелкие куски, (она) положила его в котел’;
- 2) разрезать: *ewət-* ‘резать, порезать, пилить’, *sewər-* ‘рубить, косить’, *wańś-* ‘пластать (о рыбе), раскроить (разрезать ткань, мех, кожу), порезаться’, *xǎlit-* ‘расколоть, раскалывать’ – делить (разделить) что-либо твердое на куски, обычно ударяя чем-либо острым или тяжёлым, *šǔmǎt-* ‘резать’: *Xǔl šǔmǎtti* ‘Делать надрезы на рыбе’; *Lǔw jǔšǎl ewtǎs* ‘Он руку=свою порезал’; *Aŋkem ńań kešijǎn ewǎtlaǎlǎ* ‘Мама моя хлеб ножом режет’; *Wǔli sǎm xǔwataǎn ewǎtlajǎt, šuppi ewǎtti ǎt rǎxǎl* ‘Сердце оленя режут только вдоль, поперек нельзя’; *Xor kǔr ewǎtl, woj kǔr ewǎtal* ‘охотиться (букв.: он режет ногу быка, он режет ногу лося’ (фразеол.); *Lǎjǎmn*

- sewərti* ‘Топором срубить’; *Põxem tõrən sewəral* ‘Мальчик косит сено’; *Mā sōram jūx sewərləm* ‘Я сухие дрова нарубил’; *Turma xōjtī noxər jūx wurət il sewərlajət* ‘До неба достигающие кедровые грибы срубают’; *Tõrən sewərlət* ‘Сено косят’; *Potəm xūl nõxərsa, potəm nõxi sewərsa* ‘Мёрзлое рыбу строгали, мёрзлое мясо рубили’; *Xūlem wāñśəm* ‘Я рыбу разрежала’; *Lūjem kešijən wāñśem* ‘Я палец ножом порезала’; *Šālta śi jupijñ xūl šāñśəl eltī śitī wāñśla, wantī, lōwəl xūl ox pilñ atelt xāštija* ‘Затем после этого по спине рыбу рассечь, гляди, кость вместе с рыбьей головой отдельно оставить’; *Xūlen wāñśi, solije* ‘Рыбу распластай, посоли’; *Kulem tīñsañ sōx wāñśəl* ‘Зять кожу аркана разрезает’; *Jūx šūp xālətī* ‘Полено разруби!’; *Tūt jūx xālətī mənəs* ‘Пошел колоть дрова’;
- 3) разорвать, изрезать небрежно: *māñšij-* ‘рвать, разрывать, резким движением разделять на части’: *Xāñśəm nepekəl hūw šūkə māñšijsəllī* ‘Исписанную бумагу он рвал на клочки’;
- 4) делить на две части: производные глаголы от *ewət-*, *sewer-*, *xālət-*, *wāñś-*, образованные при помощи превербов *kātna*, *šūppi*, а также глагол *šupij-* ‘напилить, нарезать, нарубить пополам’ – разделять (распилить) на части кусок дерева и т. п. с помощью пилы, топора, ножа: *Asem jūx šūp kātna xālətī* ‘Отец мой полено рубит на 2 части’; *Kel šūket hūw šūppi ewətsəllī* ‘Кусок веревки он разрезал напополам’; *Jūx šup šupilem* ‘Полено распиливаю’; *Jūxət šupijəmət pa jāxa ponəmət* ‘Дрова напилены и сложены’.

Глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ) отделения объекта содержат в своей семантической структуре синтагматические семы субъекта и объекта, от которого что-либо отделяется, а также инструмента действия.

К указанной лексико-семантической группе относятся глаголы, имеющие значение отделения или отсоединения от чего-либо. Они объединяются инвариантной семьей «отделить», обозначающей цель воздействия [Клеопатрова, 1982].

Видовые семы конкретизируют действие отделения и в соответствии с ними глаголы данной ЛСГ можно распределить по следующим подгруппам:

- 1) отрезать часть от целого: *nõx ewæt-*, ‘отрезать, обстричь’, *rǎšij-* ‘вырезать зубчики из сукна, изрезать на мелкие кусочки’: *Wošærtapa nuj rǎš rǎšija* ‘На меховые полоски вырежи зубчики из сукна’; *Al ultī šūk aj naprija rǎšijəm* ‘Такой хороший лоскут изрезали на мелкие кусочки’;
- 2) обособить часть от целого: *puxət-* ‘колоть, отколоть’, *xor-* ‘снимать бересту, обдирать шкуру с животного’, *ńǎxəs-* ‘снимать чешую (рыба), обтесать бревно (снимать кору с дерева)’, *ńoxər-* ‘строгать’, *welək-* ‘освободить дерево от веток, обрубить сучья на дереве’: *Potəm wøj kešijən puxəlla* ‘Застывший жир ножом откалывают’; *Tontī xorləm* ‘Бересту снимаю’; *Woj sõx xore!* ‘Сними шкуру у оленя!; *Šita kul sumtət lõjlat, jam tonī xortī raxət* ‘Там толстые березы стоят, хорошую бересту можно снять’; *Ma xaš jūx ńǎxəstem* ‘Я обтесываю тальник’; *Xūl ńǎxəstem* ‘Снимаю чешую с рыбы’; *Keši loxətsəlī pa jūx šup ńoxərtī pitəs* ‘Нож наточил и стал строгать полено’; *Potəm xūl loŋəlsa, ńar xūla ńoxərtī* ‘Мороженную рыбу занесли, на строганину (букв.: на сырую рыбу) строгать’; *Tām il pajtəm jūxet ńūwlälä welkaln* ‘Вот это спиленное дерево освободи от сучьев’.
- 3) оторвать часть от целого: *suxət-* ‘выщипать, ощипывать от перьев, теребить, дергать, рвать’: *Wasī suxəttəm* ‘Утку ощипываю от перьев’; *Neŋət waj iləm torən suxəttī mǎntsət* ‘Женщины траву для стелек дергать пошли’. Выполнение данных действий не связано с применением специальных инструментов, а ими являются руки, пальцы руки.

III. Уничтожение объекта

С. Е. Кузьмина под уничтожением понимает деструктивное физическое воздействие на одушевленный или неодушевленный

предмет, в результате которого предмет прекращает свое существование в прежнем качестве [Кузьмина, 2006: 4].

Вслед за А. П. Чудиновым, мы считаем, что указанная ЛСГ составляет довольно обширный класс слов, которые по семантическим признакам мы распределяем на две подгруппы: 1) глаголы, выражающие значение «уничтожить что-либо деструктивным воздействием», 2) глаголы со значением «лишить жизни кого-либо, или лишить жизни себя» [Чудинов, 1979: 38].

Глаголы, выражающие значение «уничтожить что-либо деструктивным воздействием»

К глаголам, имеющим значение «уничтожение чего-либо деструктивным воздействием», относятся глаголы: *lapət-* ‘обжигать’ – подвергать какую-либо часть тела действию огня или чего-либо едкого или жгущего, повреждать кожный покров, *pārat-* ‘убить, уничтожить’, *šūkat-* ‘крошить, ломать, сломать, разбить; вскопать; испортить’, *šūkat-* ‘мучать, обижать; умертвить (о животном)’: *Tūtən lapətti* ‘Огнем обжечь’ [DEWOS 1980: 715]; *Untat jūxlat pāratlajit, sojmiet lap xirlait* ‘В лесу деревья уничтожают, речки закапывают’ [ЛА, 2009]; *Kūr jīt šūkatəs* ‘Сломал сустав ноги’; *Nān al šūkatta!* ‘Хлеб не ломай!’ [DEWOS 1980: 258]; *Mūwew-jīnkew šūkatsa, letī wojluw manman-jaxman arsīr atəm mišan xūxlait* ‘Землю-воду=нашу разорили, птицы=наши пока туда-сюда летают, заболевают всякими болезнями’ [ЛА, 2006]; *Kater eltī letotat lōlmamət, tōmanləl šūkatəmət* ‘С катера своровали продукты, замки сломали’ [ЛА, 2006]; *Xōtət šūkatlajət, āmparət pelki mānšəljajət, pensionerat eltī, sekman, oxšukat nōx nārəmlajajət* ‘Дома ломают (замки дверей дома), у сараев двери выбивают, у пенсионеров, избивая, последние деньги забирают’ [ЛА, 2006]; *Wasī tīxlət al šūkataln!* ‘Не разоряйте утиных гнезд!’ [ЛА, 2006]; *Pūŋəl eltī jōxtam otatan muwew šūkatsa* ‘Со стороны приехавшие люди землю=нашу разорили’ [ЛА, 2009]; *Tup neman muja šūkattī?* ‘Только зачем зря ломать?’ [ЛА, 2009]; *Mujən popsən šejk šūkatsa?* [ЛА, 2004] ‘Чем тебе настроение так испортили?’; *Sem kartem šūkatsəm, luŋəttī āt*

weritl̄əm ‘Из-за того, что сломались очки=мой, я читать не могу’; каз. *I semijəl jisn n̄āwrəm̄n š̄ūkatsa* ‘Один глаз в древности ребенок сломал (об огне)’.

Глаголы со значением лишения жизни живого существа

В эту подгруппу входят глаголы лишения жизни живого существа.

Типовая семантика – «подвергать кого-либо, что-либо воздействию чего-либо с целью нанесения вреда; уничтожить, лишить жизни».

В лексемах со значением лишения жизни живого существа дифференцируется причина смерти: смерть может быть естественной, из-за болезни, случайной, насильственной, результатом суицида.

Глаголы со значением лишения жизни мы делим на две группы:

1. Единицы с общим значением «убить» (умертвить): *wel-* ‘убивать, добывать’, *p̄arat-* ‘убить, уничтожить’, *xōl p̄ela tu-* ‘убить’ (букв.: куда-то унести): *Misem palaj̄ən w̄elsa* ‘Корову=мою грозой убило’; *Meŋk iki mojparəl woj welt̄i xujala w̄išk̄sl̄i, x̄ās w̄elsəl̄i* ‘Менк медведя кинул на охотника, чуть не убил’ [ЛА, 2006]; *L̄ūw xojət̄ən w̄elsa* ‘Его кто-то убил’; *Pirās imel l̄ūwela š̄eŋk t̄ōrās werās, š̄išan l̄ūw tumel w̄elt̄i nomās werās* ‘Старушка ей очень надоедала, поэтому она подумала её убить’; *Pirās iki s̄āməl m̄ānās, ant ujat̄əl muj wert̄i, xot̄i kullal w̄elt̄i* ‘Старик испугался, не знает что делать, как убить этих существ, подобных лешему’ [ЛА, 2009]; *K̄āt xir arat x̄īl w̄elsəm̄n* ‘Добыли столько рыбы, сколько поместиться в двух мешках’; *T̄āl̄ən l̄ūw woj w̄eləl, l̄ūj̄ən l̄ūw lor̄ən, joxan̄ən x̄īl w̄eləl* ‘Зимой он зверей добывает, летом он в сору, на реке рыбу добывает’ [ЛА, 2007]; *Āsem, j̄āj̄em x̄īl w̄elt̄at* ‘Отец=мой, брат=мой рыбу добывали’ [ЛА, 2007]; *Mujkem wul̄i raxəl w̄elt̄i-nep̄ek xuwat̄ es̄l̄ala* ‘Сколько оленей можно добывать – разрешают по бумаге’; *L̄ūw x̄īw̄ən p̄āratsa* ‘Его давно убили’; *Muj ant ujat̄l̄əw xota l̄ūw p̄āratsa, matt̄i m̄ūw̄ən* ‘Мы не знаем где его убили, на какой земле’; *Wewtam-ki xojat, seml̄i pit̄əm xuleŋki tata š̄i p̄arat̄laj̄əm*

‘Если плохой человек, меня – слепого человека тут же убьёт’ [ЛИА, 2009]; *Imem ant xulatəl, poxəl p̄aratmen uraŋən* ‘Женщина не слушает из-за того что, ты убил сына=ее’ [ЛИА, 2009]; *Untən j̄xlal p̄aratlajət, sojmijet lap xirlajət* ‘В лесу деревья уничтожают, реки закапывают’ [ЛИА, 2009].

2. Единицы с конкретным значением «лишить жизни».

Глаголы второй группы характеризуются наличием в их семантической структуре помимо указания на убийство дополнительной информации (в отношении инструмента действия), делающих их более определенными по семантике. Глаголы с конкретным значением противопоставляются прежде всего по признаку инструмента действия, в семантике данных единиц есть указание на определённое орудие действия, например, вешаться – действие всегда производится с помощью верёвки, застрелить – с помощью огнестрельного оружия: *Pōškanən esälti* ‘стрелять из ружья’, *Nōln esälti* ‘стрелять стрелами’.

При толковании ЛСВ глаголов с семантикой лишения жизни приводятся уточнения: хант. «насмерть», «до смерти», «очень сильно»: *šix* (смерть) *reskə-* сниж.-разг. ‘убить’ (букв.: очень сильно ударить), *würši-* ‘очень сильно бить’, *šix seŋk-* ‘убить’ (букв.: забить до смерти). Это связано с пересечением данной группы с ЛСГ деструктивного воздействия на объект, как следствие – необходимостью уточнения того, что происходит с объектом: поврежден ли он или прекратил существование.

Рассмотрим характер семантической организации глаголов в пределах лексико-семантической группы. ЛСГ глаголов, обладающих семантикой убийства, представляет собой группу с некоторым количеством единиц, имеющих ряд общих признаков. Во-первых, общим признаком является наличие субъекта и объекта действия. Актантная структура данных глаголов отличается значительной стабильностью, что проявляется в обязательном наличии способа совершения действия, при возможности наличии инструмента, субъекта, объекта (при возможности их со-вмещения в глаголах самоубийства: *šakən-* ‘повеситься, задох-

нуться, захлебнуться’, *šakəptə-* ‘захлебнуться’, *xōl pela tū-* (фразеол.) ‘убить’ (букв.: куда-то унести, увести), *xōtəs wer-* ‘убить, умертвить’ (букв.: что-то сделать).

Субъектом и объектом действия глаголов со значением «лишить жизни» чаще всего является человек. Однако возможны различия внутри данных категорий: субъектом действия может быть и человек, например: *Akem iki, xotī jisən, naŋ poxləŋken, i pox tajsən, poxen pa wəlsən* (фолькл.) ‘Старик, что с тобой, твой сынок, один сын у тебя, сына и то убил’ [ЛЯ, 2009]; и животное: *Katəm amrətn pōrsa* ‘Кошку=мою собаки загрызли’ (тут глагол разрушения *pōr-* ‘кусать’ перешел в ЛСГ ДГ); функцию объекта может выполнять также и человек (обезглавить): *In šaxa sapallūw šuppi sewərlajət xōliəwa!* ‘Нас всех обезглавят (букв.: потом наши головы (букв. шеи=наши) напополам разрубят!)’, и животное (зарезать на мясо): *Jam wulet nōxija xōrsajət* ‘Хороших оленей на мясо забивают’ [ЛЯ, 2009].

Основной характеристикой рассматриваемых глаголов является то, что они относятся к глаголам направленного физического действия, которые определяются наличием одушевленного производителя действия [Скребцова, 1996: 13]. Действия, обозначенные глаголами со значением «лишить жизни», направлено на разрушение объекта, которое может быть выражено в меньшей или большей степени, то есть в процессе совершения убийства возможна разная степень воздействия на живой организм, возможно:

- полное разрушение, например: *nōx xōr-* ‘снять, содрать шкуру, бересту; забить на мясо’, *lākki sewer-* ‘разрубить’, *šupa tūwemə-* ‘рассечь пополам’: *Wūlem nōx xōrsem* ‘Олень=моего забил на мясо’; *Imi xili āltī kešel takemał, in jalañ iki kūrlat-jōšlat, oxlat-ellat lākki sewərlajət, lākki jōwallajət* ‘Ими Хилы схватил нож, ноги-руки, голов-тела Ялань ики разрубил, разбросал’; *Sapəl šupa tūweməs* ‘Шею на две части рассёк’ [DEWOS 1980: 1396];
- сохранение его внешней целостности, например: *šakən-* ‘повеситься, задохнуться, захлебнуться’ – испытывать недостаток

воздуха, *šakəptə-* ‘захлебнуться’ – прекращать существование путем заглатывания воды, лишая возможности дышать.

Таким образом, описываемые глаголы являются деструктивными, они характеризуются наличием у субъекта цели уничтожить объект.

Целью осуществления действия может быть:

- 1) преднамеренное убийство: *šix tāŋər-* ‘задушить’ – убивать с силой сжимая горло; *šix seŋk-* ‘убить’ (букв.: забить до смерти);
- 2) заготовка пищи впрок, охота на объект: *pawət-* ‘уронить, свалить (о медведе, лосе) (эвфем.); добыть, убить’; *wel-* ‘убить, добывать’, *welpeštə-* ‘добывать’, *jūwət-* ‘бросить; стрелять’ [DEWOS 1980: 356]: *Ašem kūrəŋ wōj pawtəs* ‘Отец мой добыл лося’; *Jōša pawəttī* ‘захватить добычу, добыть’; *Tālən lūw wōj weləl, lūŋən lūw lōrən, jōxanən xūl weləl* ‘Зимой он зверей добывает, летом он в сору, на реке рыбу добывает’ [ЛА, 2007]; *Pirəs imi xūl welpəstijəs, sōx jōntəs* ‘Старушка рыбу добывает, одежду шьет’; *Pirəs iki wōj welpəstiman, wulīləl šawīl* ‘Старик зверей добывает, заботиться об оленях’; *Ŋolən jūwəttī* ‘стрелять стрелой’.
- 3) самоубийство: *xōl pəla tū-* (фразеол.) ‘убить’ (букв.: куда-то унести, увести), *xōtəs wer-* ‘убить, умертвить’ (букв.: что-то сделать): *Lūwel xōl pəla tūšlī* ‘Он убил себя’ (букв.: он себя куда-то унёс); *Lūwel xōtəs wersəlī* ‘Он убил себя (букв.: что то сделал с собой)’.

Рассматривая данные глагольные единицы, необходимо отметить роль превербов в образовании некоторых глаголов лишения жизни. В хантыйском языке мы выделяем 12 превербов, но не все из них активно присоединяются к глагольной основе данных глаголов. В образовании глаголов со значением лишения жизни участвуют только преверб *šix* со значением завершенности действия. Семантика убийства возникает как результат взаимодействия преверба и основы глагола, которая изначально не имеет значение убийства: *šix reskə-* ‘убить’ (букв.: от *šix* ‘совсем, насмерть’ и *reskəttī* ‘ударить’), *šix seŋk-* ‘убить’ – за-

бить до смерти (букв.: от *śix* ‘крепко, совсем, насмерть’ и *seŋkī* ‘бить’), *śix tāŋər-* ‘задушить’ – убивать с силой, сжимая горло, *śix tal-* ‘задушить’ – затянуть веревкой насмерть: *Ma nāŋen śix reskaŋem* ‘Я тебя убью’; *Ampen śix talən muj?* ‘Что собаку=свою задушишь’.

Кроме тех глаголов, которые обозначают лишение жизни живого существа (человека, животного), в хантыйском языке имеется табуированная лексика, связанная с культом медведя, лося, например: *woxalta-* ‘добывать медведя’ (эвфем.), *pawət-* ‘добыть лося (эвфем.)’: *Aśem kūrəŋ woj pawtəs* ‘Отец мой добыл лося’.

IV. Саморазрушение субъекта

Глаголы самопроизвольного разрушения указывают на потерю структуры или функциональности, происходящую независимо или против воли человека, неизбежное разрушение, восстановить которое сложно или невозможно. На это влияет ряд факторов:

1. Влияние времени, климатических условий, погоды: *tox-* ‘рваться, порваться’, *toxnəmt-* (мгнов.) ‘порваться’, *kātna tox-* ‘порваться, взорваться’, *toxən-* ‘разорваться’, *pūtłə-* ‘продырявиться (от носки)’, *pox-* ‘потрескаться, растрескаться’, *poxənt-* ‘потрескаться’, *xārŋājət-* ‘ржаветь (об изделиях из железа)’, *kuləm-* ‘развалиться, распасться, разбиться’:

Kelem kātna toxnəməs ‘Веревка=моя разорвалась на две части’; *Jäləp xoləp lutləw, katra xolpew toxmal* ‘Купим новую сеть, старая сеть=наша порвалась’; *Hašap oŋen toxəs* ‘Угол полога порвался’; *Kūrem pa kim etmal, wajəm wūsəŋa jūwmal, pūtłəmal, śi jōntī mosəl* ‘Нога=моя высовывается, кисы продырявились, надо зашить’; *Još pātłam pelki poxsət* ‘Ладони=мои потрескались’; *Sojmət poxəntsət* ‘Ручьи разлились’; *Pašmekŋəlal pelki toxnopməl* ‘Башмаки=его/ее порвались’; *Liləl toxnəs* ‘Жизнь окончилась (букв.: дыхание порвалось)’; *Karī xārŋājətsa* ‘Коса заржавела’; *Uxəl kulməs* ‘Нарта развалилась’; *Xōšapem kuləmtəs* ‘Картонная коробка развалилась’.

В отличие от глагола *tox-* для глагола *toxnəmt-* (мгнов.) ‘порваться, взорваться’ характерна идея неожиданного разрушения. Причем твердые или круглые (натянутые) предметы

типа шара приходят в негодность, повреждаются с характерным звуком, например: *Luk pūka nāxtət eltī toxnomtəs* (фолькл.) ‘Глухариный зоб от смеха лопнул’; *Šela rata al pōnī, toxnopəl* ‘Порох в костер не клади, взорвется’.

2. Вследствие каких-либо естественных химических или жизненных процессов: *līj-* ‘гнить, протухнуть’, *nāxij-* ‘стать несвежим от долго лежания (рыба в тепле)’ – от лежания становится мягкой, утратив свою свежесть, *sor-* ‘сохнуть, вянуть’ – терять свежесть, увядать (о растениях), *xišlā-* ‘покрыться плесенью (о продуктах питания)’, *šāk-* ‘испортиться, становится плохим, портиться’.

Rūwəŋ us, xūllam lījmel ‘Жарко было, рыба протухла’; *Nānəl pa xišlām* ‘Хлеб тоже заплесневел’; *Xūtem xōlti lījəs* ‘Рыба сгнила’; *Nūlmeŋ lījəs* ‘Рана сгнила’; *Xūtem nāxijmal* ‘Рыба стала несвежей’; *Tōrən sorəs* ‘Сено высохло’; *Rūw pōrajn xūl sora nāxijəl* ‘Во время жары рыба быстро теряет свежесть (становится мягкой)’; *Waj pātem kūtlərən xōlt toxmal, lījmal, šī jōttī mosəl* ‘Подшва кисов посередине порвалась, сгнила, надо зашить’; *Xūllam šākmel* ‘Рыба=моя испортилась’; *Semčalam šāksət* ‘Зрение=мое (досл. глаза) испортилось’.

3. Влияние естественных природных процессов: *il roxañli-*, ‘обрушиться (о чем-либо громоздком, тяжелом)’, *il rij-* ‘упасть, падать сверху вниз’ (например: берег реки осыпается), *ārkəp-* ‘рухнуть’ (от старости дом, нарта).

Joxan pitər mūwəl il rījmal ‘Берег реки обвалился’; *Katra xotət arkəpsət* ‘Старые дома рухнули’;

4. Внутренние процессы, происходящие с объектом: *arkəpt-peren.* ‘свалится (умереть)’, *šūkalā-* ‘сломаться, разбиться’, *xōtəs jī-* ‘умереть (букв.: что-то случилось)’, *xāl-* ‘сдохнуть, дохнуть, погибнуть’ (прекратить существование кого-либо, чего-либо):

Ma xāləwət ārkəpləm, un iki jastəl ‘Я, может, завтра свалюсь (умру), пожилой человек говорит’; *Kešem nāləl šūkaləs, jālpa nālətsem* ‘Рукоятка ножа сломалась, сделал новую рукоятку’; *Jūwman motorew pa xōlt šūkaləs, ješa lowəlsəw* ‘Когда ехали, мо-

тор сломался, немного гребли»; *Lǔw numəslət, ma xǒtəs jisəm, pǎrsəm* 'Они думали, что со мной что то случилось, умерла'.

Семантика предиката *xəl-* зависит от типа субъекта: *As xǎltǐ pitəs* 'Обь осталась без кислорода, начался загар на Оби (букв.: стала умирать)'; *Pirəs amp ikew xǎltǐ kema jis, neməltǐ ǎnt xuləl* 'Старая наша собака совсем состарилась (букв.: пришла к состоянию умирания), ничего не слышит'; *Ampew xǎləs* 'Собака сохла'; *As xǎləs* 'Начался замор на Оби' (букв.: Обь умерла).

Глагол *šǔkalə-* в некоторых случаях может иметь значение саморазрушения вследствие внешнего воздействия со стороны одушевленного субъекта, например: *Jǒntət xolt šǔkaləs* 'Игрушка сломалась'; *Lǒpsəx anem kǎtna šǔkaləs* 'Тарелка=моя сломалась пополам'; *Anem il luttəsəm, šǔkalijəs* 'Чашку обронил, разбилась'.

Выводы

1. На основании вышесказанного можно заключить, что отличительными признаками деструкции являются членение, изменение, разрушение, нарушение структуры чего-либо на макро- или микроуровне, саморазрушение предметов под воздействием каких-либо внешних сил: температуры, стихийных сил природы и т. д.

2. Таким образом, мы понимаем «деструкцию» как концептуализированные человеком представления о любом членении, изменении структуры каких-либо объектов, чаще всего приводящее к негативным результатам.

3. Деструктивные глаголы хантыйского языка многочисленны, многозначны и в большинстве своем словообразовательно активны, благодаря превербам и суффиксам.

4. Наиболее многочисленными в кругу глаголов деструктивной семантики хантыйского языка являются глаголы со значением механической деструкции объекта. Эти глаголы называют распространенные способы механической деструкции и обладают развитой многозначностью. Кроме общей семы «разрушать», их объединяет признак «воздействовать механически». Глаголов со значением немеханической деструкции объекта в хантыйском

языке значительно меньше (сюда относятся в основном глаголы температурной и химико-биологической деструкции). Данные глаголы из-за своеобразия и, как следствие этого малой распространенности отраженных в их семантике действий (в сравнении с глаголами механической деструкции) не имеют развитой многозначности. Глаголы химико-биологической деструкции обозначают разрушительное воздействие на объект, изменяющее микроструктуру предметов. Небольшая часть деструктивных глаголов содержит в своей семантике указание на разрушительное воздействие температуры. Базовыми являются: *lōlēt-* ‘растопить, плавить, делать мягким; оттаивать (растопливать) и *pat-* ‘плавить, растопить, вытапливать, готовить жир’.

5. Кроме семантики деструктивного воздействия, анализируемые глаголы своими семантическими признаками отражают следующие его характеристики: 1) характер субъекта действия; 2) характер объекта воздействия (признаки качества и количества); 3) разные аспекты орудийности (способ действия, инструмент, средство); 4) целенаправленность действия; 5) результат действия.

6. В заключение отметим, что глаголы повреждения (грызть, мять, тесать) вместе с глаголами разрушения (рвать, рубить,) и с глаголами уничтожения (губить, сжечь, расстреливать) составляют одну семантическую область – деструктивное воздействие на предмет. В основе различий этих групп, вероятно, лежит категория меры. Если предмет можно восстановить – это повреждение. Если происходит деформация структуры объекта – это разрушение. А если объект совершенно разрушен – это уничтожение.

Различает эти группы и признак одушевленности/ неодушевленности объекта. Глаголы разрушения (разрушительного воздействия) обозначают воздействие только на неодушевленный объект (предмет), глаголы уничтожения и повреждения – на одушевленный и на неодушевленный объект.

ГЛАВА II. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

В предлагаемой главе исследуется функционирование глаголов деструкции хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) в элементарном простом предложении (ЭПП). Семантическая структура данных предложений изучается в связи с их синтаксической структурой: выявляются ЭПП, формируемые глаголами с данной семантикой, описывается их структура и семантика.

2.1. История формирования теории моделирования предложения

К вопросу о моделировании структуры простого предложения в отечественном языкознании исследователи подходили по-разному, по-разному понимая структуру самого предложения.

Первые шаги в направлении моделирования русского простого предложения в 60-е годы были сделаны Т. П. Ломтевым. Он представлял предложение как двустороннюю единицу, имеющую план выражения и план содержания. Он отмечает, что синтаксический объект простого предложения – двустороннее единство, “в котором одна сторона есть материальное воплощение явления – будем называть ее внешней, а другая – его назначение – будем называть ее внутренней”. Два предложения, извлеченные из речевой последовательности, являются одним предложением языка, если не имеют отличия ни с внешней, ни с внутренней стороны, т. е. если при наложении друг на друга совпадают [Ломтев, 1976: 140–141].

Т. П. Ломтев определяет модель предложения как «образец, по которому строится не одно данное предложение, а множество различных предложений». Модель предложений обладает отвлеченной формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов [Ломтев 1969: 68].

В конце 60-х годов Н. Ю. Шведова разработала свои "структурные схемы" русских простых предложений, в которых использовала символический способ представления выражающей стороны. Она ввела понятие минимальной схемы предложения. На этом основании в структурную схему не входят такие компоненты предложения, как все присловные распространители, реализующие синтаксические потенции слов, формы которых образуют предложение и являются компонентами схемы. В том числе не входят в схему и обязательные присловные предсказуемые распространители, без которого предложение не может быть минимальным сообщением, независимым от контекста. Таким образом, в структурную схему входит лишь предикативный минимум [ГСРЛЯ, 1970: 34].

Следующий шаг был сделан В. А. Белошапковой, которая представила расширенную схему предложения. В тюркологии в те же годы начались серьезные исследования простого предложения, основанные на понимании предложения как единицы языка, в противопоставление фактам речи.

Под моделью предложения исследователями понимается принадлежащий языковой системе "отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения" [Белошапкива, 1981: 438].

Г. А. Золотова также расширила понимание термина «структурная схема» [1978, 1979, 1981, 1983]. Автор выделяет отвлеченные образцы предложений, которые она называет «моделями» на основании того, что предложение, «осуществляя свое смысловое назначение, организуется не согласованием подлежащего и сказуемого, а сопряжением выраженных определенными синтаксическими формами слов значимых элементов, которые во многих случаях не совпадают с тем, что традиционно называют главными членами предложения» [Золотова, 1973: 192].

В 1983 г. И. Х. Ахматовым было опубликовано первое большое структурно-семантическое исследование простого предложения, выполненное на материале современного карача-

евско-балкарского языка, в основании которого лежит понимание предложения как синтаксической единицы языка, выражающая сторона которой неразрывно связана с содержательной.

М. И. Черемисина и Т. А. Колосова под моделью предложения понимают сложившиеся в сознании исследователя представления о том, как устроен изучаемый им объект – предложение. Реальные высказывания некоторого класса не только освобождаются от индивидуальной специфики, но и подвергаются упрощению, очищению от всех компонентов, которые не необходимы для того, чтобы обрисовать контур некоторой элементарной типовой ситуации [Колосова, Черемисина, 1986: 3–9].

В конце 80-х годов к исследованию простого предложения в языках Сибири, ориентированному на модельное представление, приступила новосибирская синтаксическая школа, возглавляемая М. И. Черемисиной. Был предложен принципиально новый подход к моделированию основных единиц языка в работах М. И. Черемисиной, где модель предложения понимается как двусторонняя единица языка, планом выражения которой является структурная схема, планом содержания – пропозиция [Черемисина, 1989: 3–18].

На основании этого были изучены предложения хантыйского языка [Черемисина, Соловар, 1991; Соловар, 1991], велось исследование мансийского [Скрибник, 1990; Якушко, 1997], ненецкого [Шилова, 2003], чукотско-корякских [Мальцева, 1991], уйгурского [Абдуллаев 1992], шорского [Телякова, 1996] языков.

На материале марийского языка проведены исследования сложных предложений марийского литературного языка и структурных схем предложений Л. П. Васиковой [Васикова, 1982].

Структурно-семантическое исследование мокшанского языка, проведено Ю. Юфкиным [Юфкин, 1985]. Автор изучает систему валентностей мокшанского глагола, с опорой на которую проводит детальную классификацию элементарных предложений; в его списке моделей предложений 178 единиц. Однако из данной работы трудно уяснить, какое значение имеют

субъектнообъектные отношения глагола-сказуемого для выделения моделей простого предложения.

Главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) в обско-угорских языках, а затем семантику имени существительного, семантику падежа изучала Н. А. Лыскова [1988, 1996, 2003].

Системы экспрессивных синтаксических конструкций марийского литературного языка исследованы Л. А. Абукаевой [Абукаева, 2005].

Результаты конкретных исследований моделей местонахождения, наличия/отсутствия и количества в тюркских языках Сибири обобщены в работе Н. Ч. Серээдар, Е. К. Скрибник и М. И. Черемисиной [Серээдар, Скрибник, Черемисина, 1996].

Синтаксис простого предложения южносибирских тюркских языков был рассмотрен в работе М. И. Черемисиной, А. А. Озоновой, А. Р. Тазрановой «Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири» [2008]. В работе на материале трех тюркских языков Южной Сибири представлены основные принципы организации тюркского простого предложения. Основное внимание в данных языках уделено анализу общих и специфических явлений и закономерностей.

В одном из последних исследований по синтаксису хантыйского языка, в монографии В. Н. Соловар, рассматриваются элементарные простые предложения хантыйского языка в аспекте их парадигматики. Это первое системное описание ЭПП хантыйского языка и их моделей. Исследованы валентностные свойства хантыйского глагола, выявлены модели предложений, произведен анализ системных отношений между выявленными моделями ЭПП хантыйского языка, показана специфика хантыйского языка в выражении тех или иных отношений, ситуаций действительности [2009].

В наши задачи не входит обзор и оценка понятия парадигмы и парадигматических отношений, но тем не менее определим для себя некоторые основные позиции.

Понятие парадигмы предложения разработано в конце 60-х годов. При его обсуждении выявились два толкования парадигмы предложения. Первое ориентировано на расширительное понимание парадигмы как любого ассоциативного ряда, используемое в современной лингвистике применительно к фонетике, словообразованию и лексике, а второе – на более узкое понимание, непосредственно связанное с морфологией, где понятие парадигмы определено более строго; в этом, узком толковании *парадигма предложения* – это система его форм, подобная системе форм слова. Парадигма предложения в широком понимании включает в себя весьма большой круг явлений, объем и группировка которых устанавливаются учеными по-разному.

В русистике за последние тридцать лет было выделено около десятка концепций парадигм предложения: *формоизменятельная* [Шведова, 1969], *деривационная* [Белашапкина, Шмелева, 1981], *коммуникативная* [Золотова и др., 1998], *трансформационная (интерпретационная), синтаксическая, актуализационная* [Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова, 2000], *аспектуальная* [Белашапкина, 2001, 2007], *комбинаторная* [Гришина, 2001]; *перформативная* [Формановская, 2002] и др. И. П. Распопов предлагал различать *парадигму конструктивного синтаксиса* и *парадигму коммуникативного синтаксиса* [Распопов, 1969].

О. С. Ахманова определяет парадигматику следующим образом: «Парадигматика – это рассмотрение единиц языка как элементов его системы, как совокупность структурных единиц, объединяемых в памяти и связанных отношением противопоставления» [Ахманова, 1969: 310].

Лингвистический энциклопедический словарь толкует это понятие следующим образом: «Парадигма – любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1980: 110].

ми...Понятие лексической парадигмы трактуется как объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность» [ЛЭС, 1990: 336].

Термин *парадигма* наряду с терминами *категория*, *склонение*, *спряжение* восходит к античной грамматической традиции и обозначает одно из центральных понятий морфологии. В общем смысле *парадигма* – «любой класс языковых единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака, <...> совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями» [Кубрякова, 2000: 366].

В рамках теории синтаксического моделирования парадигма ЭПП – это совокупность его видоизменений, обусловленных возможностями варьирования по грамматическим категориям при сохранении тождества самому себе, т. е. при сохранении структуры пропозиции, инвариантности отношений между компонентами и способа их грамматического выражения [Черемисина, 2003: 3–29].

Н. Б. Кошкарева отмечает, что парадигма предложения в русском языке как минимум формируется следующими категориями:

- 1) утвердительность / отрицательность;
- 2) темпоральность;
- 3) персональность (определенное / неопределенное / обобщенное)
- 4) лицо;
- 5) модальность;
- 6) фазисность;
- 7) вопросительность;
- 8) коммуникативная парадигма и т. д. [Кошкарева, 2007: 81].

Вслед за В. Н. Соловар, под термином «парадигма модели предложения» мы будем понимать систему вариантов одной модели в различных речевых ситуациях. Грамматические категории хантыйского глагола определяют его парадигму, поэтому при описании ЭПП, формируемого глаголом, в парадигму предложения мы включаем следующие формы:

- 1) лицо/число;
- 2) наклонение/время;

- 3) тип спряжения (субъектное/объектное);
- 4) залоговые трансформации (актив/пассив);
- 5) утвердительность/отрицательность;
- 6) модальность;
- 7) фазисные и аспектуальные варианты;
- 8) определенность/неопределенность;
- 9) одушевленность/неодушевленность [Соловар, 2009: 29].

Чтобы конкретизировать представление о составляющих парадигмы предложения в широком ее понимании, покажем парадигматическое варьирование на примере конкретного предложения:

Asem lupəl šūkatəl;
Asem lupəl šūkatəs;
Asem lupəl šūkatmal;
Asem lupəl änt šūkatəl;
Asem lupəl šūkatləli;
Tām lup ašemən šūkatsa;
Lup ašemən šūkatsa?
Asem lupəl at šūkatəl;
Asem lupəl šūkatti at werətəl;
Asem lupəl šūkatti at werətəl;
Asem lupəl šūkatti širəl/kašəl äntom.

Объем парадигмы для разных моделей ЭПП является различным. Приведем еще пример.

Larašel šūkaləs.
Larašel at šūkaləs.
Larašel šūkaləs?
Larašel šūkatti pitəs.

Таким образом, под парадигмой модели предложения мы имеем в виду все допустимые грамматические и семантические изменения в хантыйском языке.

2.2. Семантические компоненты глаголов деструкции

В данном параграфе остановимся на основных понятиях, используемых в данной части работы, т. е. представим компоненты деструктивного значения:

- 1) деструктивное воздействие;
- 2) субъект воздействия;
- 3) объект воздействия;
- 4) инструмент;
- 5) средство;
- 6) способ;
- 7) результат.

Структура пропозиции определяется обязательными участниками ситуации, они определяются в лингвистике терминами – «актант» и «предикат».

Впервые термин «актант» применил в своей теории Л. Теньер. Под этим термином лингвист понимал «живые существа или предметы, которые участвуют в процессе». «Актанты – это всегда существительные или их эквиваленты» [Теньер, 1988: 117].

Актант – это участник ситуации, обязательный компонент пропозиции.

Л. Теньер понимал под этим термином «живые существа или предметы, которые участвуют в процессе» [Теньер, 1988: 117].

Т. В. Шмелева выделяет следующие актантные роли:

1. Субъект – тип актанта, активный участник ситуации:

- а) агенс;
- б) коагенс;
- в) контрагенс;
- г) сила;
- д) функтив.

2. Объект – тип актанта, характеризующийся неединственностью в ситуации и зависимостью от первого:

- а) объектив;
- б) пациенс;

в) результатив.

3. Адресат – тип актанта, лицо, третье после субъекта и объекта:

а) бенефициенс.

4. Инструмент – тип актанта, предмет, использование которого способствует осуществлению ситуации:

а) орудие;

б) средство [Шмелева, 1988: 43–48].

М. В. Всеволодова выделяет следующие типы актантов: субъектные актанты, объектные актанты, адресат, инструмент, средство. Класс субъектных актантов представлен следующими ролями:

1. Протогонист – единственный участник ситуации, организующий ее: эксизиенс, агенс, донатор, адресат, каузатор.

2. Функцив – неодушевленный субъект.

3. Сила – стихия или предмет, осуществляющие ситуацию перемещения, разрушения и т. п.

4. Экспериенцер – субъект состояния.

5. Релянт и компорант – субъект отношения

6. Посессор – субъект обладания.

7. Дескриптив – субъект характеристики [Всеволодова, 1995: 28–29].

При классификации ЭПП хантыйского языка В. Н. Соловар включает в модели с глаголами обязательные актанты: субъект, объект, инструмент; и актанты-локализаторы: латив, аблатив, локатив [Соловар, 2009: 12].

Как отмечает В. Н. Соловар, субъект всегда является иерархически первым участником ситуации. Субъектный актант может быть активным или неактивным: при глаголах действия он активен, при глаголах состояния-неактивен.

Субъектные роли: 1) *партитив* – часть субъектного актанта: *Kür luɣlaɫ šariɫət* ‘Пальцы ноги (букв.: нога пальцы=его) ноют’; *агенс* – лицо, активно осуществляющее действие (*Nawrem jöntəl* ‘Ребенок играет’); 2) *коагенс*-не единственный, а входя-

щий в состав с другим участник ситуации (*Ma õret pila*); 3) *каузатор*-лицо, которое является причиной перемещения объекта (*Jajən xcrəl tal* ‘Брат=лодку тянет’); 4) *экспериментер* (субъект состояния) – актант субъектного типа, лицо – носитель состояния (*Ampəl noxəl* ‘Собака хромает’); 5) *сила* – стихия или предмет, осуществляющие разрушение или изменяющие состояние окружающей среды (*Liww iškijən pctsa* ‘Он холодом замёрзнут; *Wct pöl* ‘Ветер дует’); 6) *объектив* – актант субъектного типа, предмет, который появился в результате осуществления ситуации (*Xctəl jetšəs* ‘Дом готов’); 7) *Функтив* – неодушевленный субъект (*Nuki xct lcl* ‘Чум стоит’; *Tüt lel* ‘Огонь горит’).

Для классов предикатов отношения – *релянты* (*Si eweɟəlap – õreɟəp* ‘Эти девочки – сестры’), *компараты* (*Ewep ta kiňsata kārś* ‘Дочь=твоя по сравнению со мной высокая’);

Объектные роли: пациент – второй участник ситуации, на который воздействует протагонист;

Объект – торой участник ситуации, на который направлено действие субъекта (*Ma jernas jcntləm* ‘Я платье шью’);

Адресатные роли: адресат – тип актанта, лицо;

Инструментальные роли: инструмент – предмет, использование которого способствует осуществлению ситуации (*Lin jijk semən tüt rāňkəmsələn* ‘Они огонь водой сбрызнули’) [Соловар, 2009: 12].

Таким, образом, *субъект* – это деятель, «лицо, активно осуществляющее ситуацию» [Шмелева, 1987], «тот, кто действовал» [Падучева, 1997], «активная сила, чья энергия затрачивается на осуществление ситуации» [Лебедева, 1999], «агентив, который самостоятельно и непосредственно производит действие» [Кузьмина, 2006: 122], «каузатор, тот, кто создает деструктивную ситуацию» [Фаткуллина, 2002: 81]. В роли субъекта действия выступают живые существа (человек, животные), силы природы (ветер, буря и т. д.).

Объект – это актант, существующий до наступления деструктивной ситуации и подвергающийся изменению.

С. Е. Кузьмина определяет объект, как пациентив и понимает под ним аргумент, отображающий предмет, подвергающийся воздействию и претерпевающий качественное изменение в результате этого воздействия [Кузьмина, 2006: 128].

В функции объекта могут выступать предметы – натурфакты, артефакты, абстрактные имена, живые существа и части их организма. В связи с этим, объект понятийной ситуации, связанной с осуществлением конкретного физического воздействия, может быть определен как пассивная субстанция, на которую направлено воздействие и которая в результате него претерпевает определенные качественные изменения, например:

- резать пищевые продукты (хлеб, мясо, рыбу и т. д.), пилить дерево, металл: *ewət-* ‘резать, пилить’, *wanś-* ‘разрезать, рассечь’: *Āŋkem nān kešijən ewatlələ* ‘Мама моя хлеб ножом режет’; *Xūlem wanśsam* ‘Я рыбу разрежала’; *Panne xūl aja ewatlələ* ‘Налима разрезают на куски’; *Tūt jūx ewtəl* ‘Пилит дрова’;
- кромсать ткань, хлеб, бумагу: *āŋlī-* ‘резать неровно, обкорнать, искромсать’: *Śaśkan atməs āŋliməl* ‘Ткань плохо обрезаала’; *Nānl āŋliməl* ‘Хлеб искромсала’;
- рубить дерево, ветки: *welək-* ‘обрубать ветки’, *sewər-* ‘рубить, косить’: *Lepəs weləkl* ‘Он обрубаает ветки’; *Tūt jūx kātna sewərti most* ‘Дрова надо разрубить’; *Pōxem tōrn sewəwəl* ‘Мальчик косит сено’; *Ma sorəm jūx sewəwələm* ‘Я сухие дрова нарубил’; *Tūt jūx aja sewərsəli, jōxi jūwətsəli* ‘Дрова мелко нарубил, домой закинул’; *Ləpət ōxpi mek iki ōxlal atełt sewərsajət* (фольк.) ‘Семиголового Менка головы отдельно отрубили’;
- рвать ткань, бумагу, верёвку, шкуру животного: *mānš-* ‘рвать, разорвать’: *Pesli (wanši) mānšūl* ‘Осоку (траву) рвёт’; *Kimət kartī sesin makla woj sōx mānšəs* ‘Во втором капкане сова шкуру зверя разорвала’; *Āŋkem śaśkan kātna mānšūis* ‘Мама=моя материал разорвала на две части’; *Nepekəl mānšəməsli, jira wūškəsli* ‘Бумагу порвала, выбросила’.
- колоть дрова: *xālił-* ‘колоть, раскалывать’ – делить (разделить) что-либо твердое на куски, обычно ударяя чем-либо

острым или тяжёлым: *Jǫx xǎlitǎl* ‘Он дрова рубит’; *Jǫx šur lakki xǎlitǎ!* ‘Расколи полено!

Инструмент или средство – это тип актанта, предмет, использование которого способствует осуществлению деструктивной ситуации [Фаткуллина, 2002: 81].

Некоторые авторы разграничивают несколько разновидностей инструментов. Д. Нильсен разграничивает первичные инструменты, или части тела, вторичные инструменты – контролируемые частями тела инструменты – орудия и третичные инструменты, или материалы [Nilsen, 1973: 96–97].

О возможности расщепления общего значения инструмента говорит В. В. Богданов, приводя встречающиеся в литературе частные значения, такие как «неотчуждаемый инструмент» (ударить рукой), «отчуждаемый инструмент» (ударить ножом) и «окказиональный инструмент» (ударить табуреткой) [Богданов, 1977: 67].

Понятия «инструмент, средство, способ», по мнению Е. П. Долгополовой, могут рассматриваться как различные аспекты орудийности, обобщающей «посредничество предметов в целенаправленности деятельности субъекта» [Долгополова, 1988].

С. Е. Кузьмина под инструментивом понимает аргумент, отображающий предмет, с помощью которого производится действие. Инструмент находится в непосредственном контакте с уничтожаемым предметом, но не является самостоятельным исполнителем действия, поскольку служит предметом манипуляции со стороны партиципанта, отображенного аргументом в функции агента [Кузьмина, 2006: 129].

Под инструментом в настоящем исследовании понимается как специально созданные человеком орудия труда, с помощью которых он совершает непосредственное воздействие на объект:

- резать ножом: *ŃaŃ kešijǎn ewǎtlǎlǎ* ‘Хлеб ножом режет’;
- пилить пилой: *Pawǎrt kartijǎn kǎtna ewǎtlǎl* ‘Бревно пилой пилят’;
- рубить топором: *Lǎjǎmǎn sewǎrǎl* ‘Топором он рубит’;

- кромсать, обрезать ножом, ножницами: *Šaškanəl kätjätləp kešijən atməs ānlīmal* ‘Ткань ножницами плохо обрезала’.

По своей онтологической сущности органы живых существ являются не орудиями, а псевдоорудиями, подлинными орудиями могут быть только орудия внешние [Котарбинский, 1975: 59]. Поэтому в ряде работ, наряду с инструментивом, выделяется такой тип актанта, как псевдоинструментив, отображающий часть тела человека [Жолобов, 1984: 33]. С другой стороны, поскольку орган является связанной частью субъекта действия, по мнению Ю. Д. Апресяна, формы, обозначающие рабочую часть субъекта, следует считать реализующими субъектную, а не инструментальную валентность предиката [Апресян, 1973: 289].

В нашем исследовании мы относим части тела человека и животного к квазиинструментам, квазиинструментальное воздействие (т. е. воздействие не с помощью орудий человеческого труда, а мнимых инструментов):

- разорвать руками: *Lūw šaškan kätna mǎnšijəs* ‘Она материал разорвала на две части’;
- разорвать когтями, клювом: *Хoptan litowəl ampən mǎnšəm* ‘Рукав куртки собака разорвала’.

Если действие осуществляет без применения специальных инструментов, частями тела субъекта, в этом случае подлежащее может также выражать инструментальное значение.

Позиция орудийного дополнения обычно остается незамеченной, реализуется лишь тогда, когда на него надо обратить внимание. В позиции инструмента, квазиинструмента употребляются имена в местно-творительном падеже, которые дополняют семантику предиката, они обозначают: орудие, предмет, материал, часть тела человека, вещество.

Способ – компонент, указывающий, каким образом происходит деструктивное воздействие:

- ударяя: *sewər-* ‘рубить’, *sewərmə-* (мгнов.) ‘разрубить’, *aja sewər-* ‘мелко разрубить’, *aja sewərmə-* (мгнов.) ‘разрубить’,

- welək-* ‘обрубать (ветки)’, *kātna sewər-* ‘разрубить пополам, *kātna sewərmə-* (мгнов.) ‘разрубить’, *xopət-* ‘отколотить’ – отделять (отделить) часть от чего-либо целого, ударяя обо что-либо или отсекая с помощью острых колющих предметов (лом, топор, специальные инструменты);
- разрезая: *ewət-* ‘резать, пилить’, *aja ewət-* ‘мелко разрезать, распилить’, *ara ewət-* ‘разрезать на мелкие кусочки’, *kātna ewət-* ‘распилить, разрезать’, *wańś-* ‘разрезать, рассечь, стричь, кроить’, *kātna wańśmə-* ‘распластать на две части, раскроить (разрезать ткань, мех, кожу) на две части’, *šuməl-* ‘делать поперечные надрезы на рыбе (при приготовлении шомəх – копченой рыбы): *Xūten wańśi, solijə* ‘Рыбу распластай, посоли’; *Aŋkel səx nopələw kātna wańśməšlī* ‘Мамину шкуру для шубы разрезала на две половинки’; *Xūt šuməltī* ‘Приготовить рыбу для шомəх’;
  - разрезая грубо, неаккуратно: *āŋli-* ‘резать неровно (обкорнать), кромсать’: *Šaškan atməs āŋliməl* ‘Ткань плохо обреза-ла’; *Nānt āŋliməl* ‘Хлеб искромсала’;
  - раскалывая: *xāləmə-* ‘расколется’, *xələt-* ‘колоть, раскалывать’ – делить (разделить) что-либо твердое на куски, обычно чем-либо острым или тяжёлым. – *Tūt jūx xələttī mǎnəs* ‘Пошел колоть дрова’;
  - ломая, разрезая /поранить/: *morət-* ‘ломать’, *aja morət-* ‘ломать’, *wańś-* ‘порезаться (случайно)’, *losət-* ‘разбирать, разрушить’, *lakki losət-* ‘разобрать, разорить, развалить’, *nəx losət-* ‘разбирать’: *Nānəl ara morətsəli* ‘Хлеб разломил’; *Ma nāŋ xəšajəna ānt mǎnləm, kūŋəlam morətləm* ‘Я к тебе не пойду, тут ногу сломаешь!’; *Lūw jošəl ewtəs* ‘Он руку=свою порезал’; *Lūjem kešijən wańśsəm* ‘Палец ножом порезала’; *El xotew nəx losəttī pitsew* ‘Дальний дом стали разбирать’; *Katra lopašəl tūw losətsallī* ‘Разобрал он свой старый лабаз’; *Xot nəx losəttī tumpijn, neməlt ānt xəšəs* ‘Ничего не оставалось делать, кроме как разобрать чум’;

- разбивая /колотить/: *seŋk-* ‘бить’, *napra seŋk-* ‘разбивать’ (от *nampər* ‘мусор, пыль’): *Kükkük imi tixlət eltİ poşxət napra seŋksəli* (фольк.) ‘Кукушка из гнезда яйца разбивала’;
- разрубая /рубить/: *napra sewər-* ‘разрубить на мелкие кусочки’: *In İw anjəl napra sewərlət* ‘Сейчас он пень разрубил на мелкие кусочки’;
- кусая /изъедать, грызть/: *xöl lör-* ‘изъесть’ – нарушать целостность чего-либо, повреждать что-либо, грызя, кусая или подтачивая в разных местах (о насекомых-вредителях, грызунах, о собаке), *pör-* ‘кусать, грызть’, *pelki pör-* ‘прогрызть’ – портить что-либо, сделав зубами дыру, отверстие: *Täxtət xomləxləln xöl lörsajət* ‘Шкуры съедены (букв.: обстрижены) жуками’; *Owem leŋkərn pelki pörsa* ‘Дверь=мою мыши прогрызли’; *Amp löw pörəl* ‘Собака кость грызет’;
- копая, роя /копать, рыть/: *xir-* ‘копать, рыть’, *karalə-* ‘ковырять, раскапывать’: *Müw wüs pāti xirəm* ‘Яма вырыта’; *Müw wüs xirəl* ‘Копает яму’;
- ударяя /долбить/: *puxəl-* ‘колоть, долбить’ – ударять кого-либо, что-либо по чему-либо или во что-либо длительно, однообразно, упорно; *puxəlmə-* ‘ткнуть, наколоть’: *Jeŋk puxəllət* ‘Лёд долбят’; *Potəm wöj keşijən puxəlla* ‘Застывший жир ножом откалывают’; *Panne juşən puxəlməsli, хора wöşkəsli* ‘Налима на гарпун наколол, в лодку бросил’;
- вращая: *porət-* ‘сверлить’ – делать в чем-либо углубления, дырки, используя для этого специальный инструмент, вращением которого получают отверстие в чем-либо: *Uxəl pāti porən porətli pitəs* ‘Полоз нарты стал сверлить сверлом’.

Результат – общими для семантики указанных глаголов являются предполагаемые результаты дефектности объекта или его уничтожение.

В семантической структуре изучаемых глаголов важное место занимают признаки целенаправленности и результата воздействия, тесно связанные друг с другом. Цель является непосредственным результатом, на достижение которого направлено

обозначаемое глаголом действие. Это может быть разделение предмета, изменение формы, температуры, агрегатного состояния предмета и т. д. [Падучева, 1992].

В нашей работе при выделении моделей и ЛСВ моделей мы предпочитаем пользоваться терминами «агенс», «объект», «субъект», «инструмент», «предикат», на наш взгляд они более конкретны и позволяют наиболее точно указывать тип актанта.

Предикат, как отмечает М. И. Черемисина, – главный, определяющий компонент структурно-семантической модели элементарного простого предложения, соотносимый с ситуацией. В семантике предиката заложена информация об участниках ситуации: их количестве и их свойствах [Черемисина, 1995: 63]. В позиции предиката могут быть глаголы разных ЛСГ.

В составе предиката мы также выделяем морфологические средства – превербы, которые присоединяясь к глаголу, модифицируют семантику глагола и позволяют изменять число глагольных валентностей.

2.3. Роль превербов в формировании семантики деструктивных глаголов

В синтаксисе глагол представляет собой семантический и структурный центр предложения, выражает предикативные категории и определяет семантику связанных с ним компонентов. М. И. Черемисина отмечает, что семантика глагола напрямую связана с системой его валентностей, т. е. с определением количества обязательных актантов и необходимых компонентов, входящих в модель предложения, тип модели элементарного простого предложения непосредственно определяется системой глагольных валентностей [Черемисина, 1995: 63]. В. Н. Соловар уточняет для хантыйского языка, что валентность, в свою очередь зависит от характера глагольной основы, в частности от наличия/отсутствия превербов [Соловар, 2011: 52].

В. Н. Соловар отмечает, что одной из особенностей хантыйского языка, как языка с правосторонней агглютинацией, является наличие особого класса слов – превербов или приста-

вок – словообразовательных элементов наречного происхождения, которые располагаются непосредственно перед глаголом (меняют структуру глагола) и могут изменять его значение. Сочетаясь с одним и тем же глаголом, разные превербы формируют разные системы валентностей [Соловар, 2009: 14].

Данный лингвистический термин исследователями хантыйского языка трактуется по-разному, так В. Штейниц [Штейниц, 1966–1991], С. В. Онина называют их «глагольными приставками» [Онина, 2003: 221], В. Д. Толмачёва, С. П. Молданова, В. Н. Ремезанова, Е. А. Немысова, Н. А. Лыскова – «глагольными частицами» [Толмачева, 1951: 221], [Молданова и др., 1988: 14], [Лыскова, 2003: 65], Ю. Н. Русская – «частицами наречного происхождения» [Русская, 1961: 96], В. Н. Соловар «глагольными превербами» [Соловар, 2009: 13].

Префикс (от лат. *praefixus* – прикрепленный впереди) или приставка – часть слова, стоящая перед корнем и изменяющая его лексическое или грамматическое значение [Ожегов, 1984: 797]. По сути, данные частицы выполняют функцию глагольных приставок и придают глаголу дополнительное значение. Говоря о так называемых частицах наречного происхождения или приставках, в начале нашей работы нами был применён термин «префиксоид».

Префиксоид (от лат. *praefixus* – прикрепленный впереди и от греч. *oid*-подобный) – подобный префиксам [Ожегов, 1984: 797].

В дальнейшем нашем исследовании мы будем использовать термин «преверб», так как он более точно отражает строение хантыйского глагола, присоединяется только к глаголам, а не к именам существительным и прилагательным, как в русском и индоевропейских языках.

Превербами мы называем словообразовательный элемент наречного происхождения, предшествующий глаголу, способный изменить или уточнить значение исходного глагола.

Превербы в хантыйском языке служат средством выражения лексических значений.

Главная их функция – образование новых глагольных основ, т. е. они являются, по сути, словообразовательными морфемами.

По мнению В. Н. Соловар, глагольный преверб – это словообразовательный элемент наречного происхождения, который модифицирует или изменяет значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости [Соловар, 2009: 14].

Превербы в финно-угорских языках получили освещение в той или иной степени почти во всех работах, связанных с изучением глаголов финно-угорских языков.

К. Е. Майтинская отмечает приставочные сложные глаголы и считает, что приставки могут вносить изменения в лексическое значение глагола, могут изменить видовую направленность глагола [Майтинская, 1955: 176–178].

Префиксы для коми языка нехарактерны. К ним можно отнести лишь не – (русское заимствование) и частицу мед– ‘самый’, которые употребляются в сфере прилагательных, местоимений и наречий, например: коми. некод ‘никто’ (код ‘кто’); неыджыд ‘небольшой’ (ыджыд ‘большой’); медбур ‘самый лучший’ (бур ‘хороший’) [Лыткин, 1961: 837–923].

«Префиксов в удмуртском языке немного, некоторые из них находятся в процессе становления (префиксоиды). К префиксам относятся: но-, коть-, ог-, оло- и другие, например: удм. нокин ‘никто’ – кин ‘кто’; котьку ‘всегда’ – ку ‘когда’, котькытын ‘всюду, везде, где угодно’ – кытын ‘где’; огазын ‘вместе, сообща’ – азын ‘впереди’» – В. И. Алатырёв [Алатырёв, 1983: 566].

Рассматривая превербы при глагольной системе финно-угорских языков П. Хайду писал, что глагольные приставки или как их называл автор, «превербы» – имеются только в венгерском, обско-угорских и ливском языках (в последнем они заимствованы из латышского) [Хайду, 1993: 17].

В угорских языках превербы представляют такую своеобразную подгруппу наречий, которая уже не может считаться наречной. Приставки не функционируют самостоятельно, а только в роли первых компонентов сложных глаголов, хотя они

все же могут отделяться от главного (глагольного) компонента. Превербы используются для выражения аспекта или способа действия, а также оттенков лексического значения. Все это весьма напоминает использование глагольных приставок в немецком и славянских языках. Ограниченно превербы употребляются и в селькупском языке [Хайду, 1993: 17].

Т. Иштван в статье «В мире глагольных приставок» дал определение глагольной приставки в венгерском языке, описал глагольную приставку в истории венгерского языка, место глагольных приставок в системе современного венгерского языка, роль глагольных приставок в венгерском языке и правописание глагольных приставок в венгерском языке [Иштван, 2005: 117–184].

Глагольная приставка – это родственное наречиям служебное слово, которое обычно присоединяется к глаголу (или другим образованиям глагольного характера, глагольным формам, отглагольным существительным), является лексико-семантическим языковым элементом и служит для модификации и изменения значения глагола [Иштван, 2005: 178].

По определению Т. Иштвана, глагольную приставку обычно связывают с глаголом (с инфинитивом), и прежде всего потому, что слова, традиционно относящиеся к классу глагольных префиксов, как правило, образованы от наречий, являющихся второстепенными членами предложения – обстоятельствами при глаголе [Иштван, 2005: 179].

Принимая во внимание разнообразие системы глагольных приставок в обско-угорских языках, можно заключить, что уже в древнеугорском языке существовали подобные образования, на основе которых впоследствии могли сформироваться глагольные приставки в угорских языках, в том числе и венгерском. На основании этого можно было бы сделать вывод о том, что становление категории глагольной приставки происходило в период, когда венгерский язык развивался самостоятельно [Иштван, 2005: 178].

Как отмечает Д. В. Цыганкин, в мордовских языках нет префиксов, но отдельные префиксальные образования имеются.

Например, мокш. *афсатыкс*, эрз. *асатыкс* «недостаток» мы имеем дело с суффиксально-префиксальным образованием, т. к. слова *сатыкс* в мордовских языках нет; ср. *саты* «достаточно», *сатомс* «достать». Или ещё: эрз. *аздыця* «незнайка, не знающий» (в противоположность содыця «знающий»), мокш. *афётка* «недосуг» (в противоположность ётка «досуг»).

В роли префиксов выступают частицы мокш. *аф-*, эрз. *а-*, мокш. эрз. *кой-*, эрз. *та-*, эрз. *таго-*. Например: мокш., эрз. *кой-мезе* «кое-что», *кой-кие* «кое-кто», эрз. *та-кие* «кто-то», эрз. *таго-мезе* «что-то», мокш. *афпаркс* «тяжелая болезнь» ← *аф* + *пара* «добро» + *-кс*, эрз. *аламне* «немножко» ← *а* + *ламо* «много» + *-не* [Цыганкин, 2006: 11].

Марийский язык, как и другие финно-угорские языки, по своей морфологической структуре относится к языкам агглютинативным. Словообразование в нем происходит путем простого присоединения к корню или основе слова аффиксов с правой стороны, т. е. суффиксов. Как известно, в морфологическом способе выделяются такие виды, как префиксация, суффиксация и постфиксация. В современном марийском языке для образования новых слов используется только один из них – суффиксация. В марийском языке нет префиксального, суффиксально-префиксального, постфиксального способов образования слов [Орзаева, 2007: 16].

К. А. Суббота рассматривала глагольные приставки в статье «Словообразование глаголов в казымском говоре ижемского диалекта коми языка», и выявила, что в коми языке число приставок ограничено, их всего три. Хотя префиксация не характерна для коми языка, в некоторых случаях наречия места выступают в роли префикса [Суббота, 2009: 341].

Обско-угорские глагольные приставки впервые рассматривал М. Жираи [Жираи, 1933].

В отличие от большинства финно-угорских языков в мансийском языке широко распространено словообразование глаголов посредством префиксов. Префиксов насчитывается более трёх десятков. Одни из них легко возводимы к знаменательным

словам, другие же с ними утратили связь. Некоторые из словообразовательных префиксов односложны и непроеизводны, другие же являются производными, образованными посредством застывших или продуктивных наречных суффиксов и падежных формантов. Некоторые из префиксов употребляются часто, другие редко. Приставки, как правило, присоединяются к определенной семантической группе глаголов.

А. Н. Баландин рассматривал в мансийском языке особого рода частицы или приставки, которые придают глаголам различные смысловые оттенки, он выделил 10 глагольных приставок [Баландин, 1960: 72].

Префиксальное словообразование в мансийском языке появилось сравнительно поздно, поэтому некоторые приставки с одними глаголами ведут себя как вполне обобщенные словообразовательные форманты, с другими же они выступают еще в промежуточной функции между словообразовательным формантом и компонентом сложного слова [Ромбандеева, 1973: 180].

В учебнике «Мансийский язык для педагогических училищ» описывается префиксальное словообразование глаголов мансийского языка [Ромбандеева, 1989].

Д. В. Герасимова отмечала, что многие из глагольных приставок по семантическому признаку восходят к наречиям [Герасимова, 1999: 56–63].

М. К. Сайнахова рассматривала пространственные приставки в мансийском языке и выявила, что семантическая роль приставок с пространственным значением заключается в том, что они являются ориентиром и показывают не только исходный и конечный пункт перемещения, но и характер действия, признак завершенности действия, появление одного предмета из другого, движение изнутри наружу, положение в пространстве, транзитивность. Автор подчеркивает, что в русском и мансийском языках имеются приставки, которые присоединяются к глаголам, конкретизируют их семантику. Приставки сообщают мансийским глаголам пространственные и количественные значения. Она

пришла к выводу, что в мансийском языке приставки до сих пор сохраняют в основной массе связь с наречиями. Многие мансийские приставки имеют соответствия в других финно-угорских языках, связанных с развитием префиксов [Сайнахова, 2009: 29].

На материале хантыйского языка эта область исследования представлена следующими работами:

В. Штейниц считает, что «глагольные приставки пока писали отдельно от глагола, что, однако не исключает возможности совместного их написания [Штейниц, 1937].

В. Д. Толмачева дает параллельный анализ хантыйских и русских префиксальных глаголов движения. Они выражают направленность действия в пространстве в русском языке и то же значение отмечено в хантыйском языке, и на основании этого анализа автор указала ряд методических приемов, способствующих пониманию учащимися-ханты русских префиксально-осложненных глаголов, обозначающих движение в пространстве [Толмачева, 1951: 4].

В. Д. Толмачева называет рассматриваемые нами глагольные превербы частицами и отмечает, что некоторые глагольные частицы сливаются с определенным глаголом настолько тесно, что без частицы такой глагол уже не употребляется [Толмачева, 1951: 15].

Ю. Н. Русская отмечала, что, как бы эти префиксы не называли в терминологическом плане, они, сочетаясь с глаголами, выполняют функцию глагольных приставок и придают глаголу новое значение [Русская, 1961: 96–97].

В учебнике «Хантыйский язык для педагогических училищ» о глагольных приставках говорится, что в хантыйском языке имеются своеобразные частицы наречного происхождения, которые, сочетаясь с глаголами, выполняют роль глагольных приставок и придают глаголу новое значение [ХЯ, 1988: 119].

В учебнике выделено девять приставок:

- *il* указывает на действие, направленное сверху вниз, из вертикального положения в горизонтальное;

- *nõx* указывает на действие, направленное снизу-вверх, из горизонтального положения в вертикальное, а также на прекращение действия;
- *kit* указывает на действие, направленное наружу, вне чего-либо;
- *juxi, juxli* указывают на действие, направленное внутрь предмета или назад;
- *nik* указывает на действие, направленное с суши в воду, на открытое место (поле);
- *wuti* указывает на действие, направленное из воды на сушу, подальше от огня, с открытого места в лес;
- *lap* указывает на замкнутость действия;
- *rawa* характеризует действие, в результате которого предмет дробится на части;
- *jira* характеризует действие, направленное на отделение, обособление одного предмета от другого предмета [ХЯ, 1988: 119–120].

В хантыйско-русском и русско-хантыйском словаре (шурьшкарский диалект) [1992] слова такого типа называют глагольными частицами. Они выделили 12 глагольных частиц:

- *ara*, обозначающая рассредоточенное действие, направленное в разные стороны, или распределение по частям и местам;
- *wuti*, обозначающая направление действия от водоема к берегу, в глубь суши;
- *eł*, обозначающая движение от чего-либо;
- *jõxi*, передает направленность действия внутрь чего-либо;
- *ił*, передает значение направленности действия сверху вниз или законченности действия;
- *kim*, обозначающая движение наружу;
- *lakki*, указывающая на рассредоточенность действия;
- *lap*, со значением замкнутости действия;
- *nõx*, обозначающая направленность действия снизу-вверх или завершенность действия;

- *nik*, обозначающая движение вниз к берегу (от суши к воде);
- *rǎwi*, указывающая на действие, в результате которого предмет распадается на мелкие части;
- *xǒl*, обозначающая движение от предмета или завершенность действия.

В хантыйско-русском словаре В. Н. Соловар собраны и уточнены 10 глагольных превербов (*wüt̄i, il, jǒxi, kim, lǎp, nĭk, nǒx, rawa, xǒlt, śix*) [Соловар 2006].

И. А. Молданова в статье «Семантика глаголов с префиксом лǎп» выделила 5 лексико-семантических групп с префиксом лǎп и определила, что глаголы с данным префиксом формируют различные по семантике модели элементарных простых предложений [Молданова, 2008: 71].

И. А. Молданова рассматривала в хантыйском языке семантику глаголов с префиксом *ara*, а также формируемые данными глаголами модели и выявила, что, принимая преверб, глагол меняет свое лексическое значение [Молданова, 2009: 32].

В монографии, посвященной описанию семантико-синтаксического строя простого предложения в хантыйском языке, В. Н. Соловар на материале казымского диалекта представляет 11 превербов (*ara, jǒxi, jira, kim, nǒx, kǎtna, pelka, il, xǒlt, woĭśa, jǎxa, lǎp*) [Соловар, 2009: 13–25]. Автор пришел к выводу, что превербы *lǎp, nǒx, il, jǒxi, kǎtna, pelka, jǎxa* уменьшают валентность глаголов, что влияет на семантику и структуру хантыйского предложения. Превербы *kǎtna, pelki*, присоединяясь к глаголам разрушения, типа: *pittĭ, lcnxĭtĭ, tǒxtĭ*, не меняют количество валентности у этих глаголов. Далее автор подробно описывает на примере преверба *lǎp* различные по семантике модели ЭПП [Соловар, 2009: 13–25].

Следует отметить, что в функциональном отношении в современном хантыйском языке имеется три глагольных преверба, которые фонетически и семантически сохраняют схожесть с древневенгерскими приставками *ki-, le-, el-*, это: *kim* ‘наружу’, *il* ‘вниз’, *jel* ‘вдаль, дальше’. Кроме того, ряд глаголов венгерского

языка, приведенных К. Е. Майтинской, совпадают по семантике с хантыйскими примерами [Соловар, 2009: 15].

В статье С. В. Ониной на материале шурышкарского диалекта «Специфика словообразования оленеводческих лексем в хантыйском языке» зафиксировано 5 глагольных приставок (*al, ara, il, lakki, šyka*), которые характеризуют то или иное направление движения, связанного с характером содержания и использованием домашних оленей в традиционной отрасли народа ханты [Онина, 2010: 133].

В хантыйском языке к глаголу присоединяется преверб, значение глагола может измениться, что не всегда ведет к изменению его валентности.

Рассмотрим далее подробнее эти процессы на примерах.

Нами зафиксировано в шурышкарском диалекте несколько деструктивных глаголов со следующими превербами:

Превербы *ara, lakki* характеризуют действие, в результате которого предмет дробится, расщепляется, разъединяется, делится на многие части, например: *ara, lakki menəm-* ‘рвать, оторвать, оборвать’, *lakki kuləp-* ‘развалиться’:

Šāškan pūlem ara (lakki) menətem ‘Кусок ткани разорвали на части’; *Nuj ara wańštem* ‘Сукно на много частей разрежу’; *Laraśəl lakki kuləpmał* ‘Ящик=его развалился’.

Преверб *nōx* характеризует направление действия вверх, например: *nōx menəm-* ‘вырвать’, *nōx xōpema-* ‘отдрать’:

Mūw sōx nōx menəmləłi, lakki jowelləli ‘Землю кусками (дёрн) вырывает, разбрасывает’; *Aj xul ūl ki aj xul, ter teln nōx menəmləli* ‘Если маленькая ель, то маленькую ель с корнями вырывает’; *Jošn jūx kar nōx xōpemasłi* ‘Рукой отодрал кору дерева’.

Преверб *pełki* характеризует открытость пространства, например: *pełki menəm-* ‘оторвать, разрывать’, *pełki rox-* ‘потрескаться’, *pełki toxnomt-* ‘лопнуть’, *pełki pūksomt-* ‘лопнуть’: *Jūx towiin lūj porajən pełki menəməten, ełtī sōxł nōx wūten, āł jinjk šilta posijəł* ‘(Кору) дерева весной, в начале лета, отрываешь, кору убираешь, березовый сок оттуда течёт’; *Još pātłam pełki roxsət* ‘Ладони=мои по-

трескались'; Lük pūka pelki toxnomtəs; Katlētī saxat wōl pelki pūksomtəs 'Глухариный зуб лопнул. Пока держали, совсем лопнул'; Ра̄шmekηəfəl pelki toxnormət 'Башмаки его/её порвались'.

Преверб *pelki*, присоединившись к глаголу *šūrət-* 'подчеркнуть, начертить, провести линию (по снегу, по земле)' изменил лексическое значение глагола, в данном случае валентность глагола не изменяется, глагол *pelki šūrət-* 'распороть' перешел в ЛСГ разрушения: *Lük ikel alləli Tām löwat šup xəti, muj alti jur jöxətəl, xənl pelki šūrətem, sullal wöskillam* 'Несёт глухаря. Такого огромного нести, сколько сил надо, живот распорю, кишки выкину'.

Преверб *kätna*: характеризует разделение предмета на две части: *kätna wańś-* 'разрезать на две части', *kätna xələmə-* 'расколоться, треснуть на две части', *kätna šūkalə-* 'сломаться пополам, на две части'. Преверб *kätna*, присоединяясь к глаголам разрушения, меняет только лексическое значение глагола, не изменяя структуры валентностей, например: *Šaşkanem kätna wańśsem* 'Материал на две части разрезала'; *Sümət jüx poxəl wotn xojsa, kätna xələməs* 'В березу молния попала, пополам раскололась'; *Katra jüx həlem kätna xələməs* 'Старая деревянная ложка пополам треснула'; *Tām jüx šup kätna xələtem* 'Это дерево пополам расколо'; *Löpsəx anem kätna šūkaləs* 'Тарелка сломалась на две части, пополам'.

Присоединившись к глаголу *pittī* преверб *kätna* изменил его лексическое значение, глагол *kätna pittī* 'развалиться на две части' перешел в ЛСГ разрушения и стал одновалентным, например: *Larašem kätna pitəs* 'Коробка=моя развалилась на две части'.

Преверб *šöppi* характеризует действие, в результате которого предмет распадается пополам (по значению близок к русской приставке пере-), например: *šöppi toxnəmt-* 'сломаться', *šöppi moremə-* 'переломиться': *Uxəl tosəm šöppi moreməs* 'Перегиб нарта переломилась (поперёк)'; *Šaş löwel šöppi toxnəmtəs* 'Хребет сломался у него'.

Преверб *il* характеризует направление действия вниз, например: *il həjək-* 'обвалиться (вниз)'; *il roxəñli-* 'обвалиться'; *il*

rõxñemä-: *Sāṅxəm il nājəkməl* ‘Берег обвалился’; *Xõt löṅəl il rõxñemäs* ‘Крыша рухнула’.

Śix (от наречия *śix* ‘до конца, совсем, насмерть’) – преверб, выражающий результат действия, меняет лексическое значение глаголов *reskätī* ‘ударить’, *seṅktī* ‘бить’, *tāṅərtī* ‘давить, душить’. В данном случае изменилось лексическое значение глагола. Присоединяясь к глаголам ЛСГ удара, преверб *śix* изменяет их семантику, данные глаголы переходят в ЛСГ глаголов прекращения бытия, при этом их валентность уменьшается их валентность: *śix reskätī* ‘убить’ (букв.: от наречия *śix* ‘крепко, совсем, насмерть’ и *reskätī* ‘ударить’); *śix seṅktī* ‘убить’ (букв.: от наречия *śix* ‘крепко, совсем, насмерть’ и *seṅktī* ‘бить’); *śix tāṅərtī* ‘задушить’ (сниж.-разг.) (букв.: от наречия *śix* ‘крепко, совсем, насмерть’ и *tāṅərtī* ‘давить, душить’): *Ma nāṅen śix seṅklem* ‘Я тебя убью’; *In wōj śix seṅksa* ‘Это животное убили’; *Ikel śix reskəsa* ‘Её мужа убили’.

Итак, присоединяя преверб, глагол меняет лексическое значение и систему валентностей, а это ведет к изменению структуры и семантики предложения.

2.4. Элементарные простые предложения хантыйского языка, формируемые деструктивными глаголами

В понимании теоретических вопросов моделирования простого предложения как единицы языка мы опираемся на работы М. И. Черемисиной [1979, 1980, 1981, 1982, 1986, 1990, 1992] и ее учеников [Телякова, 1994; Серээдер, 1995; Чугунекова, 1998; Сагаан, 1998; Байжанова, 2004; Чертыкова, 2005; Невская, 2005; Кошкарева, 2007; Соловар, 2009].

Основной единицей синтаксиса М. И. Черемисина считает элементарное простое предложение, в состав которого вводятся предикат и его обязательные распространители. Модель простого предложения понимается как двусторонняя единица языка, имеющая план выражения и план содержания. Планом содержания ЭПП является пропозиция – типовая обобщенная семантика предложения. План выражения ЭПП представлен структурной схемой, ко-

торая с помощью символов отображает возможный способ морфологического выражения каждого компонента модели.

Объектом исследования в данной главе являются основные элементарные простые предложения (ЭПП) хантыйского языка, описывающие деструктивные действия.

При выделении моделей элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка мы опираемся на теорию моделирования простого предложения, предложенную В. Н. Соловар.

Мы представим семантическую классификацию деструктивных глаголов и формируемые ими модели ЭПП.

2.4.1. Система акциональных моделей, формируемых глаголами деструкции

Акциональные модели выражают типовое значение деятельности, воздействия на объект. Субъектом данных моделей является агент, т. е. активный деятель, лицо, производящее действие [Соловар, 2009: 81]. К акциональным мы относим двухактантную модель с семантикой деструктивного воздействия на объект, а также ее грамматические варианты и одноактантную модель деятельности.

*Двухактантная модель действия $N_{NOM}^{Ag} N_{NOM}^{Ob} V_{f_{subj/obj}}$
Модель с типовым значением воздействия субъекта на объект
«кто что делает»*

Двухактантные модели ЭПП хантыйского языка включают обозначение субъекта активного действия и его объект.

В состав пропозиции этой модели входят следующие компоненты: агент – лицо, которое осуществляет разрушение того или иного объекта; объект, обозначающий предмет или лицо, который подвергается воздействию со стороны агента; предикат, обозначающий действие, которое производится агентом по отношению к объекту-пациенсу. В этих моделях позицию субъекта замещают слова активной семантики, предполагающие, имеющие способность к действию. Это слова, обозначающие людей и указывающие на них: личные и указательные местоимения, нарицательные существительные с семантикой лица,

термины родства (с лично-притяжательным оформлением), личные имена: *Aseł wūłi pōrti wōj welas* ‘Отец=его волка добыл’;

Все глаголы, замещающие позицию предиката в этой модели, употребляются в двух типах спряжения – субъектном и объектном. Значение предиката может зависеть от глагольных превербов и от суффиксов, которые, встраиваясь в глагол, изменяют семантику и структуру предложения.

В зависимости от семантики предиката мы выделяем несколько семантических и структурно-семантических вариантов этой модели: 1) семантический вариант со значением разрушения объекта; 2) семантический вариант со значением трансформации объекта; 3) структурно-семантический вариант с позицией инструмента.

Эту модель мы считаем базовой.

Она формируется глаголами следующих групп:

1. ЛСГ глаголов со значением **уничтожения объекта**: шур. *welti* ‘убить’, *pawəti* ‘добыть’, *wūrati* ‘уничтожить’, *pārati* ‘уничтожить’, каз. *śawramti* (эвфем.) ‘умертвить’, *χōtas wertī* ‘убить’ и др. Например:

шур. *Łūw ar wūli welmal* ‘Он много оленей убил’; *Panne welas* ‘Налима добыл’; *Panne ewətsəlli, nik mōlləlli* ‘Налима нарезал, положил в котел варить’; *Mōjarat telaŋ kūrta hūw pārataš* ‘Сколько он стойбищ уничтожил’; каз. *Śi χūjen imel łūw śi śawramsəle* ‘Этот мужчина жену=свою он и умертвил’; *In ojaŋ pun isa χūl welti ant pittas* ‘Их удачливая ловушка совсем рыбу добывать не стала’ (в данном примере глагол *welti* имеет значение «добывать», так как сочетается с объектом-рыба и с субъектом-ловушка).

Глагол *pawəti* имеет грамматический вариант $N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} N_{\text{LOC}}^{\text{ag}}$ $V_{\text{f pass}}$, например: шур. *Śi woj aśemən pawətsa* ‘Этого зверя отец добыл’ (букв.: уронил). Глагол *josa pawəti* ‘добыть, получить в свое распоряжение’ формирует грамматический вариант $N_{\text{NOM}}^{\text{S}} N_{\text{NOM}}^{\text{OB}}$ $\{N_{\text{DAT}} V_{\text{f subj/obj}}\}$. Позиция предиката представлена глаголом *pawəti* ‘уронить’ в субъектном и объектном спряжении в сочетании с именем *još* ‘рука’ в дательном-направительном падеже. Позицию субъекта занимает одушевленное имя существительное, позицию

объекта – одушевленное или неодушевленное имя, например: шур. *Asen ün sort joša pawətmal* ‘Отец=твой большую щуку добыл=оказывается’. *Ampew lūw xās änt weləs* ‘Собаку=нашу он чуть не убил’; *Nüwlat pöxije illi weləkəl* ‘Ветки (дерева) ма обрубают’; *Lepas weləkla* ‘Ветки хвойные обрубают’; *Söx ši tätəlla* ‘Шкуру выдeldывают’; *Xülat häxəssajət* ‘Рыбы уже очистили от чешуи’.

Как отмечает В. Н. Соловар [2009], разные ЛСВ некоторых глаголов бывают устойчиво связаны либо с объектным, либо с субъектным спряжением. Например, глагол *welü* в субъектной форме означает ‘добыть’: шур. *Ma xül welsəm* ‘Я рыбу добыл’, а в объектной форме, с определенным дополнением (с притяжательным аффиксом) этот глагол означает ‘убить’: *Ma xülem welsem* ‘Я рыбу=мою убил’. Акциональные глаголы, направленные на изменение предмета, в основном, употребляются в объектном спряжении.

2. ЛСГ глаголов со значением трансформации и разъединения объекта, частичной или полной: шур. *wāńśtī* ‘разрезать, рассечь, вспороть’, *šükattī* ‘ломать, разбить’; *sewərtī* ‘рубить’, *morittī* ‘ломать’, *ara māńśəttī* ‘разорвать’, *ewəttī* ‘резать’, *nöx ewəttī* ‘отрезать’, *suxəttī* ‘выщипать, ошипывать от перьев, терebить, рвать’, *pelki seńktī* ‘разбить’, *nöx losəttī* ‘разобрать’, *eńxəstī* ‘снять шкуру’, *häxəs-* ‘чистить (рыбу от чешуи), скоблить’, *xörtī* ‘драть, ободрать, разделывать, снимать бересту, шкуру (зверя, рыбы)’, *xöpəttī* ‘отколоть’, *wońxtī* ‘строгать’; каз. *ara lunxittī* ‘разрубить’, *aja namrittī* ‘разрезать на мелкие части’, *šopa jixrittī* ‘разрубить, распилить на две части’, *kātna kerittī* ‘распасться на две части’ и др., например:

шур. *Šaškanem kātna wāńśsem* ‘Материал на две части разрезала’; *Jüx nüw morətəl* ‘Ветку ломает’; *Narma wāńśləm* ‘Строгою полозья’; *Xot oməsti jöx soxəl wāńślət* ‘Строители доски пилят’; *Katra amparel nöx losətsel* ‘Старый амбар разобрали’; *Wasi suxətlən, pünlan xira pönləllan* ‘Теребишь утку, пух в мешок собираешь’; *Söx wāńśləm* ‘Шкуру крою’; *Jüxem wāńśləm* ‘Полено раскалываю’; *Waj kepəl wāńśləm* ‘Крою шкуры лап для кисов’; *Täm söxem leptamitəm* ‘Эту шкуру сделаю мягкой’ (букв.: размягчу); *Ma həjat an pelki seńksəm* ‘Я чью-то чашку разбила’; *Üñx*

xõpətsəməŋ ‘Смолу, серу откалывали’; *Tonti xõrti jəŋxsəw. Jux kar əl xõpəməsem* ‘Ходили бересту сдирать. Кору просто (без ножа) содрала’; *Jəm ŋŋx pʉl xõpəməsəm* ‘Хороший кусок смолы отколола’; *Sumət elti ux xõpəməsem, šaj saləŋ wertija* ‘От берёзы чагу отколол, чтобы сделать заварку’; *Nəŋ xotem šukatsen* ‘Ты дом=мой сломал’; *Türem al ewte* ‘Не режь мое горло’; *Sapəl sewərti təxija tūwaləŋ pa sapləl šupa sewərmaləŋ* ‘Отведите его на место, где рубят шею, и шею=его перерубите’; *Ja, xūtem nəxəsləw* ‘Ну же, рыбу почистим’; *Xūtem nəxəsləm* ‘Рыбу очищаю от чешуи’; *Lajəm nəl wəŋxəl* ‘Строгает ручку топора’; *Təm xūl jux šup wəŋxləm* ‘Это бревно из ели обтёсываю’; *Soxəl wəŋxləm* ‘Доску обтёсываю’; *Jux sewərtuw* ‘Дрова рубим’; *Mūŋ tōnti xõrləw* ‘Мы снимаем кору с березы’; *Ləŋki sōxl xõrtəm* ‘Снимаю шкуру белки’; *Xətləwn wūti xõriləsew* ‘На днях оленя забивали’; каз. *Lūw wūšŋə lūjəl ewtəs* ‘Тогда он мизинец порезал’; *Poxem jūxlal ara lūŋxitmal* ‘Сын=мой дрова разрубил’; каз. *Jajən jūxəl šupa ši jixrilələ* ‘Отец=твой бревно распиливает’.

Глагол *nõxərti* в субъектной форме с дополнением *wəlsəm* означает ‘откалывать, настругивать’, например: *Jajem wəlsəm nõxərləl* ‘Брат=мой строгает (откалывает от полена) лучинки’. Форма объектного спряжения резко меняет представление об отношении между действием и объектом: объект понимается уже не как результат действия, а как предмет, к которому прилагается действие для получения нового результата: *Jajem wəlsəməl nõxərləl* ‘Брат=мой лучинки раскалывает’ (на более тонкие).

3. ЛСГ глаголов нанесения удара: *seŋkti* ‘бить’, *xət’sət* ‘ударить’, *weləkti* ‘освободить дерево от веток, обрубить сучья на дереве’, *kütərti* ‘ударить с размаху чем-нибудь’, *tūwemət* ‘вести удар, рассекать’; каз. *würsiti* ‘стегать’, *senemət* ‘дать щелчок’, *würiti* ‘бить очень сильно (до крови)’, *sāratti* ‘бодать’, например: *Lepas weləkəl* ‘Он обрубаёт ветки’; *Jux weləkəl* ‘Дерево очищают от веток’; *Təm jux weləkəsew* ‘У этого дерева ветки обрубили’; *Jajəm karti lūp nərəməs, lölmam jōšləl elti kamatsa puš tūweməsli* ‘Брат=мой железное весло схватил, по ворованным рукам=его несколько раз ударил’.

4. ЛСГ глаголов со значением давления и трения, например: *lōxəttī* ‘точить’, *tətəltī* ‘разминать шкуру при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять, для того чтобы можно было шить’, *ñōrəttī* ‘давить, с силой нажимать’, *pašərtī* ‘выжимать, сдавливать, жать’, *jōtəltī* ‘скоблить (скребком шкуру), обработать сделать годным к употреблению’, *tātəltī* ‘мять’, *leptamttī* ‘сделать мягким’: *Lajəmləl, kešiləl som iti lōxətsəllī* ‘Топоры, ножи наточил до блеска (букв.: как чешуя рыбы)’; *Kepten jāma jōtəltī* ‘Камус хорошо скобли’; *Keptem tətəlləm* ‘Шкуру мне (обрабатываю)’; *Mokšan ñōpələw tətəlləm, lepət at ūs* ‘Шкуру дл малицы выделяваю, чтобы мягкой была’.

Большинство физических действий естественно предполагает и включает в себя использование какого-либо орудия или средства действия. Глаголы деструктивного действия могут сочетаться не только с двумя актантами – агенсом и объектом, но и с тремя, включая орудие действия [Черемисина, Озонова, Газранова, 2008: 136].

При необходимости указать на инструмент в модель $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}}$ $N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}}$ V_f subj/obj вводится актанта N_{LOC} , и она становится трехактантной $N_{\text{NOM}}^{\text{S}}$ $N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}}$ N^{instr} LOC V_f subj/obj «кто что чем делает», например: *Ma təxtī kešijən ušilem* ‘Я шкуру ножом скоблю’; *Jūx kešijən ñoxərtəm* ‘Палку ножом строгаю’; *Lājəməñ хот хәр сохəl jātəməs wəñxi* ‘Топором хорошо обтесай доски для пола’; *Tām lan̄ki juxələn wəlseṃ* ‘Эту белку из лука убил’; *Xül punen wəlseṃ* ‘Рыбу сетью добывали’; *Sūwn wəlkoplən* ‘Хореем обрубашь (ветку сухую)’.

В состав данной модели входят три актанта: субъект – одушевленное лицо; объект, который может быть выражен одушевленным предметом или неодушевленным; N^{instr} – актанта орудийного типа. В позиции предиката функционируют несколько ЛСГ глаголов: а) глаголы физического воздействия: шур. *karlətī* ‘ковырять, копать’ б) глаголы разрушительного действия: шур. *wanštī* ‘порезать’, *xat’sətī* ‘ударить’, *señktī* ‘бить’, *tuwemətī* ‘ударить’ (букв.: нести быстро), *šošemətī* ‘облить’ (букв.: вылить быстро),

esəłtī ‘выстрелить’, *sewərmətī* ‘рубануть’, *wəłtī* ‘убить’, *śix perəttī* ‘удушить (букв.: насмерть окрутить)’; каз. *wurśiti* ‘бить’ и др.

Такие предложения описывают различные ситуации, наиболее частотными из которых являются ситуации воздействия на объект с помощью какого-либо средства или орудия.

В состав этого структурно-семантического варианта входят предикат, субъект, объект и инструмент. Местно-творительного падежа требуют глаголы с семантикой разрушения, глаголы с семантикой удара, глаголы с семантикой разделения, например: *Asem śi iken jōśən xat śəśłtī* ‘Отец ударил мужчину=этого рукой’.

В позиции N^{instr}_{LOC} в данном варианте модели появляется имя, называющее инструмент, с помощью которого совершается воздействие на объект.

В позиции инструмента употребляются имена в местно-творительном падеже, которые дополняют семантику предиката, они обозначают: орудие, предмет, материал, части тела человека, вещество.

Статус актанта N^{instr} особый, специфичный. Принцип «экономии речевых средств» в хантыйском языке в некоторых специфичных глаголах предписывает не называть «привычное орудие», так как оно уже вписано в семантику самого глагола, например: *Molśaŋ sōxem jotləślem* ‘Шкуру (оленья) для малицы (скребком) скоблю’; *Tăxti jotləślem* ‘Шкуру (оленья) (скребком) скоблю’; *Soxəl porətl* ‘Доску просверлил’; *Por ūs porətməs* ‘Просверлил дыру’; *Lepas wəłəkl* ‘Он обрубает ветки’.

Фраза кошка *исцарапала* его *когтями* не только избыточна, но и нелепа, неправильна как по-русски, так и по-хантыйски (*Kūrŋəlam kătijən kunśsajŋən* ‘Ноги=мои исцарапаны кошкой’) или на любом другом языке, где есть глагол царапать ‘действовать когтями’.

Позиция инструментального актанта обычно остается незамеченной и проявляет себя в речи тогда, когда на неё нужно обратить внимание, когда орудие оказывается ситуативно значимым для говорящих, иногда обращает на себя внимание какими-то дополнительными характеристиками, например: *Ŋənl*

pāsti kešijən ewətlali ‘Хлеб острым ножом режет’; *Xüləm xü āj kemjəš wāš sōxri wus, in kešijən il ewətməsli* (фолькл.) ‘Маленький Кемьяш нож с узким лезвием взял, и этим ножом отрезал’; *Lūw kešijən pōtkasa* ‘Его ножом ударили’; *Imi xili ālti kešel lakemat, in Jalañ iki kūrtał-jōšlał, oxlał-ellal lakki sewerlačajət, lakki jōwallajət* ‘Ими Хилы схватил нож, ноги-руки, голову-тело Ялань ики разрубил, разбросал’; *Šoxrelən imel mewəl eltī loñšapsallī* ‘Он проткнул ножом с узким лезвием грудь своей жены’; *Ñäləñ ötən pāratəm* ‘Ножом убили человека’; *Akačəm lajməl pāstija lōxətmal* ‘Дядя топор остро наточил’.

В качестве средства или орудия могут выступать не только материальные предметы, естественные или полученные в результате производительной деятельности человека, а также более отвлеченные продукты умственной или другой деятельности производителя.

Грамматический вариант $N_{\text{NOM}}^{\text{ob}} N_{\text{LOC}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{pass}}$

В данном варианте модели в позиции $N_{\text{NOM}}^{\text{ob}}$ находится имя, называющее объект воздействия – это одушевленное существо, чаще человек, его части тела, явления природы, реже предмет. Предикат употребляется в страдательном залоге, но действие, производимое активным участником ситуации – человеком, животным, не воспринимается как пассивное, например: *Lūjem kešijən wañšsa* ‘Палец=мой ножом порезан’.

Данная двухактантная модель является трансформом модели с прямым объектом: $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} N_{\text{NOM}}^{\text{ob}} V_f^{\text{subj/obj}}$. В этом случае она описывает ситуации действительности, в которых участвуют те же самые предметные участники, но в результате изменения прагматической задачи действующее лицо-агенса должен быть выделен, поэтому он употребляется в местно-творительном падеже. $N_{\text{NOM}}^{\text{ob}}$ – пассивный участник ситуации, подверженный действию агенса, например: шур. *Kesem nawremət=ən, əpra, šukatsa* ‘Нож=мой детьми, наверное, сломан’, *Tam niw roxen=ən mōritsa* ‘Эта ветка сыном=твоим сломана’, *Keplem apšəmən tatlla* ‘Шкура (с лапы) сестренкой=нашей будет помята’ (букв.: помнется).

Одноактантная модель деятельности $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} \leftrightarrow V_{f \text{ subj}}$

Эта одноактантная модель представлена субъектом действия, деятельности или процесса, а также предикатом действия или состояния в широком смысле слова. Позицию субъекта занимает одушевленное имя, позицию предиката замещает глагол с семантикой действия, который употребляется только в субъектном спряжении.

Структурная схема $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} V_{f \text{ subj}}$ является общим планом выражения для построения моделей ЭПП хантыйского языка с различной семантикой: действия/деятельности, состояния, поведения и эмотивного отношения, восприятия, речевой деятельности и др. [Соловар, 2009].

Модель действия/деятельности представлена одним семантическим вариантом: «Физическое действие или процесс». Сюда входят глаголы, представляющие действие как занятие или умение: шур. *welpəsləti* ‘охотиться, добывать’, *ńóxrantti* ‘заниматься строганием (ножом)’, *woŋxantti* ‘заниматься обтёсыванием’, каз. *nóləsti* ‘обрабатывать шкуру’, *xórsaští* ‘заниматься сниманием шкуры’, например: шур. *Ma woŋxantsəm* ‘Я строгал’; *Asem woŋxantəl* ‘Отец строгаёт’; *Pirəs imi xül welpəslijəs, sóx jöntəs* ‘Старушка рыбу добывает, одежду шьет’; *Pirəs iki woj welpəsliman, wulilal šawiil* ‘Старик охотиться, заботится об оленях’; каз. Йайэм вэлпэслэл ‘Брат=мой охотится’.

2.4.2. Система стальных моделей, описывающих глаголы деструкции

Стальные модели хантыйского языка построены на основе моделей, формируемых именами и одно-, двухвалентными глаголами, объединенными общим значением описания состояния субъекта. Ядром данной системы являются одноактантные модели, представляющие состояние, связанное только с субъектом, его носителем [Соловар, 2009: 121].

Типовое значение статальных моделей – «характеризация состояния, в котором пребывает субъект, или характеристика деятельности, которую он осуществляет» [Баркалова, 2004: 172].

Модель состояния $N^{Exp}_{NOM} V_f^{stat}_{subj}$

В формировании модели состояния субъекта ЭПП $N^{Exp}_{NOM} V_f^{stat}_{subj}$ в хантыйском языке участвуют глаголы состояния. Типовая семантика модели ЭПП: «субъект – быть, пребывать в таком состоянии».

Мы, вслед за Н. Р. Байжановой, которая проводила исследование на материале алтайского языка, под термином «состояние» понимаем отражение в языке специфических форм бытия предмета (живого – неживого), возникающих под воздействием определенных (внутренних или внешних) факторов, которые не влияют на его сущностные характеристики, обладающие стабильностью в течение некоторого периода времени и потенциальной изменяемостью. Каждый субъект, будь это человек, животное, растение и т. д., может находиться в определенных состояниях [Байжанова, 2004: 58].

Модель состояния представлена в хантыйском языке различными ЛСГ глаголов состояния.

Модель состояния имеет два семантических варианта, различающихся типами субъектов: субъект – живое существо, субъект – артефакт. В каждой из моделей участвует определенный круг глаголов, который сочетается с тем или иным типом субъекта.

В зависимости от семантики субъекта состояния, а также от типового значения предиката мы выделяем в хантыйском языке 2 типа моделей состояния:

- 1) модели состояния одушевленного субъекта;
- 2) модели состояния неодушевленного субъекта (артефакта).

При классификации глаголов состояния шурышкарского диалекта мы опирались на работу В. Н. Соловар, в которой описаны лексико-семантические группы глаголов состояния на материале казымского диалекта [2009]; на работы, выполненные на

базе русского языка: Л. В. Балашовой [1979], Э. В. Кузнецовой [1978], Л. М. Васильева [1971, 1992], Т. А. Кильдибековой [1980], Р. Расулова [1989], О. А. Михайловой [1984, 1986] и др.

Модели состояния одушевленного субъекта

В данной модели компонент N_{НОМ} – субъект – живое существо (человек, животное, V_Г – глагол состояния, употребляется в субъектном спряжении. В позиции подлежащего – агенс – лицо или предмет, который разрушается самопроизвольно.

В этой модели мы выделяем 3 семантических варианта.

1. Семантический вариант «физическое состояние».

Болезненное состояние отдельных частей тела: *põxti* ‘хромать’, *põxti* ‘лопнуть’, *mõšmälti* ‘ранить, испортить, сделать больным’: Семҗаһам *si põxlәһән* ‘Глаза лопнут (неприятное болезненное ощущение)’;

2. Семантический вариант «психическое (эмоциональное) состояние субъекта»: *xõlt põxti* ‘разорваться’ (о сердце), т. е. испытывать страх, *põxәnti* ‘разорваться (о сердце)’, *lölati* ‘улучшиться’ (о настроении; букв.: таять), *šәkti* ‘испортиться’ (о настроении): шур. *Sәмәт si poxәnal* ‘Сердце разорвется’ (букв.: лопнуть (о состоянии страха), *Sәмәт lölat* ‘Настроение (букв.: сердце тает) улучшилось’; *Nomsem šәkәs* ‘Настроение (букв.: мысль=моя) испортилось’.

Итак, для передачи психического состояния используется ЛСГ глаголов изменения состояния, разрушения, разъединения.

3. Семантический вариант «окончание состояния, конец существования».

Предикаты окончания бытия человека и животных мы делим по структуре на две группы: глаголы и глагольные словосочетания:

1. Глаголы: шур. *әркәpti* ‘свалиться (умереть)’ (перен.), *tomijәti* ‘умереть’, *tomiti* ‘умереть’ (о животном), *tomijiti* ‘умереть’, *xõlati* ‘скончаться (умереть)’, *löxәlati* ‘умереть’ (букв.: смыться, т. е. уйти в другой мир), *lәxәntti* ‘душить’, *pәpetәti* ‘умереть’, *lii toxәnti* ‘умереть’ (букв.: дыханию порваться), *posәlati* ‘умереть, скончаться (о человеке, о родственниках, о чужаках)’ (букв.: искапаться), *xәlti* ‘сдохнуть’,

xõlti ‘погибать’, *partii* ‘умереть, погибнуть’, *šakantii* ‘задохнуться, захлебнуться’; каз. *jetsäti* ‘закончиться’, *sõxantii* ‘скончаться (умереть)’ (букв.: кончиться), *sõwäntii* ‘скончаться (с сожалением)’, каз. *šükantii* ‘задохнуться, захлебнуться’, *nõxii* ‘околеть’, *kärlätii* ‘околеть’, *rawmatii* ‘умереть’ (букв.: распадаться на мелкие частицы), *xänetäti* ‘скоропостижно умереть’, *xõpematii* ‘умереть’ (букв.: отвалиться, отломиться (о коре дерева)), *šawärmätii* ‘скончаться’ (с оттенком сожаления), *tõpänii* ‘пропасть (умереть)’: шур. *Łiw xiwän posaläs* ‘Он давно скончался’; *Ma äntem posaläs* ‘Моя мама умерла’; *Ma lõxijäm otäm* ‘Мой умерший родственник’ (букв.: мой смывшийся предмет) [Талигина, 2008: 157]; *Łiläl toxnäs* ‘Жизнь окончилась’; *Ma xäläwät mosəŋ il ärkäpläm, un iki jastal* ‘Я, может, завтра свалюсь (умру) – пожилой человек говорит’; *Kätäm atäm muša jis, päras* ‘Кошка тяжело заболела, умерла’; *I ewel šax nupät täjł, sora päras* ‘У одной дочери совсем не было жизни, быстро умерла’; *Kätäm änt läläl, momimal* ‘Кошка не дышит, умерла’; *Łow muj mis wõšlax täxajən iultija mänäl, tup šäs őräl xäsäl in momijäl* ‘Лошадь или корова в глине проваливается (букв.: полностью уходит), только спина остаётся, там и умирает’; *Momaja jis* ‘Умер’; *Wülät utän törän leläät, atäm törän, silpa pa xällät* ‘Олени в лесу траву едят, ядовитую траву, от этого умирают’; *Isa mir xõllät* ‘Народ погибает’.

2. Структурный вариант модели окончания состояния, бытия можно представить схемой $N_{\text{NOM}} (N_{\text{DAT}} V_{\text{f subj}})$. Предикаты представлены двумя лексемами:

- а) имя существительное с семантикой смерти в форме дательного-направительного падежа в сочетании с глаголом *стать*: шур. *sõrma jii* ‘умереть’ (букв.: к смерти стать), *tomaja jii* ‘умереть’, *šõŋata jiti* ‘умереть’ (букв.: к покойнику стать); каз. *kara jii* ‘умереть’ (букв.: к коре стать), *püpa jiti* ‘умереть’ (букв.: к чему=то страшному стать), *eŋkoräpa jii* ‘умереть’ (букв.: к памятному стать), например: шур. *Ši neŋen ĩŋəŋ sõrma jis* ‘Эта жен-

- щина летом умерла'; *Xiŵəp mošitəm ɔtew p̄ipa jis* 'Давно болевший наш умер'; каз. *Luw xiwəp šonəta jis* 'Он давно умер';
- б) имя существительное *jištot* в форме дательного-направительного падежа сочетается с глаголом *pittī* 'стать': *jištot=a pittī* 'утонуть' (букв.: в то, что пьют, попасть): *Jištota pitmal* 'Он утонул';
- в) имя существительное *tarn* в форме дательного-направительного падежа сочетается с глаголом *jiti* 'стать': *tarna jiti* 'погибнуть, гибнуть' (утратить способность жить в результате неблагоприятных обстоятельств, в сражении): *Un tarna pitsət (tarəp tijəs), ar jox tarnə jis* 'Большое сражение началось, много воинов погибло';
- г) отрицательное слово *āntom* в дательном-направительном падеже в сочетании с глаголом *jiti*: *āntoma jiti* 'умереть' (букв.: к нет стать): каз. *lojnet si tāl āntoma jis* 'Подруга=моя в ту зиму умерла';
- д) местоименное наречие *xōtas* в сочетании с глаголом *jiti* 'умереть': *Ašel xōtas jis* 'Отец=его умер' (букв.: как-то стал)';
- е) местоименное наречие *xōtpela* в сочетании с глаголом *lol'əmti* 'вскочить': *Lūw xōtpela lol'əmtəs* 'Он неожиданно умер' (букв.: куда-то вскочил);
- ж) имя существительное в сочетании с послелогом и глаголом: *ɔw sa mānti* 'умереть' (букв.: плыть по течению).

В роли субъекта при данных предикатах выступают названия лиц, например: шур. *Ikem tal'ən p̄arəs* 'Муж=мой на войне погиб'; *In imen telli šiti p̄arəs* 'Эта женщина так умерла с голоду', *Imi jiykəp šakənməl* 'Женщина в воде захлебнулась'; каз. *Lūw saxtala si sawərməs* 'Он сам собой скончался'; *Wona pelək jəxləw ši xōlati pitsət* 'Пожилые люди=наши стали умирать'; *Ma tāta ši sōwəmləm* 'Я здесь умер'.

В роли субъекта выступают также отвлеченные имена: *is* 'душа', *lil* 'дыхание': *Ši jūpijən isəl mānəl* 'После этого он умирает' (букв.: душа=его уходит); каз. *Pitəm širələn lūləl pa sōxnəs* 'Как упал он, жизнь (букв.: дыхание) кончилась' (букв.: оборвалось).

Глаголы *pärti*, *šäkanti* в позиции субъекта могут допускать названия лиц или животных. Например: *Si iken xǐwǎn pǎrǎs* ‘Этот мужчина давно умер’; *Jǎm ampem ši pǎrǎs* ‘Хорошая собака=моя умерла’.

Глагол *xǎlti* может употребляться с одушевленным субъектом, при этом появляется стилистически маркированная окрашенность (грубая или оскорбительная форма), например: *Oxsaren xǎlǎs* ‘Лиса сдохла’; *In iken si xǎlǎs* ‘Этот мужчина сдох’.

Модели состояния артефакта

В этой модели в позиции субъекта находятся предметы материального мира – артефакты, а в позиции предиката – глаголы, обозначающие физическое состояние артефактов.

1. Семантический вариант «самопроизвольный процесс».

1) глаголы самопроизвольного разрушения.

Субъект – предмет находится в самопроизвольном процессе, обусловленном его физической природой. С ним сочетаются глаголы следующих групп: разрушительного действия: шур. *ǎrkǎptti* ‘рухнуть, обвалиться’, *ńijti* ‘обвалиться’, *(ara) kulǎmti* ‘развалиться, рассыпаться’, *rǎšǎłti* ‘износиться (об одежде)’; *rǎsǎmti* ‘распускаться’ (о ткани), *xǎlati* ‘протекать’ (о лодке), *pǐłłati* ‘прохудиться, продырявиться (об одежде, посуде), *pǐksomtǐ* ‘лопнуть’, *pelki rǎxǎntǐ* ‘потрескаться, лопнуть’, *toxnomti* ‘порваться’(мгнов.), *pelki toxnomtti* ‘лопнуть, разорваться’, *šǐkalǎti* ‘сломаться’, *roxǎnemǎti* ‘обвалиться’, *il roxǎnamtti* ‘провалиться’, *kǎtna xǎłǎmǎti* ‘расколотся, треснуть’ (мгнов.), *pelki xǎłiti* ‘потрескаться’; каз. *ara lõxiti* ‘расколотся’, и др., например: шур. *Łǐk pǐka pelki toxnomtǎs. Katłǎti saxat wǎł pelki pǐksomtǎs* ‘Глухаринный зуб лопнул. Пока держали совсем лопнул’; *Kelem toxnǎs* ‘Веревка разорвалась’; *Pašmekłǎlat pelki toxnopmel* ‘Башмаки его/ее порвались’; *Šelja rata al pǎni, toxnopł* ‘Порох в костер не клади, взорвется’; *Katra xotǎł il ǎrkǎmtǎs* ‘Старый дом=их рухнул’; *Katra xot il ǎrkǎpmǎł* ‘Старый дом рухнул’; *Katra xotłǎŋkel sǎŋxǎm ilpija xǎš ǎnt ǎrkǎpǎł* ‘Старый домик=их под гору вот-вот рухнет’; *Uxel kulmǎs* ‘Нарта развали-

лась'; *Uxlem xīwəp ara kulmās* 'Нарты=твои давно развалились'; *Nepek laraś kuləpmał, neš* 'Картонная коробка развалилась, оказывается'; *Laraśəl lakki kuləpmał* 'Ящик=его развалился'; *Xūllam šūka kawərmel* 'Рыба разварилась'; *Jernasl rāšəłmał* 'Платье обтрепалось, распустилось'; *Xot xārəl il roxñamtəs* 'Пол провалился'; *Pānar kelije, toxnomtəs* 'Верёвочка дряхлая, порвалась'; *Još pātłam pelki poxsət* 'Ладони потрескались'; *Još pātem poxəntəs* 'Ладонь потрескалась'; *Katra jūx nalem kātna xāləməs* 'Старая деревянная ложка пополам треснула'; *Sīmət jūx poxəl wotn xojsa, kātna xāləməs* 'В березу попала молния, пополам раскололась'; *Jos pātem pelki xālījəs* 'Ладонь потрескалась'; *Xot il roxñamtəs* 'Дом рухнул'; *Katra xotəl xīwn il roxñamtəs* 'Старый дом давно обвалился';

- 2) глаголы разъединения: шур. *pelki pittī* 'раскрыться', *šūka kawərtī* 'развалиться при кипении', *puxəltī* 'толочь, размельчать, долбить, колоть, протыкать', *toxī* 'рваться, порваться'; каз. *pelka loḡxiitī* 'расколоться', и др, например: Ух *šūka puxəllem, šaj puta esəllem* 'Чагу размельчаю я (ножом), в чайник опускаю'; *Pānar kelije, toxnomtəs* 'Верёвочка дряхлая, порвалась'; *Ījəm lakkeł ara (lakki) toxəs* 'Порвалась постройка у оленя'; *Xāšap oḡen toxəl* 'Угол полога рвется'; каз. *Xop pātem pelki loḡximal* 'Дно лодки раскололось';

2. Семантический вариант «изменение состояния» представлен следующими ЛСГ глаголов разрушения:

- 1) глаголы, обозначающие потерю влаги, изменение консистенции: *sōr-* 'сохнуть, вянуть – терять свежесть, увядать', *soral-* 'сушить – изменять состояние предмета, удаляя влагу, сырость воздействием тепла или солнца': *Torən sorəs* 'Сено высохло'; *Ši wojen xīwəp xāltī-sortī werəl us* 'Это животное давно уже умереть-высохнуть должно было'; *Kasalət, nān ši keša soraltija* 'Каслают, хлеб для этого сушат';
- 2) глаголы изменения, потери качества: шур. *awī* 'пахнуть', *lījī* 'гнить', *naxiitī* 'потерять вкусовые качества, стать несвежей, примерно, через два часа после нахождения рыбы на солнце'; каз. *wīšəmtī* 'стать несвежим', *pōlxəmtī* 'превраща-

титься в простоквашу’: шур. *Uxel lĭjmal, ărkəmtəs* ‘Нарта сгнила, развалилась’; *Wante, ĩŋxew lĭjmal* ‘Оказывается, мясо сгнило’; *Nuki soxem lĭjmal, toxmal* ‘Кожа сгнила’; *Aŋləpsajəl sora lĭjmal* ‘Малица под подбородком быстро сгнила’; *Ruwaŋ us, xĭllam lĭjmal* ‘Жарко было, рыба протухла’; *Xĭtem awəl* ‘Мясо пахнет’ (т. е. испортилось); каз. *Єsət jĭŋket pŋlxəmmal* ‘Молоко превратилось в простоквашу’.

Модель состояния $N^{Ob}_{NOM} V_{fpass}$

Позицию объекта занимает обозначение лица или предмета, испытывающего на себе воздействие, в результате которого он оказывается в определенном состоянии. В этой позиции может стоять имя существительное, обозначающее живое существо, части тела человека; личное местоимение, предмет. Позицию предиката занимают глаголы разных лексико-семантических групп: состояния, действия и др. В зависимости от семантики предиката мы выделяем семантические варианты модели.

1. Семантический вариант, описывающий физическое и физиологическое состояние одушевленного субъекта, формируется предикатами *lăxəntĭ* ‘задохнуться’, *tăpəlmətĭ* ‘защемить’, *menemətĭ* ‘выдернуть’, *kĭterlətĭ* ‘обжечься’, *peltĭ* ‘уколоть’, например: *Ma xās ānt lăxəntsajəm [lăxətsajəm]* ‘Меня чуть не задохнулся’; *Lŭjem tăpəlməsa* ‘Палец=мой защемило’; *Soxəl ĭl răknəs pa lŭjlam tăpəlsajət* ‘Доска упала и пальцы придавило’; *Nalmem kĭtərləsa* ‘Язык обжег’; *Tŭrem kĭtərləla* ‘Горло жжет’;

2. Состояние предметов передают глаголы: шур. *xarnajəttĭ* ‘заржаветь’, *xišĭlətĭ* ‘покрыться плесенью; каз. *ĥakittĭ* ‘покрыться илом’, *ĥŋxlətĭ* ‘очервиветь’ (букв.: шевельнуться, сдвинуться), и др.: шур. *Kartem xarnajətsa* ‘Пила=моя заржавела’; *Kartĭ šŭklal isa xarnajətsajət* ‘Железные детали совсем заржавели’; *Jĭntrem xărnajətsa* ‘Иголка заржавела’; *Nāñəl pa xišĭləsa* ‘Хлеб тоже заплесневел’; каз. *Wasĭ pŋšəxlan ĥŋxləmət* ‘Утиные яйца зачервивели’.

Двухактантная модель $N^{Ob}_{NOM} N^{Force}_{Loc} V_{pass}$

В состав двухактантной модели с глаголом в форме страдательного залога, помимо объекта в форме именительного падежа ($N^{\text{Ob}}_{\text{NOM}}$), входит также имя в местно-творительном падеже ($N^{\text{Force}}_{\text{LOC}}$), называющее силу, стихийное явление природы, воздействию которого объект не может противостоять.

Позицию $N^{\text{Force}}_{\text{LOC}}$ занимают имена, называющие:

- 1) явления природы, стихии: *päləŋ* ‘гроза’, *tūt* ‘огонь’, *ōw* ‘течение’ и др. При них используются глаголы с семантикой разрушительного действия. Например:

шур. *Lūw päləŋ=ən welsa* ‘Он был убит громом’; *Ješŋəl tūt=ən kūtərləsijən* ‘Руки огнем обожжены’; *Joxan jeŋkət ōw=ən šūkattī šī pitsajət* ‘Льды реки течением стали ломаться’; *Xotəl, amparəl tūt=ən lesa* ‘Дом, амбар огнём сожжены’ (букв.: съедены);

- 2) названия орудия или инструмента, а также воздействие квазиинструментом (т. е. воздействие с помощью мнимых инструментов, к которым относят части тела человека или животного): *kešī* ‘нож’, *lajəm* ‘топор’, *ńōl* ‘стрела’, *jink* ‘вода’, *līs* ‘петля’, *keł* ‘веревка’, *pōrlī* ‘пешня’, *jūs* ‘что-то острое’, *xästəl* ‘заноза’, *jūx nūw* ‘ветка дерева’, *jintəp* ‘иголка’ и т. д. Например: шур. *Kepeł jotləpšajən jama jōtəlla* ‘Камус скребком хорошо скребут’; *Jeŋk porlījən puxəlla* ‘Лёд долбит пешней’; *Juśən puxəllajəm* ‘Меня острием колот’; *Mołsaŋ ponl amrən mənšijəm* ‘Подол малицы собаки порвали’; *Kepeł un māšəkən tātəlla, šitī leptamtəl* ‘Лапы выделяются большим размахом кулаков, так смягчаются’; *Lūjem xästəln pelsa* ‘В палец заноза вонзилась’; *A mījən pelantijəl* ‘Что-то колется’; *A mīj jūśən pelantsajəm* ‘Чем-то острым укололась’; *Semem jūx nūwəp sōməlla pelantsa* ‘Прямо в глаза воткнулась ветка дерева’; *Jintəpn pelłajən* ‘Иголкой уколешься’; *Tup sort nōx tallə, ōx pātł ełtī jūxn xätsila* ‘Только щуку вытаскают из воды, палкой по голове бьют’;

В позиции предиката находятся глаголы разрушительного действия, состояния: *peltī* ‘воткнуться’, *xōjtī* ‘удариться’, *kātna waśmətī* ‘рассечь’, *pittī* ‘попасть’, *šix perəttī* ‘задушить’, напри-

мер: шур. *Ma kešijən xaś pelsajəm* ‘Я чуть не укололся ножом’; *Xajəp saplije nōt=ən kātna śi waśməsa* ‘Шея кулика стрелой рассечена’; *In līsən amp tūrəl ewəlt pitsa* ‘Собака шеей в петлю попала’; *Lūw kellalən śix perətla* ‘Он веревками будет задушен’, *Šanšəl koršitsajəŋ nepəkən kūtərlətī pitsa* ‘Спина=его горчичника-ми стала обжигаться’; *Xonem jūśən pūxəlla* ‘Живот колет’ (букв.: острием колется).

Выводы

Таким образом, в данной главе мы кратко рассмотрели историю развития теории моделирования в синтаксисе, изложили понятийно-терминологический аппарат нашей работы, описали элементарные простые предложения хантыйского языка, формируемые деструктивными глаголами на материале шурышкарского диалекта, выявили превербы в составе предиката и определили их роль в изменении количества валентностей и формировании структуры и семантики модели предложения.

Опираясь на теоретические исследования по моделированию простого предложения, мы установили, что структурная схема предложения с одним актантом $N_{\text{НОМ}} V_f$ представляет несколько разных моделей: состояния, занятия/деятельности. Структурная схема $N_{\text{НОМ}} V_f$ описывает структурно простейшее элементарное простое предложение, необходимый состав которого ограничен только подлежащим и сказуемым.

На материале хантыйского языка нами выделены основные модели ЭПП, формируемых глаголами деструкции:

- модель состояния одушевленного субъекта;
- модель состояния неодушевленного субъекта;
- модель деятельности.

По типу пропозиции первые две относятся к статальным моделям, а последняя – к акциональным. В статальных моделях субъект-экспериментер пассивен, а в акциональных субъект-агенс активен, действие осуществляется по его воле либо под его контролем.

Нами выделено 5 моделей, с разными семантическими, структурными, структурно-семантическими вариантами, формируемыми глаголами деструкции. Особое место в этой системе занимают двухактантные модели, представляющие семантическую специфику глаголов деструктивного воздействия.

В качестве предикатов модели $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} V_{\text{f subj/obj}}$ выступают около 300 глаголов механической деструкции, выражающих субъектные отношения. Их объединяет семантика процессуальности, которая конкретизируется в ЛСГ теми или иными семами. Системность в сфере ЛСГ глаголов проявляется в семантических отношениях между группами, составляющими одну микросистему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деструктивность как одна из разновидностей действия широко представлена в окружающей нас действительности, она включает в себя значительный слой своеобразной лексики хантыйского языка.

В данном исследовании мы впервые на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка подвергли системному анализу деструктивные глаголы, что позволило выявить словообразовательные и семантические особенности глаголов деструктивного действия.

В результате анализа языкового материала мы выявили следующие существенные признаки деструкции:

- 1) членение, изменение, деформация, разрушение каких-либо объектов и как результат любой деструкции – уничтожение;
- 2) любое изменение структуры чего-либо под воздействием различных сил (механических, физических и т. д.) и невозможность выполнения объектом ранее присущих ему функций;
- 3) разрушение объекта под воздействием температуры, химических (биологических) процессов, микробов, воспринимаемое как саморазрушение.

Деструктивность обладает следующим набором семантических признаков: 1) способ совершения действия; 2) целенаправленность действия; 3) результат; 4) орудие и средство действия; 5) качественная или количественная характеристика объекта воздействия. Внутри ЛСГ глаголы деструктивной семантики объединяются и противопоставляются по этим признакам.

Основной целью нашей работы мы ставили выявление и описание ЛСГ ГДД и моделей элементарных простых предложений, которые они формируют на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка. В соответствии с поставленной целью исследования выявлены и описаны ЛСГ ГД и модели ЭПП, формируемых глаголами деструкции на материале шурышкарского диалекта.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- выявлен список глаголов деструкции;
- всесторонне описана семантика данной группы глаголов;
- описана лексическая сочетаемость деструктивных глаголов;
- дана лексико-семантическая классификация ГД;
- в составе предиката выявлены превербы, которые присоединяясь к глаголу, модифицируют семантику глагола и позволяют изменять число глагольных валентностей.
- описаны ЭПП шурышкарского диалекта хантыйского языка с предикатами деструкции и определен их конечный инвентарь.

В нашем исследовании предложен один из путей исследования лексической системы хантыйского языка – описано ее звено, представленное единицами деструктивной семантики, которые являются наиболее употребительными в современном хантыйском языке.

Как показали наши материалы, глаголы деструкции обладают сложной семантической структурой, содержащей общее значение, которое объединяет все лексико-семантические варианты в единую систему.

Мы собрали фактический материал по глаголам деструкции, используя источники литературной, разговорной и диалектной речи. Наша картотека составила более 4000 карточек с различными вариантами деструктивных глаголов. Мы зафиксировали 415 глаголов деструктивного действия в хантыйском языке на материале шурышкарского диалекта. Анализ структурно-семантического строения позволил нам выявить классификацию данных глаголов по ЛСГ. Глаголы деструкции мы разделили на три подгруппы:

- 1) глаголы температурной деструкции – 4 глагола;
- 2) глаголы химической (биологической) деструкции – 60 глаголов;
- 3) глаголы механической деструкции – 350 глаголов.

Глаголы температурного разрушения немногочисленны.

В группу химической (биологической) деструкции мы включили также глаголы окончания бытия человека и животного.

Наиболее распространённый тип разрушения называют глаголы механической деструкции объекта. В данную подгруппу мы включили:

- глаголы со значением очищения, обработки объекта – 33 глагола;
- глаголы со значением нанесения удара – 30 глаголов;
- глаголы с семой давления на объект – 14 глаголов;
- глаголы с семой разделения и отделения объекта – 130 глаголов;
- глаголы со значением «уничтожить что-либо деструктивным воздействием» – 16 глаголов;
- глаголы со значением лишения жизни живого существа – 30 глаголов;
- глаголы самопроизвольного разрушения – 98 глаголов.

На фоне казымского диалекта ярче видна специфика деструктивных глаголов шурышкарского диалекта, она выражается в том, что существуют фонетические различия между этими диалектами, ЛСГ глаголов деструкции обоих диалектов отличается количеством, составом лексических единиц, ЛСВ, лексической сочетаемостью, количеством превербов.

Основная часть единиц лексико-семантических групп деструктивных глаголов обоих диалектов совпадает, кроме некоторых лексем, которые в шурышкарском диалекте не встретились, например: *loŋxittī* ‘колоть, рубить’, *šakantī* ‘задохнуться, захлебнуться’, *nōxtī* ‘околеть’, *kārlətī* ‘околеть’, *rawmətī* ‘умереть’ (букв.: распасться на мелкие частицы), *xānemətī* ‘скоропостижно умереть’ (букв.: спрятаться), *xōremətī* ‘умереть’ (букв.: отвалиться, отломиться (о коре дерева)), *šawərmətī* ‘скончаться’ (с оттенком сожаления), *tōrəntī* ‘пропасть (умереть)’.

Система моделей хантыйского языка занимает особое место среди моделей ЭПП русского и тюркских языков Сибири, в силу

структурных, семантических, грамматических особенностей глаголов, а также особенностей синтаксической сочетаемости слов.

В пропозициях моделей ЭПП выделяются следующие разновидности субъектов-актантов: экспериенцер, актант субъектного типа, лицо, носитель состояния; агенс – актант субъектного типа, лицо, активно осуществляющее ситуацию; сила – актант субъектного типа, стихия, артефакт, находящиеся в самопроизвольном процессе; объектив, или пациенс – актант субъектного типа, предмет, появившийся в результате осуществления действия.

Модели деструктивных глаголов и их варианты, связанные определенными формальными и содержательными отношениями, представляют собою систему. В хантыйском языке шурышкарского диалекта нами выявлены простые предложения, конституируемые деструктивными глаголами, которые могут быть одно-, двух-, трех- актантными. Мы выделили 5 моделей, 3 семантических варианта, формируемых глаголами деструкции, они служат основой для формирования большого количества разнообразных вариантов моделей ЭПП с предикатами деструкции, являющихся зачастую индивидуальными для хантыйского языка.

Одноактантные предложения, формируемые схемой $N_{\text{NOM}} V_f$ subj необходимый состав которых органичен только подлежащим и сказуемым, обнаруживают разнообразие выражаемых ими пропозиций. На материале деструктивных глаголов шурышкарского диалекта хантыйского языка нами выделено: 1) модель состояния одушевленного субъекта; 2) модель состояния неодушевленного субъекта; 3) модель деятельности. По типу пропозиции первые две относятся к статальным моделям, а последняя – к акциональным. В статальных моделях субъект – экспериенцер пассивен, а в акциональных субъект – агенс активен, действие осуществляется по его воле либо под его контролем.

Особое место в этой системе занимают двухактантные модели, представляющие семантическую специфику глаголов деструктивного воздействия.

Как показывает исследование, модели ЭПП глаголов деструктивного воздействия варьируют разносторонне: структурно, грамматически, семантически. Структурное варьирование модели проявляется в наличии структурного варианта $N_{\text{NOM}} (N_{\text{DAT}} V_{\text{subj}})$, в котором предикат представлен словосочетанием.

Грамматическое варьирование модели зависит от различных средств выражения ее компонентов. Например, в ЭПП со структурной схемой $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} V_{\text{f subj/obj}}$ позицию субъекта замещают слова активной семантики, предполагающие, имеющие способность к действию. Это слова, обозначающие людей и указывающие на них: личные и указательные местоимения, нарицательные существительные с семантикой лица, термины родства (с лично-притяжательным оформлением), личные имена; в позиции объекта-деструктива – предмет или лицо, который подвергается уничтожению или разрушению; предикат может быть выражен в двух типах спряжения – субъектном и объектном. Значение предиката может зависеть от глагольных превербов и от суффиксов, которые, встраиваясь в глагол, изменяют семантику и структуру предложения.

Под семантическими вариантами модели понимаются такие построения, которые могут иметь в своем составе семантические различия предиката и субъектного актанта, не влияющие на смысл предложения. Семантическое варьирование моделей проявляется в разных типах субъектных актантов (живое существо, артефакт) и различных типах предикатов, обозначающих состояние и действие.

Таким образом, мы выявили, что система склонения шурышкарского диалекта хантыйского языка (три падежа) позволяет иметь небольшое количество ЭПП с предикатами деструкции, это способствует развитию большого количества семантических вариантов ЭПП с глаголами деструкции.

ЭПП, формируемые ГД допускают метафоризацию, перенос из физической сферы в социальную, психическую, интеллектуальную и эмоциональную. Например, в структурной схеме $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} V_{\text{f subj/obj}}$ происходит переход из физической сферы: *Ma toni' xörtem* ‘Я

снимаю бересту с березы»; *Kutəp jajəl nuxəs xōrəl* ‘Средний из братьев снимает шкуру с соболя’; в социальную: *Un xojatləw ox ponlət, jir xōrlət* ‘Мудрые люди молятся, приносят жертву’.

Благодаря свернутой падежной системе, структурные и семантические типы ЭПП хантыйского языка обладают широкой полисемией, а также омонимией и синонимией.

По структурной схеме $N_{\text{NOM}} V_{\text{f subj}}$ построены модель состояния живого существа, модель состояния натурфакта, модель состояния артефакта. Данные глаголы биологического (химического разрушения) разрушения: *xāl-* ‘сдохнуть,дохнуть,погибнуть’, *šāk-* ‘испортиться,становитьсякислым,протухнуть’, *pār-* ‘умереть,погибнуть(очеловеке);проходить’, развивают многозначность за счет особой для рассматриваемого диалекта лексической сочетаемости слов, а также метафорических переносов в разные сферы: физическую, эмоциональную, психическую, интеллектуальную, физиологическую. При переходе из одной сферы в другую накладывается ограничение на употребление спряжения глагола, поэтому возможно только субъектное спряжение. Так, например, глагол *šāk-*, формирует модель состояния артефакта: *Xulem šākəs* ‘Рыба=моя скисла’; модель состояния натурфакта: *Turəm šākəs* ‘Погода испортилась’, а также переход в эмоциональную сферу: *Nompsem šākəs* ‘Настроение испортилось’, *Lipem maļi wōlli šākəs* ‘Настроение=мое испортилось (букв.: душа=моя испортилась)’, *Xalew nompsəl šākəs pa xōllatī pitəs* ‘У халяя настроение испортилось и плакать стал’; в физиологическую сферу: *Semlam šāksət* ‘Зрение=мое испортилось’;

Отношения омонимии наблюдаются, например, в модели физического состояния человека: *Mušəl kulməs* ‘Болезнь осложнилась’; *Ox welmem xōl kulməs* ‘Мозги растерялись (голова не соображает)’ и модели состояния артефакта: *Jernāsem kulməs* ‘Платье порвалось (разошлось по швам)’, *Uxəl kulməs* ‘Нарта развалилась’, *Larašəl lakki kuləpmaļ* ‘Ящик=его развалился’, *Hošapem kuləmtəs* ‘Коробка развалилась’.

Синонимичны модели стательной семантики (модель состояния артефакта, модель состояния человека), например: *Lońś lōlal* ‘Снег тает’, *Nopsem lōlal* ‘Настроение=мое улучшается’.

В заключении отметим своеобразную черту глаголов этой лексико-семантической группы. Многие деструктивные глаголы хантыйского языка, могут совмещать противоположные значения – «разрушать» и «создавать». Это так называемые «сложные глаголы» (по терминологии Э. В. Кузнецовой). Такие глаголы называют действие, при которых разрушение – неизбежный способ достигнуть какого-то созидательного результата. У деструктивных глаголов хантыйского языка значение созидания обнаруживается в том случае, когда они называют действия, приводящие к появлению новых предметов. Например, структурная схема $N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}}$ $V_{\text{f sub/obj}}$ представляет полисемию модели разрушительного действия и модели созидательного действия: *Antap keł olaŋlal iši kūrāŋ woj oŋat eltī nōxərmal* ‘Ручку для люльки (колыбели) тоже из лосиных рогов выстрогал’; *Ma jaləp jernas wańśəslem* ‘Я новое платье крою’, *Aŋkem xūt šōməltəl* ‘Мама рыбу надрезает (делает šuməx)’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, С. Н. Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгуртском языке [Текст] / С. Н. Абдуллаев. – Каракол : Изд-во Иссык-Кульского гос. пед. ун-та, 1992. – 98 с.

2. Абукаева, Л. А. Экспрессивные синтаксические конструкции в марийском языке : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.22 [Текст] / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола, 2005. – 46 с.

3. Алатырёв, В. И. Краткий очерк удмуртского языка [Текст] / В. И. Алатырёв. – Ижевск, 1983. – 591 с.

4. Анищева, О. Н. Типология объективной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / О. Н. Анищева. – М., 1981. – 19 с.

5. Апресян, Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова [Текст] / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973. – С. 279–325.

6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимичные средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 346 с.

7. Арзуманова, Н. Г. Глаголы со значением «бить, ударять» в северных говорах (анализ семантической структуры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Н. Г. Арзуманова. – Л., 1979. – 21 с.

8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М., 1974. – С. 158–171.

9. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М., 1957. – 295 с.

10. Ахматов, И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в карачево-балкарском языке [Текст] / И. Х. Ахматов. – Нальчик : Эльбрус, 1983. – 360 с.

11. Байдак, А. В. Глагольное управление в селькупском языке : дис. канд. ... филол. наук : 10.02.22 [Текст] / А. В. Байдак. – Томск, 2001. – 133 с.

12. Байжанова, Н. Р. Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N_1 \vee_f$ в алтайском языке : дис. канд. ... филол. наук : 10.02.02 [Текст] / Н. Р. Байжанова. – Новосибирск, 1999. – 158 с.

13. Баландин, А. Н. Самоучитель мансийского языка [Текст] / А. Н. Баландин. – Л. : Учпедгиз, 1960. – 248 с.

14. Батков, Г. И. Многозначность глагольных имен действия в эрзянском языке [Текст] / Г. И. Батков // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. – Петрозаводск, 1974. – С. 104–105.

15. Белошাপкова, В. А. Деривационная парадигма предложения [Текст] / В. А. Белошاپкова, Т. В. Шмелева // Вестник МГУ. – 1981. – № 2. – С. 46–51.

16. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения [Текст] / В. В. Богданов. – Л., 1977. – 204 с.

17. Бураихи, Ф. К. Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке : системные и функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Ф. К. Бураихи. – Воронеж, 2011. – 138 с.

18. Бурькин, А. А. Конструктивные особенности деструктивных глаголов в эвенском языке [Текст] / А. А. Бурькин // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. – С. 27–35.

19. Вальгамова, С. И. Глагольное словообразование в хантыйском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 [Текст] / С. И. Вальгамова. – Новосибирск, 2002. – 220 с.

20. Валько, О. В. Фрейм деструктивного действия и особенности его актуализации: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. [Текст] В Валько. – Кемерово, 2005. – 190 с.

21. Васикова, Л. П. Сложные предложения в современном марийском литературном языке : структурные схемы предложений. Сложносочиненные предложения [Текст] / Л. П. Васикова. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1982. – 371 с.

22. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола [Текст] / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1981. – 184 с.

23. Всеволодова, М. В. Проблемы синтаксической парадигматики : коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума) [Текст] / М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. – М., 1997. – С. 6–19.

24. Всеволодова, М. В. Практикум по курсу функционально-коммуникативный синтаксис [Текст] / М. В. Всеволодова. – М., 1995. – 112 с.

25. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. 501 с.

26. Герасимова, Д. В. Глагольные приставки в мансийском языке [Текст] / Д. В. Герасимова // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – СПб., 1999. – С. 56–63.

27. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1970. – 768 с.

28. Даугатс, Э. Ю. Исследование семантической области слов, выражающих понятие «прекращение жизни человека» в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Э. Ю. Даугатс. – Минск, 1973. – 189 с.

29. Долгополова, Е. Л. Функционально-семантическое поле орудийности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. Л. Долгополова. – Ташкент, 1988. – 19 с.

30. Жираи, М. Обско-угорские приставки [Текст] / М. Жираи. – Будапешт, 1933. – 346 с.

31. Жолобов, С. И. Семантика и функционирование английских глаголов, обозначающих определенно-направленное перемещение в пространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С. И. Жолобов. – Калинин, 1984. – 15 с.

32. Золотова, Г. А. О роли семантики в актуальном членении предложения [Текст] / Г. А. Золотова // Виноградовские чтения. Русский язык в его истории и современном состоянии. – М., 1978. – С. 142–154.

33. Золотова, Г. А. О структуре некоторых типов русских предложений со значением восприятия [Текст] / Г. А. Золотова // *Cahiers de Linguistique Slave*. – Grenoble, 1979. – Vol. V.

34. Золотова, Г. А. О субъекте предложения в современном русском языке [Текст] / Г. А. Золотова // *Филологические науки*. – 1981. – № 1. – С. 33–42.

35. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. М., 1973. – С. 142–157.

36. Золотова, Т. Я. Сочетаемость русских глаголов преобразующего физического воздействия на объект : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. Я. Золотова. – М., 1979. – 18 с.

37. Ивлиев, И. В. Лексикографическое описание глаголов со значением лишения жизни в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И. В. Ивлиев. – М., 1999. – 21 с.

38. Иштван, Т. В мире глагольных приставок / Т. Иштван // *Вестник угроведения : науч. и культурно-просветит. журн.* – Ханты-Мансийск : Икар, 2005. – № 1. – С. 177–184.

39. Каксин, А. Д. К вопросу о глаголах восприятия в хантыйском языке [Текст] / А. Д. Каксин, М. Д. Чертыкова // *Мат-лы VI Конгресса этнографов и антропологов России (28 июня – 2 июля 2005 г., Санкт-Петербург)*. – СПб., 2005. – С. 473.

40. Каксин, А. Д. О глаголах потребления пищи в хантыйском языке [Текст] / А. Д. Каксин // *Исследование языков народов РФ в свете новых лингвистических парадигм : теория и практика : сб. тр. Всерос. науч.-практич. конф. (15 июля 2007 г., г. Стерлитамак)*. – Уфа : Гилем, 2008. – С. 147–150.

41. Каксин, А. Д. О лексико-семантической группе глаголов эмоции (на примере хакасского и хантыйского языков) [Текст] / А. Д. Каксин, М. Д. Чертыкова // *Урал – Алтай: через века в будущее : мат-лы Всерос. науч. конф. (1–5 июня 2005 г., Уфа)*. – Уфа, 2005. – С. 47–50.

42. Каксин, А. Д. Сочетаемость глаголов говорения в хантыйском языке [Текст] / А. Д. Каксин // *Мат-лы научно-практической конференции с международным участием «Соро-*

дичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...» (23 января 2007 г. Ханты-Мансийск) / Югор. гос. ун-т. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 216–221.

43. Кашкарова, О. В. Фрейм «разрушение» и его репрезентация глагольными лексемами в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. В. Кашкарова. – Белгород, 2006. – 182 с.

44. Кильдибекова, Т. А. Структура поля глаголов действия [Текст] / Т. А. Кильдибекова. – Уфа, 1983. – 75 с.

45. Клеопатрова, Л. Ф. ЛСГ глаголов разъединения в современном русском языке : автореф. ... дис. д-ра филол. наук [Текст] / Л. Ф. Клеопатрова. – Воронеж, 1982. – 23 с.

46. Клиническая психология : словарь [Текст] / под ред. Н. Д. Твороговой. – М. : Пер Сэ, 2006. – 252 с.

47. Копыленко, М. М. Об объеме и методах фразеологии как научной дисциплины [Текст] / М. М. Копыленко // Вопросы фразеологии : сб. ст. – Ташкент : Наука, 1965. – С. 53–62.

48. Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе [Текст] / Т. Котарбинский. – М., 1975. – 271 с.

49. Кочеваткина, А. П. Категория одушевленности-неодушевленности в финно-угорских языках волжской группы : дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / А. П. Кочеваткина. – Саранск, 2004. – 269 с.

50. Кошкарева, Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири : дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н. Б. Кошкарева. – Новосибирск, 2007. – 386 с.

51. Кубрякова, Е. С. Когнитивный взгляд на природу частей речи [Текст] / Е. С. Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст. : сб.ст. – М. : Отд-ние лит. и яз. РАН, 1996. – С. 218–224.

52. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.

53. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов [Текст] / Э. В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 215 с.

54. Кузнецова, Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов (К вопросу о природе ЛСГ) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Э. В. Кузнецова. – Свердловск, 1974. – 44 с.

55. Кузьмина, С. Е. Семантика английских глаголов со значением уничтожения : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С. Е. Кузьмина. – Нижний Новгород, 2006. – 224 с.

56. Кулакова, Н. А. Семантическая корреляция слов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках : на материале глагола : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. А. Кулакова. – Саранск, 2001. – 233 с.

57. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

58. Лебедева, А. Л. Семантика и функционирование предложений с глаголами касания: на материале русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. Л. Лебедева. – Воронеж, 2009. – 165 с.

59. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики [Текст] / А. Л. Лебедева. – Томск, 1999. – 262 с.

60. Лельхова, Ф. М. Глаголы со значением «спускаться вниз» в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник урovedения. – 2011. – № 1. – С. 30–36.

61. Лельхова, Ф. М. Глаголы со значением вертикального движения в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Финно-угорский мир. – 2013. – № 4. – С. 18–21.

62. Лельхова, Ф. М. Глаголы со значением ‘спускаться вниз’ в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник урovedения. – 2013. – № 1. – С. 52–57.

63. Лельхова, Ф. М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта)

[Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник угроведения. – 2014. – № 1. – С. 52–57.

64. Лельхова, Ф. М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник угроведения. – 2011. – № 1. – С. 30–37.

65. Лельхова, Ф. М. Семантика глаголов движения по воде в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4, Т. 4. – С. 33–36.

66. Лельхова, Ф. М. Семантическая структура глаголов движения питты, рэкэнты ‘падать’ в хантыйском языке [Текст] / Ф. М. Лельхова // Вестник угроведения. – 2013. – № 4. – С. 52–57.

67. Ломтев, Т. П. Общее и русское языкознание [Текст] / Т. П. Ломтев. – М., 1976. – 384 с.

68. Ломтев, Т. П. Принципы построения формулы предложения [Текст] / Т. П. Ломтев // Научные доклады высшей школы. Филологические науки – 1969. – № 5. – С. 56–58.

69. Лыскова, Н. А. Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. А. Лыскова. – Тарту, 1988. – 18 с.

70. Лыскова, Н. А. Семантика падежа в обско-угорских языках [Текст] / Н. А. Лыскова. – СПб., 2003. – 248 с.

71. Лыскова, Н. А. Семантический аспект синтаксиса имени существительного в обско-угорских языках [Текст] / Н. А. Лыскова. – СПб. : Образование, 1996. – 97 с.

72. Лыткин, В. И. Краткий очерк грамматики коми языка // Коми-русский словарь [Текст] / В. И. Лыткин, Д. А. Тимушев. – М., 1961. – С. 837–923.

73. Майтинская, К. Е. Венгерский язык [Текст] / К. Е. Майтинская. – М., 1955. – 226 с.

74. Мальцева, А. А. Динамика языкового развития и социальный статус языка (на материале чукотско-корякских языков) : избр. материалы междунаро. конф. «XXVI Дульзонские чтения» [Текст] / А. А. Мальцева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – Вып. № 1. – С. 64–69.

75. Мещанинов, И. И. Глагол [Текст] / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1982. – 272 с.

76. Молданова, И. А. Семантика глаголов с префиксом ара и формируемые ими модели в хантыйском языке [Текст] / И. А. Молданова // XXV международ. науч. конф. студентов финно-угроведов IFUSCO. (14–16 мая 2009 г., Петрозаводск, Республика Карелия) : материалы конф. / Федер. агентство по образованию, М-во РК по делам нац. политики и связи с религиозными объединениями, ГОУВПО «КГПУ», ГОУВПО «ПетрГУ». – Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2009. – С. 32–33.

77. Молданова, И. А. Семантика глаголов с префиксом лап [Текст] / И. А. Молданова // Материалы III научно-практической конференции, посвященной памяти А. А. Дунина-Горкавича. – Нижневартовск : Изд. дом «Югорский», 2008. – С. 71.

78. Молданова, С. П. Хантыйский язык : учеб. и книга для чтения для 3-го класса (на языке шурышкарских ханты) [Текст] / С. П. Молданова, Е. А. Немысова. – Л. : Просвещение, 1988. – 195 с.

79. Мосин, М. В. Мордовско-эстонские лексические отношения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Мосин. – Тарту, 1971. – 18 с.

80. Мосин, М. В. Финно-угорская лексика (мордовско-прибалтийско-финские лексико-семантические общности и расхождения) [Текст] / М. В. Мосин // Финно-угристика / М. В. Мосин. – Саранск, 1979. – Вып. 2. – С. 65–81.

81. Нахрачёва, Г. Л. Глаголы со значением «давления на объект» в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Вестник угроведения. – 2011. – № 3. – С. 31–32.

82. Нахрачёва, Г. Л. Глаголы со значением разделения и отделения объекта в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Вестник угроведения. – 2011. – № 2. – С. 49–51.

83. Нахрачёва, Г. Л. Глагольные превербы, формирующие деструктивные глаголы в хантыйском языке (на материале шу-

рышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Казымские чтения : материалы науч.-практич. конф. / под ред. Е. А. Игушева, Т. А. Молдановой, Ф. М. Лельховой. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ 2010. – С. 116–120.

84. Нахрачёва, Г. Л. Деструктивная лексика хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура : материалы региональной студенческой науч.-практич. конф. (г. Ханты-Мансийск, 20 апреля 2007 г.) / Югорский гос. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 72–75.

85. Нахрачёва, Г. Л. История изучения глагольных превращений в финно-угорском языкознании [Текст] / Г. Л. Нахрачева // В мире научных открытий. – 2014. – № 1/2. – С. 1131–1156.

86. Нахрачёва, Г. Л. Классификация ЛСГ глаголов деструктивного воздействия на объект в хантыйском языке [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 91–99.

87. Нахрачёва, Г. Л. Лексико-семантическая группа глаголов деструкции со значением «лишить жизни» в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Актуальные научные проблемы : сб. науч. тр. – Екатеринбург : ИП Бируля Н.И., 2011. – С. 96–97.

88. Нахрачёва, Г. Л. Лексико-семантическая группа глаголов разрушения со значением прекращения бытия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта): структура и функционирование [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Молодёжь Сибири – науке России : материалы междунар. науч.-практич. конф. / сост. Т. А. Кравченко ; НОУ Сибир. Ин-т бизнеса, управления и психологии. – Красноярск, 2011. – Ч. II. – С. 133–135.

89. Нахрачёва, Г. Л. Лексическая сочетаемость деструктивных глаголов хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Вестник угроведения. – 2013. – № 3. – С. 79–82.

90. Нахрачёва, Г. Л. О провербах хантыйского языка [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Вестник угроведения. – 2014. – № 1. – С. 58–62.

91. Нахрачёва, Г. Л. Семантика глаголов физического воздействия со значением нанесения удара в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // Вестник угроведения. – 2011. – № 1. – С. 38–42.

92. Нахрачёва, Г. Л. Семантическая характеристика глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале текстов, записанных на шурышкарском диалекте) [Текст] / Г. Л. Нахрачева // В мире научных открытий. – 2014. – № 1/2. – С. 1114–1130.

93. Невская, И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / И. А. Невская. – Новосибирск, 2005. – 45 с.

94. Онина, С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка : словарный состав, связанный с оленеводством [Текст] / С. В. Онина. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т. 2003. – 154 с.

95. Онина, С. В. Специфика словообразования оленеводческих лексем в хантыйском языке [Текст] / С. В. Онина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2. – С. 129–134.

96. Орзаева, Л. Н. Развитие лексики марийского литературного языка во второй половине XX века : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Л. Н. Орзаева. – Йошкар-Ола, 2007. – 172 с.

97. Падучева, Е. В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия [Текст] / Е. В. Падучева. – М., 1992. – С. 69–77.

98. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

99. Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка. Словарь-справочник [Текст] / сост. Т. И. Анисимова,

З. Э. Иванова, Р. В. Ульянко ; под ред. Т. П. Плещенко, Л. Ф. Саковец. – Минск, 1975. – 304 с.

100. Потапенко, Т. А. Лексико-семантическая характеристика глаголов с общим значением разрушительного воздействия на объект [Текст] / Т. А. Потапенко // Филологические науки. – 1983. – № 2. – С. 50–56.

101. Потапенко, Т. А. ЛСГ глаголов разрушительного воздействия на объект в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. А. Потапенко. – И., 1978. – 208 с.

102. Прокопов, В. В. Основные ЛСГ русских глаголов [Текст] / В. В. Прокопов. – Самарканд, 1945. – 183 с.

103. Разова, Е. В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Разова. – Вологда, 2003. – 178 с.

104. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М., 1985. – 400 с.

105. Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский язык) [Текст] / Е. И. Ромбандеева. М. : Изд-во «Наука», 1973. – С. 203.

106. Ромбандеева, Е. И. Мансийский язык : учеб. для пед. училищ [Текст] / Е. И. Ромбандеева, М. П. Вахрушева. – Л. : Просвещение, 1989. – 239 с.

107. Русская грамматика [Текст]. – М. : Наука, 1980. – 754 с.

108. Русская, Ю. Н. О некоторых особенностях падежной системы приуральского говора хантыйского языка [Текст] / Ю. Н. Русская // Вопросы финно-угорского языкознания : к 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. – Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 257–264.

109. Русская, Ю. Н. Самоучитель хантыйского языка [Текст] / Ю. Н. Русская. – Л., 1961. – 256 с.

110. Рябов, И. Н. Словообразовательные отношения между частями речи в эрзянском языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И. Н. Рябов – Саранск, 2000. – 166 с.

111. Сагаан, Н. Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. Я. Сагаан. – Новосибирск, 1998. – 198 с.

112. Сайнахова, М. К. Пространственные приставки в мансийском языке [Текст] / М. К. Сайнахова // Материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти и 55-летию со дня рождения А. А. Дунина-Горкавича. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 28–29.

113. Сайнахова, М. К. Префиксальное словообразование в мансийском и русском языках [Текст] / М. К. Сайнахова // Языки и культура народов Югры : материалы регион. студ. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 117–120.

114. Сайнахова, М. К. Префиксальный способ словообразования в мансийском языке [Текст] / М. К. Сайнахова // Природные богатства Югры в культуре обских угров / Под ред. Т. В. Волдиной. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – С. 139–144.

115. Серээдар, Н. Ч. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири [Текст] / Н. Ч. Серээдар, М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник. – Новосибирск, 1996.

116. Серээдер, Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. Ч. Серээдер. – Новосибирск, 1995. – 21 с.

117. Скорнякова, Р. М. Лексико-фразеологические поля с общим значением «разрушение» в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Р. М. Скорнякова. – Л., 1987. – 18 с.

118. Скребцова, Т. Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. Г. Скребцова. – СПб., 1996. – 220 с.

119. Скрибник, Е. К. К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке (предложения с именным

сказуемым) [Текст] / Е. К. Скрибник // Системность на разных уровнях языка (на материале языков Сибири). – Новосибирск, 1990. – С. 95–125.

120. Слюсарева, С. В. Синонимичный ряд глаголов, объединенных значением DESTROY – РАЗРУШАТЬ в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С. В. Слюсарева. – Л., 1974. – 36 с.

121. Современный русский язык [Текст] / Под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высшая школа, 1981. – С. 438.

122. Соловар, В. Н. Глаголы с семантикой обладания, приобретения и формируемые ими модели элементарных простых предложений в хантыйском языке [Текст] / В. Н. Соловар // Актуальные проблемы разработки учебно-методических комплектов по хантыйскому и мансийскому языкам, литературе и культуре : материалы окр. науч.-практич. конф. – Ханты-Мансийск, 2007. – С. 79–84.

123. Соловар, В. Н. Двухактантные простые предложения с предикатами-глаголами речи в казымском диалекте хантыйского языка [Текст] / В. Н. Соловар // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 2. Филология. – С. 44–49.

124. Соловар, В. Н. Двухактантные простые предложения с предикатами-глаголами речи в казымском диалекте хантыйского языка [Текст] / В. Н. Соловар // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. – № 4. – С. 49–52.

125. Соловар, В. Н. Лексикографическое описание хантыйского глагола вэ́рты 'делать' с опорой на синтаксические и морфологические свойства (на материале казымского диалекта) [Текст] / В. Н. Соловар // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск. – 2005. – Вып. 16. – С. 28–33.

126. Соловар, В. Н. Лексико-семантическая группа глаголов звучания и формируемая ими одноактантная модель ЭПП в хантыйском языке [Текст] / В. Н. Соловар // Языки коренных народов Сибири. – 2007. – Вып. 19. – С. 179–183.

127. Соловар, В. Н. Одноактантные элементарные простые предложения с семантикой движения в хантыйском языке [Текст] / В. Н. Соловар // Известия УрГУ. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4. – С. 54–61.

128. Соловар, В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) [Текст] / В. Н. Соловар. – Новосибирск, 2009. – 264 с.

129. Соловар, В. Н. Семантика глаголов перемещения и формируемые ими элементарные простые предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) [Текст] / В. Н. Соловар // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 45–49.

130. Соловар, В. Н. Семантика глаголов прикосновения и формируемые ими элементарные простые предложения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) [Текст] / В. Н. Соловар // Языковые контакты народов Поволжья : актуальные проблемы морфологии и синтаксиса : материалы IX Междунар. симпозиума (Саранск, 13–15 июня 2013 г.) / под ред. М. В. Мосин [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 216–220.

131. Соловар, В. Н. Структурно-семантическая организация двухактантной модели с глаголами, выражающими направление [Текст] / В. Н. Соловар // Финно-угроведение. – 2002. – № 2. – С. 32–42.

132. Соловар, В. Н. Структурно-семантические типы простых предложений казымского диалекта хантыйского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. Н. Соловар. – Новосибирск, 1991. – 16 с.

133. Соловар, В. Н. Трехактантные простые предложения с предикатами-глаголами речи в казымском диалекте хантыйского языка [Текст] / В. Н. Соловар // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2007. – Том 6, вып. 2. Филология. – С. 44–49.

134. Степанова, В. В. К определению типовой лексической сочетаемости класса имен / В. В. Степанова // Исследования по русскому языку. – Ленинград, 1971. – С. 3–20.

135. Суббота, К. А. Словообразование глаголов в казымском говоре ижемского диалекта коми языка [Текст] / К. А. Суббота // Материалы научно-практической конференции с международным участием «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...» посвященной юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной), 23 янв. 2007 г. / Югор. гос. ун-т. – Ханты-Мансийск : ОАО «Информ-изд. ц-р», 2009. – С. 341–346.

136. Суванова, Э. Х. Лексико-семантическая классификация непроеизводных глаголов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Э. Х. Суванова. – М., 1985. – 18 с.

137. Султанова, А. П. Глаголы деструкции в русском и английском языках [Текст] / А. П. Султанова // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы : Международ. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.) : труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 89–90.

138. Султанова, А. П. Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. П. Султанова. – Казань, 2008. – 317 с.

139. Талигина, Н. М. Концепт *jiŋk* 'вода' в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) [Текст] / Н. М. Талигина // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа : Уральские языки Севера Сибири. – 2008. – Вып. 6. – С. 157–162.

140. Телякова, В. М. Простое предложение в шорском языке: (в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. М. Телякова. – Новосибирск, 1994. – 28 с.

141. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса [Текст] / Л. Теньер. – М., 1988. – 656 с.

142. Терешкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов [Текст] / Н. И. Терешкин. – Л. : Наука, 1981. – 544 с.

143. Тыбикова, А. Т. Исследование по синтаксису алтайского языка: простое предложение [Текст] / А. Т. Тыбикова. – Новосибирск, 1991. – 225 с.

144. Фаткуллина, Ф. Г. Деструктивная лексика в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Ф. Г. Фаткуллина. – Уфа, 2002. – 54 с.

145. Фаткуллина, Ф. Г. Концепт «Деструкция» и способы его представления в русском языке [Текст] / Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. – 2010. – № 3. – С. 57–66.

146. Фаткуллина, Ф. Г. О деструктивной лексике русского языка [Текст] / Ф. Г. Фаткуллина. – Уфа, 2006. – 307 с.

147. Федотова, О. В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «прикосновение» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. В. Федотова. – Белгород : БГУ, 2007. – 19 с.

148. Фрейд, З. Психоаналитические этюды [Текст] / З. Фрейд. – Минск : Попурри, 1997. – 606 с.

149. Хантыйский (остяцкий) язык // Stenitz, W. Ostjakologische Arbeiten. – Budapest, 1980. – Bd. 4. – С. 5–62.

150. Хантыйский язык : учеб. для уч-ся пед. училищ / А. М. Сенгепов, Е. А. Немысова, С. П. Молданова [и др.] ; под ред. Е. А. Немысовой. – Л. : Просвещение, 1988. – 224 с.

151. Цыганкин, Д. В. Морфемика и словообразование мордовских языков : учеб. пособие [Текст] / Д. В. Цыганкин. – Саранск, 2006. – 60 с.

152. Цыганкин, Д. В. Основные тенденции развития мордовских языков / Д. В. Цыганкин // Межвуз. сб. науч. тр. Мордов. гос. ун-та. – Саранск, 1985. – С. 4–9.

153. Цыпкайкина, В. П. Эрзя-мордовская глагольная диалектная лексика : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. П. Цыпкайкина. – Тарту, 1987. – 18 с.

154. Черемисина М. И. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем [Текст] / М. И. Черемисина, В. Н. Соловар // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. – Новосибирск : Наука, 1991. – С. 66–84.

155. Черемисина, М. И. Выражение сравнения в хантыйском языке [Текст] / М. И. Черемисина, В. Н. Соловар // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – Вып. 2. – С. 23–39.

156. Черемисина, М. И. Исследование предложения в языках Сибири [Текст] / М. И. Черемисина // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4. – С. 63–68.

157. Черемисина, М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири [Текст] / М. И. Черемисина // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 3–30.

158. Черемисина, М. И. К проблеме моделирования предложений наличия/отсутствия в русском языке [Текст] / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 3–9.

159. Черемисина, М. И. К проблеме синтаксического статуса некоторых не вполне сложных конструкций [Текст] / М. И. Черемисина // Системность на разных уровнях языка (на материале языков Сибири). – Новосибирск, 1990. – С. 3–23.

160. Черемисина, М. И. Модель (гипермодель) описания действия $\{N=1 N=4 (N=7) U^{\wedge}\}$ [Текст] / М. И. Черемисина // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 4. – С. 35–60.

161. Черемисина, М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения [Текст] / М. И. Черемисина. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979. 82 с.

162. Черемисина, М. И. О моделировании простых предложений [Текст] / М. И. Черемисина // Актуальные проблемы филологии : тезисы. – Усть-Каменогорск, 1993. – Вып. 1. – С. 64–65.

163. Черемисина, М. И. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири [Текст] / М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 4. – С. 46–57.

164. Черемисина, М. И. О системе спряжения хантыйского глагола [Текст] / М. И. Черемисина // Языки народов Севера Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 3–19.

165. Черемисина, М. И. О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) [Текст] / М. И. Черемисина // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1995. – Вып. 1. – С. 3–21.

166. Черемисина, М. И. О структурной модели и семантике предложения [Текст] / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск : НГУ, 1994. – С. 107–119.

167. Черемисина, М. И. О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири [Текст] / М. И. Черемисина // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 1993. – С. 11–12.

168. Черемисина, М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений [Текст] / М. И. Черемисина // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 3–18.

169. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения [Текст] / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск, 1987. – С. 77–82.

170. Черемисина, М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка [Текст] / М. И. Черемисина // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2003. – Вып. 11. – С. 3–29.

171. Черемисина, М. И. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение [Текст] / М. И. Черемисина, А. А. Озонова. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2005. – 166 с.

172. Черемисина, М. И. Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения) [Текст] / М. И. Черемисина // Синтаксис алтайских и европейских языков. – Новосибирск, 1981. – С. 3–36.

173. Черемисина, М. И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов [Текст] / М. И. Черемисина // Структурные и функциональные типы сложных предложений. – Новосибирск, 1982. – С. 3–20.

174. Чертыкова, М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект) : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. Д. Чертыкова. – Новосибирск, 1996. – 209 с.

175. Чугунекова, А. Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. Н. Чугунекова. – Новосибирск, 1998. – 19 с.

176. Чудинов, А. П. Сопоставительный анализ каузативных и некаузативных глаголов одной лексико-семантической группы [Текст] / А. П. Чудинов // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск. 1979. – С. 37–43.

177. Шилова, В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. В. Шилова. – Новосибирск : НГУ, 2002. – 286 с.

178. Шиянова, А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) : монография [Текст] / А. А. Шиянова. – Тюмень : ООО «Формат», 2015. – 156 с.

179. Шмелева, Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики [Текст] / Т. В. Шмелева. – М., 1988. – С. 168–202.

180. Шмелева, Т. В. Системность сквозь призму парадигматики [Текст] / Т. В. Шмелева // Парадигматика в лексике и словообразовании. – Красноярск, 1987. – С. 5–20.

181. Штейниц, В. Хантыйский (остяцкий) язык [Текст] / В. Штейниц // Языки и письменность народов Севера. – Л., 1937. – С. 193–227.

182. Юкляева, Л. Р. Лексико-семантические группы глаголов со значением «убить» в русском языке: структура и функционирование [Текст] / Л. Р. Юкляева // Вестник Томского государственного университета. – 2008. № 316. – С. 28–31.

183. Юфкин, Ю. С. Модели простого повествовательного глагольного предложения в мокшанском языке : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю. С. Юфкин. – Саранск, 1985. – 212 с.

184. Языки мира: уральские языки [Текст]. – М., 1993. – С. 7–19.

185. Якушко, Г. Т. Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. Т. Якушко. – Новосибирск, 1997. – 20 с.

186. Nilsen, D. L. F. The Instrumental Case in English: Syntactic and Semantik Consideration / D. L. F. Nilsen. – The Hague ; Paris : Mouton, 1973. – 187 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Steinitz, W. DEWOS Diealektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz. – Berlin, 1966–1991.

2. Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Текст] / Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.

3. Большая советская энциклопедия : в 30 т. [Текст]. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.

4. Большой энциклопедический словарь (БЭС). – М. ; СПб., 1997. – 1434 с.

5. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1976. – 1096 с.

6. Диалектологический словарь хантыйского языка: (шурышкарский и приуральский диалекты) : ок. 3 600 слов [Текст] / С. И. Вальгамова [и др.] ; под ред. Н. Б. Кошкарёвой ; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Екатеринбург : Баско, 2011. – 207 с.

7. Краткий словарь современных понятий и терминов [Текст] / сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. – М., 1993. – 510 с.

8. Лельхова, Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект) [Текст] / Ф. М. Лельхова. – Ханты-Мансийск : ОАО «Изд. дом «Новости Югры», 2012. – 207 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.

10. Нёмысова, Е. А. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (казымский диалект) : 1–4 кл. : учеб. пособие для общеобразоват. учреждений [Текст] / Е. А. Нёмысова, М. А. Рачинская. – СПб. : Просвещение, 2010. – 349 с.

11. Ожегов, С. И. Словарь современного русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.

12. Рандымова, З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект) [Текст] / З. И. Рандымова. – Салехард, 2011. – 96 с.

13. Ругин, Р. П. Най лурат : стихи [Текст] / Р. П. Ругин. – М., 1995. – 99 с.
14. Ругин, Р. П. Энмам асэм путрат [Текст] / Ред. газ. «Красный Север». – Салехард, 1994. – 100 с.
15. Серасхова, Е. Ханты нын эвие : стихи [Текст] / Е. Серасхова. – М. : Загрей, 2008. – 24 с.
16. Скамейко, Р. Р. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.) [Текст] / Р. Р. Скамейко, З. И. Сязи. – СПб. : Просвещение, 1992. – 271 с.
17. Словарь иноязычных выражений и слов [Текст] / под ред. А. М. Бабкина, В. В. Шендецова. – Изд-во АСТ : Астрель : Транзиткнига : Харвест, 2005. – 1472 с.
18. Словарь сочетаемости слов русского языка : ок. 2500 словар. ст. [Текст] / под ред.: П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Рус. яз., 1983. – 688 с.
19. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) [Текст] / В. Н. Соловар. – Тюмень : ООО «Формат», 2014. – 386 с.
20. Соловар, В. Н. Ханты путрат [Текст] / В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск, 1994. – 24 с.
21. Сязи, З. И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш.диал.) : учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. [Текст] / З. И. Сязи, Р. Р. Скамейко. – 3-е изд., дораб. – СПб. : Просвещение, 2007. – 192 с.
22. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов [Текст] / Н. И. Терешкин. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. – 544 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Словарь деструктивных глаголов шурышкарского диалекта хантыйского языка

Глаголы механической деструкции

1. aja ewət- ‘разрезать, распилить на куски’:
2. aja ewətmə- (мгнов.) ‘разрезать на куски’
3. aja morətmə- (мгнов.) ‘разломать на куски’
4. aja morət- ‘разломать на куски’
5. aja ńıł- ‘дробить’
6. aja sewər- ‘разрубить на куски’:
7. aja sewərtmə- (мгнов.) ‘разрубить на куски’
8. aja sös- ‘высохнуть’
9. ara ewət- ‘разрезать на мелкие кусочки’
10. ara ńıxı- ‘расколоться’
11. ara ńıxımə- (мгнов.) ‘расколоть’
12. ara mǎnsə- ‘разорвать’
13. ara menəm- ‘разрывать на мелкие кусочки’
14. ara menətmə- (мгнов.) ‘разорвать’
15. ara morətmə- (мгнов.) ‘разломить’
16. ara morit- ‘ломать на мелкие кусочки’
17. ara ńǫńant- ‘размазаться’ от ńǫxał ‘грязь, вязкая смесь’
18. ara rǫx- ‘лопнуть’
19. ara rǫxnəm- (мгнов.) ‘лопнуть’
20. ara seŋk- ‘разбить на мелкие кусочки’
21. ara tox- ‘лопнуть, треснуть’
22. ara toxnəm- (мгнов.) ‘лопнуть’
23. ara wı- ‘разобрать’
24. arkəmt- суб., об., пас., ‘рухнуть, свалится’
25. awśəłt- ‘продырявить’
26. awśəmt- суб., об., пас., ‘продырявиться’
27. eŋx- ‘снимать; сдирать шкуру медведя (эвфем.)’
28. esəł- ‘бросать, стрелять, выпустить стрелу’
29. ewət- ‘резать, пилить’

30. ewəti- ‘резать, нарезать; добывать’
31. ewətmə- (мгнов.) ‘резануть’
32. ewətmij- ‘резануть’ (многokr.)
33. ewtəptə- ‘дать нарезать’
34. ewtəs- ‘резаться’
35. iɬ ewət- ‘спилить, срезать’
36. iɬ ewətmə- ‘отрезать’ (мгнов.)
37. iɬ ɲajəp- ‘обвалиться’
38. iɬ riɟ- ‘обвалиться’
39. iɬ roxɲamt- ‘провалиться, свалиться’
40. iɬ roxɲemə- мгнов. (только 3 л.) ‘рухнуть’
41. iɬ sewer- ‘срубить’
42. iɬ tu- ‘утонуть (букв.: вниз унести)’
43. iɬ xətsə- ‘сбить’
44. jowra perit- ‘вывихнуть’
45. jāŋət- ‘резать кругом’
46. jiras- ‘заниматься жертвоприношением’
47. jəša rawət- ‘захватить добычу, добыть’
48. jətəɬ- ‘скоблить (скребком шкуру), выделывать, обрабатывать, сделать годным к употреблению’
49. jətəɬmə- ‘скребнуть один раз шкуру’
50. jətəɬs- ‘заниматься выскребанием шкуры’
51. jətəɬs- ‘скоблить, заниматься выделкой шкуры’
52. jətəɬilij- ‘скрести шкуру’ (многokr., периодич.)
53. jowəɬmə- ‘ударить сильно, с размаху’
54. juɬtə- ‘уколоть, проколоть; повесить’
55. juɬtilij- ‘накалывать’ (многokr.)
56. juwəɬ- ‘мять шкуру’
57. juwəɬəɬt- ‘поручить мять’
58. juwəɬilij- ‘мять многократно в разные периоды времени’
59. juwəɬmə- ‘смять в один прием шкуру’
60. jüwət- ‘бросить; стрелять’
61. karaɬə- ‘просверлить, продырявить, ковырять’
62. kərət- ‘сдирать кору, содрать кору’

63. kāritemə- ‘содрать быстро кору’
64. kārītilij- ‘сдирать многократно кору’
65. kārŋəłt- ‘кромсать, искромсать’
66. kātna ewət- ‘распилить, разрезать (на 2 части)’
67. kātna ewətmə- (мгнов.) ‘разрезать, распилить (на 2 части)’
68. kātna mǎnšətmə- (мгнов.) ‘разорвать (на 2 части)’
69. kātna mǎnš- ‘разорвать (на 2 части)’
70. kātna menəm- ‘рвать на две части’
71. kātna menətmə- (мгнов.) ‘разорвать’
72. kātna morətmə- (мгнов.) ‘разломить (на 2 части)’
73. kātna mori- ‘разломить (на 2 части)’
74. kātna pit- ‘расколоться’
75. kātna seŋk- ‘расколоть (на 2 части)’
76. kātna sewəg- ‘разрубить (на двое)’
77. kātna sewərmə- (мгнов.) ‘разрубить (на 2 части)’
78. kātna šŋkāt- ‘сломать (на 2 части)’
79. kātna tox- ‘треснуть (на 2 части)’
80. kātna toxnəm- (мгнов.) ‘треснуть (на 2 части)’
81. kātna xǎłət- ‘расколоть’
82. kešijən pōtkə- ‘нанести удар ножом, ударить ножом’
83. kim lakemə- ‘вынуть, выпотрошить’:
84. kim pŋksəm- ‘сделаться выпуклым’:
85. kułəm- ‘развалиться, распасться, разбиться’
86. kułəm- суб. ‘порваться, разойтись по швам, развалиться’
87. kŋnš- ‘царапать
88. kŋnšaš- ‘царапаться’
89. kŋnšašti-šurxaiŋšti ‘царапаться-пинаться’
90. kŋnšətmə- (мгнов.) ‘царапать’
91. kŋnšəmt- ‘поцарапать’
92. kŋt- ‘гнить, разлагаться (звериный труп в тепле, не о рыбах)’
93. kŋtərlə- ‘обжечься’
94. kŋtərmə- ‘драться, бороться’
95. kŋtərt- ‘треснуть, сильно ударить с размаху’

96. ʃajəŋʃə- ‘нагнаиваться’
97. ʃarət- ‘кормить; обжигать – подвергать какую-либо часть тела действию огня или чего-либо едкого или жгущего, повреждать кожный покров’
98. ʃāxənt ‘душить’
99. ʃeptamt- ‘мять, смягчить (т. е. приготовить для выделки шкуру)’
100. ʃɪ̃ tarəptə- ‘убить’ (букв. потерять, выронить душу)
101. ʃəʃət- ‘растопить, плавить, делать мягким, оттаивать’
102. losəm- ‘развалиться’
103. losət- ‘разбирать, ломать, крушить’
104. lositij- ‘разбирать, разрушать’ (многокр.)
105. löskə- ‘шлёпать – ударить (ударять) с шумом ладонью или чем-либо мягким, гибким’:
106. lötxəmt- ‘вывихнуть – повреждать (повредить) какую-либо конечность, выломав или вывернув ее из сустава, сместив кости и нарушив их подвижность’
107. ʃoxət- ‘наточить’
108. ʃoxtəs- ‘заниматься точением, точить’
109. lakki karaʃə- ‘расцарапать’
110. lakki losət- ‘разобрать, разорить, развалить’
111. lakki mǎnšəmə- (мгнов.) ‘разорвать’
112. lakki mǎnši- ‘разорвать’
113. lakki menəm- ‘разорвать’
114. lakki menəmə- (мгнов.) ‘разорвать, разрезать’
115. lakki pit- ‘расколоться’
116. lakki sewer- ‘разрубить’
117. lakki šūkat- ‘разбить, расколоть’
118. lakki xǎʃit- ‘расколоть’
119. lakki xig- ‘раскопать, разрыть’
120. ʃońšəp- (мгнов.) ‘поставить, воткнуть’
121. mǎnš- ‘рвать, разорвать’
122. mǎnšə- ‘рвать, нарвать’
123. mǎnšəmə- (мгнов.) ‘порвать’

124. mǎnšəmt- ‘порвать быстро’
125. mǎnšəptə- ‘дать порвать кому-либо’
126. mǎnšəś- ‘рваться’
127. mǎnšijl- (многокр.) ‘разрывать, рвать’
128. mǎnšilij- ‘рвать’ (многокр.)
129. māšək- ‘драться, бороться’
130. menəm- ‘вырвать, сорвать’
131. menəmə- (мгнов.) ‘порвать, порваться, оторвать, оторваться’
132. menər- (мгнов.) ‘рвать, оторвать’
133. mijji- ‘дать; ударить’
134. morəmə- (мгнов.) ‘переломить, сломать’
135. morət- ‘сломать, переломить’
136. morit- ‘ломать’
137. mošmət- ‘ушибить, поранить’
138. mǎšmət- ‘ранить, испортить, сделать больным’
139. hǎj- ‘обвалиться, обваливаться’
140. hǎkšəmt- ‘вывихнуть’
141. pampra kūnš- (от pamprəg ‘мусор, грязь, пыль’) ‘исцарапать’
142. pampra mǎnšə- (от pamprəg ‘мусор, грязь, пыль’) ‘разорвать’
143. pampra rūxət- (от pamprəg ‘мусор, грязь, пыль’) ‘истыкать’
144. pampra seŋk- ‘избить, разбить’ (от pamprəg ‘мусор, грязь, пыль’)
145. pampra sewər- ‘изрубить’ (от pamprəg ‘мусор, грязь, пыль’)
146. pampra šūkat- ‘сломать’
147. hǎŋerlə- ‘искривиться, деформироваться, сплюснуться’
148. hǎŋerlij- ‘искривляться’
149. hǎxəs- ‘чистить (рыбу от чешуи), скоблить’
150. per- ‘тереть, мазать, красить; играть на музыкальном инструменте’
151. nerilij- ‘тереть’ (многокр.)
152. hǎŋ jūwətti ‘стрелять стрелой’
153. hǎrət- ‘давить, с силой нажимать, налегать всей массой’
154. hǎw- ‘скоблить, выскобливать (ровдугу)’

155. nǒx ewət- ‘отрубать’
 156. nǒx ewətmə- (мгнов.) ‘отрубать’
 157. nǒx künš- ‘собирать’
 158. nǒx lǒsət- ‘разбирать, раскрывать’
 159. nǒx mānšə- ‘оторвать’
 160. nǒx menəm- (мгнов.) ‘сорвать’
 161. nǒx ĩagəm- ‘выхватить, выдернуть, сорвать, забрать’
 162. nǒx rǐl- ‘вспыхнуть (об огне)’
 163. nǒx sewəg- ‘срубить, обрубить’
 164. nǒx sewəgmə- (мгнов.) ‘срубить, отрубить’
 165. nǒx uši- ‘соскоблить, отчистить’
 166. nǒx uši- ‘соскоблить’
 167. nǒx wǒŋx- ‘вытесать’
 168. nǒx xīg- ‘выкапывать, вырывать’
 169. nǒx xǒpīt- ‘соскабливать’
 170. nǒx xǒg- ‘снять, содрать шкуру, бересту; забить на мясо’
 171. ĩǒxǒg- ‘строгать (ножом)’
 172. ĩǒxǒgant- ‘заниматься строганием (ножом), строгать’
 173. otij- ‘рваться с треском’
 174. otŋəlt- ‘порвать с треском’
 175. rajət- ‘свалить, добыть’
 176. rarāt- ‘убить, уничтожить, умертвить’
 177. rarātij- ‘убить себя’
 178. pǎrkāt- ‘трести, вытряхивать’
 179. pǎšəg- ‘давить, выдавливать (руками), жать с силой, на-
 легая тяжестью на кого-, что-либо’
 180. pǎšəgmə- (мгнов.) ‘давить, жать’,
 181. pǎšəgt- ‘давить, выдавливать’
 182. rawəl- ‘ковать, паять’
 183. rawət- ‘уронить, свалить; добыть лося’ (эвфем.)
 184. reł- ‘уколоться, воткнуться’
 185. rełant- ‘уколоться, воткнуться’
 186. rełət- ‘колоться, уколоться’
 187. rełisij- ‘колоться’

188. pelki te- ‘прожечь’
189. pelki menem- ‘разорвать; взломать замок’
190. pelki por- ‘прогрызть’
191. pelki porətmə- (мгнов.) ‘прогрызть, прокусить’
192. pelki sewəg- ‘пробить’
193. pelki seŋk- (от pelki ‘насквозь’ и seŋk- ‘бить’) ‘пробить, проломить’
194. pelki toxnomt- ‘лопнуть, порваться’
195. pelki xətsə- ‘раздолбить’
196. peft- ‘занозить, уколоть, проколоть’
197. pit- ‘попасть, очутиться, куда-нибудь прийти’;
198. pōg- ‘загрысть, грызть, кусать’
199. pōremə- (мгнов.) ‘укусить’
200. pōrəmt- ‘просверлить’ (мгнов.)
201. pōrət- ‘сверлить’
202. pōrsāt- ‘кусаться – повреждать (повредить) какую-либо часть тела, вонзая в неё зубы, сжимая и сдавливая её зубами (о человеке, животном) или проткнув кожу жалом, хоботком (о насекомом)’
203. pōš- ‘промокать, пропитываться’
204. pōtkə- ‘толкать, пихать – касаться кого-либо, чего-либо коротким, резким движением; ткнуть, кольнуть, боднуть’
205. rox- ‘лопнуть, лопаться; трескаться, растрескаться (например, бревно, брус, балка)’
206. roxənt- ‘лопнуть, лопаться (например: рыбный пузырь, глаз, нарыв, фурункул, полный мешок чего-либо); разливаться, разлиться (ручьи), вскрыться (о реке):
207. roxərtə- ‘сделать трещину’
208. roxilij- ‘трескаться’ (многокр.)
209. roxnəmt- ‘растреснуться моментально’
210. pūksomt- ‘лопнуть’
211. pūtlə- ‘продырявиться (от носки)’
212. puxəf- ‘колоть, долбить, тыкать; бодать, бить рогами’

213. puxə́tmə- (мгнов.) ‘колоть, долбить, тыкать, бодать, бить рогами’
214. puxə́tmij- ‘тыкать, протыкать, колоть, откалывать’ (многokr.)
215. puxlant- ‘стукаться, бодаться’
216. roxə́ptə- ‘проколоть’
217. roxnemə- (мгнов.) ‘лопнуть’
218. ǰáǰəmt- ‘порваться, обтрепаться’
219. raśə́ltə- ‘нарезать мелко’ от raś ‘хвощ’
220. ǰáśij- ‘вырезать зубчики из сукна, изрезать на мелкие кусочки’
221. ǰátkə- ‘треснуть, отломиться’
222. rawət- ‘измельчить’
223. reskə- ‘ударить, стукнуть’
224. reskə́lə- ‘ударять’ (многokr.)
225. reskəmtij- ‘ударять слегка’ (многokr.)
226. reskiǰij- ‘ударять, стукать, бить’ (многokr.)
227. ǰəxəmt- ‘падать, валить (деревья)’
228. ǰəxə́nłə- ‘обрушиться, провалиться’
229. ǰəxə́nəmt- (мгнов.) ‘рухнуть, обвалиться’
230. goxə́nəmt- ‘рухнуть, обрушиться’
231. ǰəxə́nətmə- ‘обвалиться, провалиться’
232. goxə́nǰi- ‘провалиться, обрушиться’
233. šakəś- ‘задыхаться (задохнуться)’
234. šakat- ‘испортить, портить’
235. šakən- ‘задушиться, захлебнуться’
236. šakə́ptə- ‘захлебнуться’
237. šakert- ‘стянуть огнем’
238. šakiǰij- ‘портиться’ (многokr.)
239. saǰə́ltə- ‘сделать так, чтобы появилась трещина’
240. saǰt- ‘трескаться, треснуться’
241. saǰtilij- ‘трескаться’ (многokr.)
242. šə́mər- ‘сжать, сжимать’
243. šə́mərətə- (мгнов.) ‘щипать, ощупывать, сжимать’

244. šāŋki- ‘обглодать’:
245. seŋk- ‘бить, колотить, стучать; хлопать, аплодировать’
246. seŋkańś- ‘биться, драться, отбиваться – противодействовать кому-либо, чему-либо в кулачном бою или оказывая вооруженное сопротивление, защищаясь, принимать участие в крупном боевом столкновении, битве’
247. sewer- ‘рубить, косить’
248. sewermə- ‘срубить, разрубить’ (мгнов., однократно)
249. sewertī-ewətī ‘рубить-резать’
250. sewrant- ‘рубить, заниматься рубкой’
251. sewrəmt- (мгнов.) ‘рубить, косить’
252. sewrīli- (многократ.) ‘рубить, косить’
253. śix reskə- сниж.-разг. ‘убить’ (букв. насмерть ударить)
254. śix seŋk- ‘убить – забить до смерти (букв. бить до смерти)’
255. śix tał- ‘задушить, затянуть веревкой насмерть’
256. śix tāŋer- ‘задушить – убивать с силой сжимая горло’
257. śix weł- ‘убивать’
258. sōməł- ‘надрезать’
259. sōr- ‘сохнуть, высохнуть’
260. sōrəlt- ‘сушить’
261. šūka sewer- ‘нарубить мелкими кусками’
262. šūkałə- ‘сломаться, разбиться’
263. šūkat- ‘крошить; ломать, сломать, разбить; разрушить; вскопать; испортить’
264. šuŋx- ‘пинать, лягать, брыкать’
265. šūŋxańś- ‘пинаться, лягаться, брыкаться’
266. šuŋxəmtij- ‘попинывать’
267. šūŋxsə- (мгнов.) ‘пинать, лягать, брыкать’
268. šurpi ewət- ‘перерезать, разрезать’
269. šurpi- ‘пилить, рубить пополам’
270. šurpi sewer- ‘разрубить пополам’
271. šurpi toxnəm- (мгнов.) ‘сломаться пополам’
272. šurpi xəťśə- ‘ударить пополам’

273. šurimə- ‘разрубить, разрезать, распилить=в один прием на части’
274. šūrət- ‘распороть’
275. suxət- ‘выщипать, ощипывать от перьев, терebить, рвать’
276. šuxsilij- ‘пнуть’ (многокр.)
277. sos- ‘засохнуть, затвердеть, становиться твердым’
278. tāŋəŋ- ‘сжать, давить, мять’
279. tāŋəŋmə- (мгнов.) ‘сжать, давить’
280. tāŋəŋsə- ‘жать, сдавиться, скукожиться’
281. tāŋəŋt- ‘сдавить, давить’
282. tatəŋ- ‘разминать шкуру при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять, для того чтобы можно было шить’
283. tatlə- ‘выделывать (шкуру)’
284. tatləs- ‘заниматься разминанием шкуры’
285. torəŋ- ‘ущемить, поранить’
286. tōx- ‘порваться (об одежде); трескаться (о коже); оборваться (в значении умереть)’
287. tōxəŋtə- ‘умертвить, прикончить’
288. toxnomt- (мгнов.) ‘сломаться, ломаться; порваться; взорваться’
289. turəŋ- ‘поранить’
290. tūwemə- ‘вести удар, рассекать’
291. uŋkəŋ- ‘бодать’
292. uŋŋi- ‘обглодать, обгрызть’
293. ušī- ‘скрести, соскоблить’
294. walśəŋmə- ‘строгать’
295. wāŋś- ‘разрезать, рассечь, вспороть’
296. wāŋśemə- (мгнов.) ‘разрезать, рассечь, вспороть’
297. wāŋśəs- ‘заниматься разрезанием рыбы, заниматься кройкой’
298. wašmə- ‘резать прямо’
299. weŋ- ‘убивать, добывать’

300. wełək- ‘освободить дерево от веток, обрубить сучья на дереве’
301. wełəm- (мгнов.) ‘убить’
302. weł’э- ‘добывать, промышлять, охотиться’
303. wełi- ‘убить’
304. wełpəsłə- ‘охотиться, добывать’
305. woŋx- ‘тесать, обтесать, строгать’
306. woŋxant- ‘тесать, обтесать, строгать’
307. woŋxət- ‘строгать, обтёсывать’
308. woŋxiłij- ‘тесать’ (многокр.)
309. woŋxsə- ‘сделать затес’
310. woŋxsiłij- ‘затёсывать’
311. wōšəm- ‘снимать кору, соскабливать, скрести, отскребать’
312. wōxłta- ‘добывать медведя (табу)’
313. wūra pawət- ‘добыть’
314. wūrat- ‘добить, уничтожить’:
315. wūrit- ‘побить очень сильно’
316. wūrśi- ‘очень сильно бить’
317. wūsəmə- ‘вспыхнуть’
318. wołət- ‘строгать (рубанком); тесать, обтесывать (топором)’
319. xāłət- ‘колоть, раскалывать’
320. xāt’sə- ‘ударить, стучать’
321. xāxəgmə- (мгнов.) ‘скоблить, скрести’
322. xāxərt- ‘скоблить, скрести’
323. xerī- ‘скрипеть, трещать (лед, снег под едущими санями, деревья)’
324. xersemə- (мгнов.) ‘скрипеть, трещать (о деревьях)’
325. xīr- ‘копать, рыть, рыхлить’
326. xīrəmt- (мгнов.) ‘копать, рыть, рыхлить’
327. xīrəp- ‘копать’
328. xōj- ‘попасть’
329. xōł menəm- ‘оторвать’
330. xōł ewət- ‘срезать, отрезать’
331. xōł łōr- ‘изъесть’

332. xǝl ʎösət- ‘разобрать’
 333. xǝl mǎnši- ‘обрывать, сорвать’
 334. xǝl mǝrit- ‘отломать’
 335. xǝl peʎa tǝ- (фраз.) ‘убить’
 336. xǝl rǎkǎn- ‘отвалится, оторваться, отлететь’
 337. xǝl sewǎg- ‘срубить, отрубить’
 338. xǝl šǝkǎt- ‘разбиться’
 339. xǝl tǎjt- ‘истаскать’
 340. xǝl tǝxnǎm- ‘оторваться’
 341. xǝʎa- ‘кончиться, закончиться; скончаться, пропасть’
 342. xǝp- ‘копать, рыть, вырыть; черпать’
 343. xǝremǎ- ‘откалывать, отделять’ (мгнов.)
 344. xǝrǎt- ‘отколоть’
 345. xǝg- ‘драть, ободрать, разделывать, снимать бересту, шкуру (зверя, рыбы)’
 346. xǝgemǎ- (мгнов.) ‘сорвать; содрать, драть, ободрать, разделывать, снимать шкуру (зверя, рыбы)’
 347. xǝgǝlǎ- ‘свежевать тушу’
 348. xǝtǎs wǎg- ‘убить, умертвить’
 349. xǝwǎt- ‘скоблить’

Глаголы химической (биологической) деструкции

1. ǎntǝma ji- ‘умереть (букв.: к нет стать)’
2. arkǎrt- ‘умереть’ перен. (букв.: свалиться)
3. ewǎlmǎ- ‘умирать’
4. is mǎn- ‘умереть’ (букв.: душа уходит)
5. jiŋka pit- ‘утонуть’ (букв.: в воду попасть)
6. jištota pit- ‘утонуть’ (букв.: в то, что пьют, попасть)
7. ʎj- ‘гнить – стать гнилым (испорченным или разрушенным действием микроорганизмов), подвергаясь органическому разложению’
8. ʎjǎlt- ‘сгноить’
9. ʎjǎmt- ‘сгнить быстро’
10. ʎl luttǎ- ‘умереть (букв.: дыхание потерять)’
11. ʎl mǎn- ‘умереть’ (букв.: душа уходит)

12. ĩĭ toxɛn- ‘умереть’ (букв.: дыханию порваться)
13. ĩĭ xurĭɛ- ‘жизнь закончилась’ (букв.: дыхание оборвалось)
14. ĩɔxiɛ- ‘умереть’ (букв.: смыться, т. е. уйти в другой мир)
15. momi- ‘умереть (о животном)’
16. momij- ‘умереть’
17. momijɛ- ‘умереть’
18. ĩǎxi- ‘стать несвежим от долгого лежания (рыба в тепле) – от лежания становится мягкой, утратить свою свежесть’:
19. ĩǎxit- ‘заставлять портиться (о рыбе, о мясе)’
20. paɣ- ‘умереть, погибнуть (о человеке); проходить’
21. paɣɛmt- ‘умереть’ (момент.)
22. paɣi- (от прилаг. paɣeɽ ‘гнилой’) ‘гнить, трухлеть’
23. poɭɛx- ‘развалиться, разваливаться, разлагаться’
24. poɭsaɭ- ‘умереть, скончаться (о человеке, о родственниках, о чужаках)’ (букв.: искапаться, растратиться)
25. šǎk- ‘испортится, становится кислым, протухнуть (о продуктах питания); становится плохим, портиться (зрение, настроение, одежда, прибор при работе); становится слабым (лошадь, человек); о погоде’
26. šǎkɛmt- ‘испортиться быстро’
27. šakɛn- ‘задохнуться’
28. šǎkɛptɛ- ‘портить, испортить’
29. šakerɭɛ- ‘стянуться, скукожится, окоченеть’
30. šawɛrmɛ- ‘скончаться’
31. šawɛs- ‘умереть (о близком человеке, особенно о старом)’
32. serɛt- (seri ‘муха’) ‘быть обсиженным мухой’
33. seritj- ‘быть обсиженным мухом часто, иногда’ (многokr.)
34. sɔɣ- ‘сохнуть, вянуть – терять свежесть, увядать (о растениях)’
35. soraɭ- ‘сушить – изменять состояние предмета, удаляя влагу, сырость воздействием тепла или солнца’
36. sulkɛmt- ‘умереть, выпасть, выскользнуть’
37. šŭw- ‘киснуть – становится кислым в результате брожения’

38. šŷwəp- ‘киснуть – становиться кислым в результате брожения’

39. šukat- ‘мучить, обижать; умертвить (о животном)’

40. sorma ji- ‘умереть’ (букв.: к смерти стать)

41. sorma jōxət- ‘умереть’ (букв.: к смерти прийти)

42. sorma pit- ‘умереть’ (букв.: к смерти стать)

43. tarna ji- ‘погибнуть, гибнуть’

44. toxən- ‘умереть, кончиться,’

45. tūŋktə- ‘покрыться мхом’

46. uš- ‘умирать, потеряться, исчезнуть’

47. wewa rawət- ‘умирать, угасать, тяжело болеть’

48. xāŷ- ‘сдохнуть,дохнуть, погибнуть’

49. xāŷa- ‘убить (от сущ. xāŷa ‘покойник’)

50. xāŷlij- ‘умирать неоднократно, умереть ожить’

51. xāŷtəptə- ‘ждать смерти кого-либо’

52. xāŷŋajət- ‘ржаветь’

53. xišŷŷə- ‘покрыться плесенью’

54. xōŷ peŷa ŷəŷəm- (фраз.) ‘умереть неожиданно’

55. xōŷa- ‘скончаться’ (букв.: кончиться);

56. xōtəs jŷ- ‘умереть’

57. xurŷə- ‘гаснуть – прекращать (прекратить) горение, свечение; умереть, исходить (перен.)’

58. xotəs ji- ‘умереть’ (букв. как-то стать)

Глаголы температурной деструкции

1. ŷōŷət- ‘растопить, плавить, делать мягким; оттаивать (растапливать)

2. paŷ- ‘плавить, растопить, вытапливать, готовить жир’

3. paŷəmt- (мгнов.) ‘плавить, растопить, готовить жир’

4. paŷŷə- ‘растапливать (о жире)’

2. Словарь деструктивных глаголов казымского диалекта хантыйского языка

Глаголы механической деструкции

1. aja namřiti 'разрезать медведя на куски'
2. aja namřiti 'разрезать на мелкие части'
3. aŋliti 'резать неровно (обкорнать), кромсать'
4. ara awšamti 'развалиться'
5. ara kolamti 'разойтись по швам, развалиться'
6. ara loŋxiti 'расколоть'
7. ara kolamti 'развалиться'
8. ara loŋxiti 'расколоться'
9. ara loŋxiti 'расколоть'
10. ara loŋxitemäti 'расколоть'
11. ara narłati 'развалиться'
12. ara eřatti 'лопнуть'
13. aratti 'рухнуть'
14. wašti 'рассекать'
15. wułi šakti 'испортиться'
16. wultti 'строгать, тесать'
17. wusiti 'ударить'
18. wūřiti 'бить очень сильно'
19. wūršamti 'ударить, хлестнуть веревкой'
20. wūsa jiti 'продырявиться'
21. wūstati 'продырявить'
22. weł'ijalti 'добывать, убивать'
23. wełti 'добыть, добывать, убить'
24. wełtantti 'убивать друг друга'
25. wełamti 'убить (мгнов.)'
26. weł'äti 'добывать (многократ.)'
27. ił aratti 'рухнуть'
28. ił arxamti 'рухнуть (о предмете)'
29. ił mōremäti 'отломиться (о ветке)'
30. iłi goxan'ati 'обвалиться'
31. iłi roxnemäti 'обвалиться'

32. iŋ mərəmətī ‘обломиться’
33. jowəhmətī ‘ударить сильно, с размаху’
34. kātna woŋxtī ‘расколоть’
35. kātna toxnemətī ‘разорваться, порваться на две части’
36. kātna xuripī ‘расколиться’
37. loŋxitī ‘расколиться’
38. loŋxittī ‘колоть, рубить’
39. loŋxitemətī ‘расколоть’
40. loŋxemətī ‘расколоть, расколиться’
41. mitəltətī ‘ударить сильно’
42. muxtī rəxəltī ‘проколоть, проткнуть, продолбить’
43. muxtī karəltī ‘продырявить’
44. muxtī pittī ‘продырявиться’
45. nux waŋśmətī ‘срезать (мгнов.)’
46. nux tānəltī ‘мять шкуру (сделать мягкой)’
47. loŋxemijəltī ‘раскалывать’
48. nux toxnemətī ‘отторваться’
49. ŋāslītī ‘обкорнать’
50. ŋāŋa menemətī ‘разорвать на четыре части’
51. ŋəŋsətī ‘давить, придавить’
52. pātliitī ‘отшлепать, бить’
53. poŋamttī ‘содрать шкуру’
54. rəxlanttī ‘колотья’
55. rəxlemətī ‘долбить’
56. pelka pəsləmttī ‘лопнуть’
57. pelka rəxnemətī ‘лопнуть (мгнов.)’
58. pelka loŋxitī ‘расколиться’
59. pelka toxnemətī ‘разорваться, лопнуть (мгнов.)’
60. pelka sīlemətī ‘рассечь ножом (мгнов.)’
61. pelka sīltī ‘рассечь ножом’
62. pelka sumərmətī ‘раздавить’
63. gawa mənšətī ‘разорвать на мелкие кусочки’
64. gawa seŋktī ‘разбить, расколоть на мелкие части, вдребезги’
65. tānəstī ‘мять шкуру’

66. tǎnǎtǐ ‘мять шкуру животного, чтобы можно было шить’
67. tǒtʹǎtǐ ‘добывать’
68. xǎxǐtǐ ‘вырезать (букв.: выскребать)’
69. xohǎtǐ ‘раскалываться, растрескиваться (от нагревания)’
70. xursaštǐ ‘снимать шкуру’
71. šarǎtǐ ‘ударить сильно’
72. šawǐramtǐ ‘умертвить’

Глаголы химической (биологической) деструкции

1. wera pittǐ ‘умереть не своей смертью (букв.: к случаю стать)’
2. ʎǒŋxa jǐtǐ, kaʎta jǐtǐ ‘умереть (букв.: богом-духом стать)’
3. ʎǐʎ suxǎntǐ ‘умереть’
4. nuǎǎmtǐ ‘околеть’
5. pǒxǎʎmǎtǐ ‘толкнуть, проткнуть, уколоть’
6. pušǎmtǐ ‘умереть’
7. pǐpa jǐtǐ ‘умереть’
8. pǐrǎmǎtǐ ‘умереть’
9. pǎlkan mǎntǐ ‘умереть’
10. rawmǎtǐ ‘скончаться, умереть (букв.: стать мелкими частями)’
11. suwǎmtǐ ‘умереть’
12. torǎntǐ ‘умереть, пропасть’
13. xǎǎǎmǎtǐ ‘скоропостижно умереть’
14. xǐrǎmǎtǐ ‘умереть (букв.: отвалиться (о коре)’
15. šawǎrmǎtǐ ‘скончаться’
16. šakǎrlǎtǐ ‘окоченеть’

3. Структурные схемы и соответствующие им модели ЭПШ хантыйского языка, формируемых глаголами деструктивного действия

Акциональные модели, формируемые глаголами деструкции

Одноактантная модель деятельности

$N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} \leftrightarrow V_{\text{f sub j}}$ Ma woŋxantsəm ‘Я строгал’; Asem woŋxantəŋ ‘Отец строгает’;

Двухактантная модель действия

Модель с типовым значением воздействия субъекта на объект «кто что делает»

$N_{\text{NOM}}^{\text{Ag}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} V_{\text{f sub j/obj}}$ Pirəs imi xül wəŋpəšijəs, sōx jōntəs ‘Старушка рыбу добывает, одежду шьет’; Pirəs iki woj wəŋpəšiman, wuliŋəŋ šawiiŋ ‘Старик охотиться, заботится об оленях’;

$N_{\text{NOM}}^{\text{S}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} N_{\text{instr}}^{\text{Loc}} V_{\text{f obj}}$ «кто что чем делает» Ma tāxti kešijən ušijem ‘Я шкуру ножом скоблю’; Jūx kešijən ŋoxərlem ‘Палку ножом строгаю’; Łäjəmn хот хәр soxəŋ jəməs woŋxi ‘Топором хорошо обтесай доски для пола’;

$N_{\text{NOM}}^{\text{ob}} N_{\text{LOC}}^{\text{Ag}} V_{\text{f pass}}$ Kesem nawremət=ən, əŋpa, šukatsa ‘Нож=мой детьми, наверное, сломан’, Tam nūw roxen=ən mōriŋtsa ‘Эта ветка сыном=твоим сломана’, Kerlem aršəm=ən tatŋŋa ‘Шкура (с лапы) сестренкой=нашей будет помята’ (букв.: помнется);

$N_{\text{NOM}}^{\text{S}} N_{\text{NOM}}^{\text{Ob}} \{N_{\text{DAT}} V_{\text{f sub j/obj}}\}$ Asem ŋn sort joša rawətmaŋ ‘Отец=твой большую шуку добыл=оказывается’;

Статальные модели, формируемые глаголами деструкции

Модели состояния

$N^{\text{Exp}}_{\text{NOM}} V_{\text{f stat sub j}}$ Sāməŋ ŋi pōxənəŋ ‘Сердце разорвется’ (букв.: лопнуть (о состоянии страха), Sāməŋ lōŋəŋ ‘Настроение (букв.: сердце тает) улучшилось’; Łūw xūwəŋ poŋəŋəs ‘Он давно скончался’; Isa mir xōŋŋət ‘Народ погибает’;

$N_{\text{NOM}} (N_{\text{DAT}} V_{\text{f sub j}})$ Moma ja jis ‘Умер’; Ši neŋen lūŋən sōrma jis ‘Эта женщина летом умерла’; Xūwəŋ mošitəm őtew pūpa jis ‘Давно болевший наш умер’;

$N^{\text{Ob}}_{\text{NOM}} V_{\text{f pass}}$ ŋalmem kūtərŋəsa ‘Язык обжег’; Tūrem kūtərŋəŋəŋ ‘Горло жжет’; Kartem xarnajətsa ‘Пила=моя заржавела’; Karti šūkŋəŋ isa xarnajətsajət ‘Железные детали совсем заржавели’;

$N^{\text{Ob}}_{\text{NOM}} N^{\text{Force}}_{\text{Loc}} V_{\text{pass}}$ Łūw pāləŋ=ən wəlsa ‘Он был убит громом’; Ješŋəŋ tūt=ən kūtərŋəsijən ‘Руки огнем обожжены’; Kerəŋ

joŋərsajən jama jətəŋa ‘Камус скребком хорошо скребут’; Łjjet
xästəŋ peŋsa ‘В палец заноза вонзилась’.

4. Список информантов

№ п/п	ФИО	Год рождения	Место рождения	Место жительства
1	Нахрачёв Дмитрий Никитич	1962	д. Мошпан, Шурышкарский район, ЯНАО	п. Казым-Мыс, Шурышкарский район, ЯНАО
2	Нахрачёв Леонид Никитич	1953	д. Мошпан, Шурышкарский район, ЯНАО	п. Казым-Мыс, Шурышкарский район, ЯНАО
3	Нахрачёва (Тогачева) Вера Прокопьевна	1964	д. Ханты-Мужи, Шурышкарский район, ЯНАО	п. Казым-Мыс, Шурышкарский район, ЯНАО
4	Нахрачёва Зинаида Николаевна	1957	д. Карвожи, Шурышкарский район, ЯНАО	п. Казым-Мыс, Шурышкарский район, ЯНАО
5	Нахрачёв Николай Никитич	1957	д. Мошпан, Шурышкарский район, ЯНАО	с. Мужы, Шурышкарский район, ЯНАО
6	Соловар Валентина Николаевна	1958	с. Казым, Белоярский район, ХМАО-Югра	г. Ханты-Мансийск, ХМАО-Югра
7	Шиянова Анастасия Антоновна	1983	п. Питляр, Шурышкарский район, ЯНАО	г. Ханты-Мансийск, ХМАО-Югра
8	Енов Сергей Иосифович	1979	п. Казым-Мыс, Шурышкарский район, ЯНАО	с. Мужы, Шурышкарский район, ЯНАО
9	Лельхова Федосья Макаровна	1968	д. Овалынгорт, Шурышкарский район, ЯНАО	г. Ханты-Мансийск, ХМАО-Югра
10	Тогачев Прокопий Никитович	1937	д. Ханты-Мужи, Шурышкарский район, ЯНАО	д. Ханты-Мужи, Шурышкарский район, ЯНАО
11	Шульгина Ульяна Николаевна	1958	с. Казым (Нумто), Белоярский район, ХМАО-Югра	г. Ханты-Мансийск, ХМАО-Югра

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

каз. – казымский диалект хантыйского языка; **коми** – коми язык; **манс.** – мансийский язык; **мар.** – марийский язык; **мокш.** – мокшанский язык; **удм.** – удмуртский язык; **эрз.** – эрзянский язык; **шур.** – шурышкарский диалект хантыйского языка;

букв. – буквально; **др.** – другой; **мгнов.** – мгновенный (тип глагольного действия); **многокр.** – многократный (тип глагольного действия); **об.** – объектное спряжение; **пас.** – пассив; **суб.** – субъектное спряжение; **перен.** – переносное значение; **разг.** – разговорный;

N^{Ag} – субъект-агнс; **N^{exp}** – субъект-эксперिएнцер, пассивный носитель состояния; **NOM** – именительный падеж; **Instr** – местно-творительный падеж; **DAT** – дательный / дательно-направительный падеж; **V_f** – финитный глагол; **об** – объектное спряжение; **sub** – субъектное спряжение;

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

ЛА – Лух авт : газета. – Салехард, 2001–2014.

DEWOS – Steinitz, W. DEWOS Diealektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz. – Berlin, 1966–1991.

ДСХЯ – Диалектологический словарь хантыйского языка: (шурышкарский и приуральский диалекты) : ок. 3600 слов / С. И. Вальгамова [и др.] ; под ред. Н. Б. Кошкарёвой ; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Екатеринбург : Баско, 2011. – 207 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь (БЭС). – Москва ; Санкт-Петербург, 1997. – 1434 с.

ХЯ – Хантыйский язык : учеб. для уч-ся пед. училищ / А. М. Сенгепов, Е. А. Немысова, С. П. Молданова [и др.] ; под ред. Е. А. Немысовой. – Ленинград : Просвещение, 1988. – 224 с.

INHALTSANGABE

Die Monografie «Die Semantik und die Funktionierung der Destruktivverben in der Chantysprachen (auf dem Material Schuryschkar Dialekt)» hat der Erforschung die lexikalisch-semantische Gruppen der Destruktivverben, die Beschreibung der lexikalischen und syntaktischen Semantik und Klassifikation diese Verben in der Hanty Sprache gewidmet.

Unsere Monografie wird aus 2 Kapitel bestehen.

Das 1. Kapitel ist allgemeinen Fragen dem Forschungsthema gewidmet. Hier offenbart sich der Inhalt der theoretischen Konzepte, analysiert die relevanten Ansichten über Fragen der lexikalischen und syntaktischen Semantik, beschreibt die Methoden der Untersuchung der Semantik des Verbs, untersucht lexikalische Semantik der Destruktivverben in der Chantysprachen auf dem Material Schuryschkar Dialekt: definiert Inhalt und Umfang der Begriffe «Destruktion», beschreibt die Typen der lexikalischen Kompatibilität der untersuchten Verben, die Semantische Klassifikation der Destruktivverben in der Chantysprachen.

In 2. Kapitel handelt es sich um die Modellierung der Struktur eines einfachen Satz.

Unser Thema ist aktuell. Wir untersuchten viele Arbeiten zu diesen Thema im Deusch, Englisch, Tatar, Russischensprachen. In der wissenschaftlichen Literatur auf Chantysprache vor unserer Zeit waren diese Verben kein Objekt der speziellen Forschung nach ihrer Beschreibung. Deshalb in der vorliegen Arbeit wird der Versuch der Beschreibung der lexikalisch-semantischen Gruppen der Destruktivverben unternommen. Die Forschung erschwert in dieser Richtung das Fehlen von Wörterbüchern von mittlerer Größe und von Texten unterschiedlicher Genres.

Als Grundlage für diese Untersuchung war die Kartothek des Autors, die aus 4000 Karten mit verschiedenen Varianten der destruktiven Verben besteht. Sie besteht aus der künstlerischen Werke, Publizistik, Wörterbücher, Lehr- und wissenschaftlichen Publikationen,

mündlichen Volksschaffens, Aufzeichnungen mündlicher und schriftlicher Ausdruck gesammelt, sowie die Befragung.

In unsern Arbeit vorgeschlagen, eine der Methoden der Untersuchung der lexikalischen Systems Chanty Sprache.

Die Ergebnisse der Arbeit werden den Studenten, den Lektoren der Chantysprachen, den Aspiranten und allen, die sich für Chantysprachen interessieren, nützlich bringen.

Научное издание

Галина Леонидовна Нахрачева

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале шурышкарского диалекта)**

Монография

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 18.07.2016.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 10,44. Тираж 150 экз. Заказ № 48.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 912-019, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru